

2022

Volume 16

No 4(62)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2022

Том 16

№ 4(62)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 164 с. Тираж 32 экз. Заказ № 22162. Цена свободная. Дата выхода в свет 30.12.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Ierusalimskaya S. Y.

The system of the religious educational institutions in the Yaroslavl province in the second half of the 19th century.....550

Lebedev A. V., Moysinovich A. M.

The reflection of the events of mass political repressions of 1937–1938 on the pages of the periodical press (on the materials of the newspaper «Stakhanovets transporta») 560

Marchukov A. V.

"Life under the german": sexual violence in the occupied regions of the Ukrainian SSR (1941–1943).....574

Koltsov M. V.

Herbert Morrison in British Governments (1945-1951).....584

Inviyaeva V. V.

American Administration and Humanitarian Aid for the Victims of the Spanish Civil War (1936-1939).....596

Blinova E. V.

"African" London: Visual Perception (XVII–XIX cent.) 604

LAW

Ivanchin A. V., Kuleva L. O., Naurbieva F. Kh.

Legal and psychological aspects of determining age of criminal responsibility 612

Lushnikov A. M, Karpov A. A., Smirnov D. A.

On some aspects of the fight against mobbing: problems of rulemaking and judicial practice 624

Tarusina N. N., Koneva E. V.

Distance Learning: Between Legality and Harmfulness (Lessons from the Pandemic).....634

Simonova S. V.

Data processing on digital platforms: topical issues of improving legislation and practice.....642

Tarusina N. N.

"Ssurrogate paternity" as voluntary or involuntary blackmail of the judicial system 650

Silantev S. A.

Significance of the aim factor to qualification of offences against religious freedom (art. 148, 282 of Criminal Code of Russian Federation).....658

Dzhidzhavadze L. G.

Psychological restrictions in labor law: problem statement.....666

PSYCHOLOGY

Zhedunova L. G., Schwartz T. S.

The relationship between separation anxiety and the picture of the world in adolescence.....672

Tokareva V. B.

Primary diagnosis of personality traits in athletes of team sports 682

Markova E. V., Kolyshkina T. B.

Employee value orientations as regulators of organizational climate assessment 516

Borovkova M. V.

Comparative analysis of self-perception of adolescents in a situation of remarriage of parents and adolescents from families of the first marriage.....698

ИСТОРИЯ

Иерусалимская С. Ю.

Система духовных учебных заведений в Ярославской губернии
во второй половине XIX века.....550

Лебедев А. В., Мойсинович А. М.

Отражение событий массовых политических репрессий
1937–1938 гг. на страницах периодической печати
(по материалам газеты «Стахановец транспорта»).....560

Марчуков А. В.

«Жизнь под немцем»: сексуальное насилие
в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.).....574

Кольцов М. В.

Герберт Моррисон в правительствах Великобритании (1945–1951 гг.).....584

Инвизева В. В.

Американская администрация и гуманитарная помощь
пострадавшим от боевых действий в годы гражданской войны
в Испании (1936–1939).....596

Блинова Е. В.

«Африканский» Лондон: визуальная перцепция (XVII–XIX вв.).....604

ПРАВО

Иванчин А. В., Кулева Л. О., Наурбиева Ф. Х.

Юридико-психологические аспекты определения возраста,
с которого наступает уголовная ответственность 612

Лушников А. М., Карнов А. А., Смирнов Д. А.

О некоторых аспектах борьбы с моббингом:
проблемы нормотворчества и судебной практики.....624

Тарусина Н. Н., Конева Е. В.

Дистанционное обучение: между правомерностью
и вредоносностью (уроки пандемии).....634

Симонова С. В.

Обработка данных пользователей цифровых платформ:
актуальные вопросы совершенствования законодательства и практик ...642

Тарусина Н. Н.

"Суррогатное отцовство" как вольный или невольный шантаж
судебной системы.....650

Силантьев С. А.

Значение признака цели для квалификации преступлений
против религиозной свободы (ст. 148, 282 УК РФ) 658

Джиджавадзе Л. Г.

Психологические ограничения в трудовом праве:
постановка проблемы.....666

ПСИХОЛОГИЯ

Жедунова Л. Г., Шварц Т. С.

Взаимосвязь сепарационной тревоги и картины мира
в юношеском возрасте 672

Токарева В. Б.

Первичная диагностика личностных особенностей
у спортсменов командных видов спорта.....682

Маркова Е. В., Кольшикина Т. Б.

Ценностные ориентации сотрудников как регуляторы оценки
организационного климата 688

Боровкова М. В.

Сравнительный анализ самовосприятия подростков
в ситуации повторного брака родителей и подростков из семей
первого брака.....698

The system of the religious educational institutions in the Yaroslavl province in the second half of the 19th century

S. Yu. Ierusalimskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-550-559

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the system of educational institutions of the spiritual department, functioning in the post-reform period in the Yaroslavl province. The role of the diocesan school council in the development of Orthodox spiritual education in the Yaroslavl region is revealed. The changes that have taken place in the activities of the seminary, theological schools, the school for girls of the clergy, the diocesan Jonathan women's school are given. The personal composition of the heads of the main educational institutions of the diocese is given. The main features of the spiritual education reforms are noted - attempts to introduce the principle of all-estate, a response to the challenges of the time, bringing curricula closer to the requirements of modern life. The socio-cultural activity of the Yaroslavl diocese in the modernization of spiritual education in the second half of the 19th century is shown.

Keywords: Theological educational institutions; Yaroslavl diocese; socio-cultural activities; post-reform period

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ierusalimskaya, Svetlana Yu. | E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
| Doc. Sc. (History)

Funding: Russian Science Foundation (project 22-28-01231), <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>

Система духовных учебных заведений в Ярославской губернии во второй половине XIX века

С. Ю. Иерусалимская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-550-559
УДК 930.253

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется система образовательных учреждений духовного ведомства, функционирующих в пореформенное время в Ярославской губернии. Раскрывается роль епархиального училищного совета в развитии православного духовного образования Ярославского края. Приводятся изменения, происшедшие в деятельности семинарии, духовных училищ, училища девиц духовного звания, епархиального Ионафановского женского училища. Дан персональный состав руководителей основных учебных заведений епархии. Отмечены основные черты реформ духовного образования – попытки внедрения принципа всеобщности, ответ на вызовы времени, приближение учебных программ к требованиям современной жизни. Показана социокультурная деятельность Ярославской епархии в деле модернизации духовного образования во второй половине XIX в.

Ключевые слова: духовные учебные заведения; Ярославская епархия; социокультурная деятельность; пореформенное время

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимская, Светлана Юрьевна | E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Доктор исторических наук

Финансирование: Российский научный фонд (проект № 22-28-01231), <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>

Изучение духовного образования в России пореформенного периода является важным для воссоздания полной картины отечественного народного просвещения во второй половине XIX века. Понятие «вторая половина XIX века» в статье будет рассмотрено применительно к 1861–1900 гг., т. к. отмена крепостного права в 1861 г. и последующие за ней великие реформы 1860–1870-х гг. стали рубежом, который отделяет первую половину столетия от последующего времени. В данный период образование, связанное с Русской православной церковью, первоначально также переживало период реформ, а в позднее – возврата к старому на новом уровне.

© Иерусалимская С. Ю., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Существует ряд работ, посвященных как всей системе отечественного православного духовного образования второй половины XIX века [1–5], так и отдельным сюжетам локального уровня [6–8]. Некоторые из них построены на основе изучения деятельности духовных учебных заведений в Ярославской губернии [9–11].

Источники по данной теме традиционно делятся по видам: это законодательные, делопроизводственные, статистические, периодическая печать, публицистика, воспоминания, дневники и личная переписка [см., например, 12–14].

О значимости духовных учебных заведений в структуре народного образования Ярославской губернии в начале 60-х гг. XIX века свидетельствуют статистические выкладки, приведенные в «Памятной книжке Ярославской губернии на 1862 год»: «Число учащихся к общему числу жителей относится как 1:107, в частности же по духовному ведомству как 1:10, а по другим сословиям, как 1:146» [13, с. 217]. В 1861 г. в губернии действовали духовная семинария с 420 учащимися, 4 духовных уездных училища с 989 учениками и училище девиц духовного звания с 85 воспитанницами [13, с. 217].

Система духовных учебных заведений в Ярославской губернии во второй половине XIX века включала в себя семинарию, духовные училища, церковно-приходские школы и школы грамоты. По их деятельности сохранились многочисленные неопубликованные и опубликованные источники [15–30].

Весь контроль в епархии за православным духовным образованием осуществлял Ярославский епархиальный училищный совет. Он решал много вопросов по хозяйственной и учебной жизни учебных заведений, подведомственных Ярославской епархии Русской православной церкви. Возглавлял епархиальный училищный совет председатель, ректор Ярославской духовной семинарии. Почетным попечителем церковных школ епархии являлся губернатор, по должности входивший в состав совета, что на практике позволяло светской власти осуществлять помощь в решении хозяйственных проблем учебных заведений, контролировавшихся епархией, а также иметь определенное влияние на образовательную политику епархии.

В 1899–1903 гг. должность председателя Ярославского епархиального училищного совета занимал протоиерей Михаил Васильевич Троицкий (одновременно с этим постом он возглавлял Ярославскую духовную семинарию в качестве ректора). Почетным попечителем совета с 1896 г. состоял ярославский губернатор, высочайшего двора гофмейстер Борис Владимирович Штюрмер, будущий председатель Совета министров Российской империи в 1916 г. На рубеже XIX–XX в. членами Ярославского епархиального училищного совета являлись как духовные, так и светские лица – управляющий Ярославской казенной палаты, действительный статский советник М. С. Кропотков; преподаватели духовной семинарии: статский советник, кандидат богословия В. С. Преображенский; магистр богословия К. Н. Смирнов; канди-

дат богословия, статский советник В. И. Дмитриевский; учитель духовного училища, надворный советник, студент семинарии А. А. Завьялов (он же заведующий книжным складом и библиотекой при совете); секретарь духовной консистории, студент семинарии А. Л. Воезерский; городской архитектор, академик архитектуры А. А. Никифоров.

В совет также входили по должности епархиальный наблюдатель церковных школ епархии, надворный советник, кандидат богословия И. П. Успенский; директор народных училищ Ярославской губернии Л. Н. Мочульский. Почетными членами совета состояли протоиерей Успенского кафедрального собора епархии Н. А. Крутиков и протоиерей церкви Спаса на Городу в Ярославле А. И. Яновский [14, с. 165–166].

Во второй половине XIX века во всех десяти уездах Ярославской губернии действовали соответствующие отделения епархиального училищного совета. В них входили известные промышленники и купцы, чье состояние измерялось десятками тысяч рублей, такие как известный меценат Л. Н. Пастухов, выдающийся краевед, надворный советник А. А. Титов, купец Н. К. Андронов. Не осталось в стороне и ярославское губернское земство. Председатель губернской земской управы, статский советник А. П. Крылов также вошел в Ярославское отделение епархиального училищного совета, а ряд земских деятелей – в другие отделения совета, что говорит о тесном взаимодействии губернского и уездного земств с епархией по вопросу о народном образовании, подведомственном духовным властям.

В различные городские (уездные) отделения совета входили потомственный почетный гражданин Ярославля И. Н. Соболев; почетный попечитель церковных школ Рыбинского уезда, действительный статский советник А. А. Радонежский; священник Спасо-Преображенского собора А. А. Золотарев (отец известных научных, общественных и культурных деятелей, краеведов братьев Сергея, Николая, Алексея и Давида Золотаревых, активная деятельность которых придется на первую половину XX века [31, с. 15–17; 32, с. 234–240]); смотритель Угличского духовного училища К. И. Лавров; председатель Угличской уездной земской управы, высочайшего двора, камер-юнкер Н. Н. Тучков; преподаватели духовных и городских училищ, священнослужители местных церквей и монастырей, студенты семинарии, надзиратели за учениками, медики. Активно участвовали в работе в составе отделений предводители дворянства Мышкинского и Мологского уездов Ярославской губернии А. А. Тютчев и П. М. Азанчевский-Азанчевев соответственно, а также Мологский уездный исправник М. А. Голубов, что показывает существенное влияние на развитие системы духовных учебных заведений глав местного государственного управления и дворянского самоуправления и их взаимодействие с преподавателями школ духовного ведомства, со священнослужителями и с представителями общественности по данному вопросу [14, с. 169–184].

Таким образом, включение губернатора, других местных чиновников, значительного количества светских лиц в состав епархиальных училищ-

ных советов и их отделений ярко раскрывает сущность синодального периода в истории Русской православной церкви, когда Церковь была важным, но далеко не определяющим элементом государственной структуры Российской империи.

Во второй половине XIX века продолжила работу одна из старейших в стране Ярославская духовная семинария. Ее ректорами за указанный промежуток времени являлись Николай Андреевич Тихвинский, Николай Афанасьевич Барский и Михаил Васильевич Троицкий [33, с. 81], причем первые двое возглавляли семинарию не менее 13 лет. Существенную роль в управлении семинарией играл инспектор, а помогали ему три помощника. В ее штате насчитывалось 17 преподавателей, а также священник семинарской церкви и духовник воспитанников в одном лице, эконоом, врач, его помощник. Решению хозяйственных вопросов в определенной мере способствовал почетный блюститель по хозяйственной части. Высшим органом управления семинарией являлось правление, которое возглавлял ректор. В его состав входили инспектор, четыре преподавателя, эконоом, а также два представителя от ярославских священнослужителей, секретарь и писмоводитель [14, с. 166–167].

После реформ в духовной школе в 1868–1870 гг. представители всех сословий были допущены к поступлению в духовные учебные заведения, а выпускники семинарий – в университеты. Таким образом, в 1870-е гг. Ярославская духовная семинария стала всесословным учебным заведением. Согласно Уставу в нее принимались молодые люди православного исповедания всех сословий. Штатное число воспитанников составляло 245 человек, а для большего количества желающих обучаться в семинарии были открыты два параллельных отделения при первом и втором курсах, что свидетельствовало о популярности семинарии среди подрастающего поколения и их родителей. Связано это было с реформой духовного образования, которая сделала семинарии всесословными, дала возможность поступить после ее окончания в университет, а также с отсутствием платы за обучение. Сверх казенно-коштных семинаристов в общежитие учебного заведения принимались воспитанники в качестве полных пансионеров с платой 90 руб. и на полупансион за 60 руб. в год [34, с. 112].

Требования, предъявляемые к семинаристам в процессе обучения, были достаточно серьезные, в результате чего нередко случались увольнения. Так, по свидетельству «Ярославских епархиальных ведомостей» в 1860 г. из 145 учащихся семинарии успешно сдали экзаменационные испытания лишь 113 человек [35]. Подобная требовательность преподавателей продолжалась на всем протяжении пореформенного периода.

Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище формально возглавлял председатель совета училища, ректор духовной семинарии. На практике руководство организацией осуществляла начальница училища. В осуществлении властных полномочий большую помощь начальнице оказывали инспектор классов и члены совета. В училище насчитывалось

14 преподавателей и еще двое преподавателей совмещали преподавательскую деятельность с постами делопроизводителя и эконома. Кроме них, в училище также трудились 6 воспитательниц и 4 их помощницы. В Ионафановском женском училище, кроме общеобразовательных и специальных предметов, велось преподавание рукоделия, кройки и шитья, ведения домашнего хозяйства. Этому искусству учащихся обучали четыре наставницы и две помощницы наставниц.

В середине и второй половине XIX в. Ярославским училищем девиц духовного звания (Ярославское женское училище духовного ведомства) в течение длительного времени руководила его первая начальница Елизавета Павловна Шипова (1796 (или 1798)–1883), дочь секунд-майора в отставке, надворного советника (в некоторых документах значится как статский советник), Солигаличского уездного предводителя дворянства Павла Антоновича Шипова (1762–1835) [33, с. 82; 36, л. 428]. У Е. П. Шиповой сестра, Надежда Павловна Шульц (Шипова), являлась первой начальницей аналогичного Царскосельского училища девиц духовного звания рядом с Санкт-Петербургом, а другая сестра Шиповой, Мария Павловна Леонтьева (Шипова), также начальница Смольного института благородных девиц в 1839–1875 годах, статс-дама российского императорского двора [37, с. 225]. Сама Елизавета Павловна получила образование в Петербургском училище ордена Святой Екатерины (Екатерининском институте) и руководила Ярославским женским училищем духовного ведомства вплоть до самой смерти [38].

На рубеже XIX–XX в. начальницей училища являлась Анна Николаевна Унковская (1848–1927). Она была вдовой известного российского адмирала, исследователя Японского моря и залива Петра Великого, флигель-адъютанта Николая I, командира знаменитого фрегата «Паллада», описанного в одноименной книге-очерке путешествия И. А. Гончарова, ярославского военного и гражданского губернатора в 1861–1877 гг., почетного гражданина Ярославля, сенатора Ивана Семеновича Унковского (1822–1886) [39, с. 229–244]. И. С. Унковский был старше супруги на 26 лет. После смерти мужа в Москве А. Н. Унковская переехала в Ярославль, где родилась, где прошло ее детство и юность. В Ярославле состоялось в 1865 г. венчание Анны Николаевны с Иваном Семеновичем в бытность его губернатором. Анна Николаевна, помимо своих общественных обязанностей [40, с. 30], много сил и внимания уделяла училищу. Позднее, в 1908–1910 гг. (по воспоминаниям ее внука С. Раевского с конца 1890-х гг. [41]), она будет занимать аналогичную должность в Елизаветинском институте в Москве, известном с 1825 г. как учебное заведение для девочек из небогатых семей представителей различных сословий, включая дворян [42].

В правление Ярославского женского училища духовного ведомства, кроме начальницы, входили священник расположенной неподалеку от данного учебного заведения Крестовоздвиженской церкви и смотритель дома (он же врач при училище). В училище работали 7 учителей, 3 воспитатель-

---

ницы, две помощницы воспитательниц, наставница по хозяйству и надзирательница при лазарете. В середине XIX в. целями училища были подготовка девиц духовного звания в качестве жен для священнослужителей и обучение основным учебным предметам, а с начала 1870-х гг., во время реформ духовного образования, в учебную программу, сообразно требованиям времени, были включены педагогические дисциплины, а воспитанниц стали готовить к профессии учительниц [43–44]. Ярославское училище девиц духовного звания было женским учебным заведением, предназначенным для обслуживания дочерей священнослужителей от 10 до 12 лет, принадлежащих преимущественно к трем епархиям – Ярославской, Костромской и Вологодской, т. е. оно было рассчитано на охват значительного региона Российской империи. Прием воспитанниц производился раз в два года и составлял 30 человек. Плата за годичное содержание составляла 60 руб. [34, с. 112].

Подведомственными учебными заведениями повышенного начального образования являлись три мужских духовных училища – Ярославское, Ростовское и Угличское. Во главе каждого из них стоял смотритель училищ. В училищное правление входили помощники смотрителя, один из учителей, священник одной из местных церквей и делопроизводитель. Возраст при поступлении в духовные училища составлял 9–12 лет. Срок учебы в них был 4 года. Хотя постепенно увеличивалось количество представителей других сословий, тем не менее подавляющее большинство воспитанников составляли дети лиц духовного звания. Так, в Угличском училище в 1893/94 уч. г. из 180 учащихся 156 представляли духовное сословие [24]. На рубеже XIX–XX в. в Угличском духовном училище обучение проходили 128 воспитанников, количество выпускников выросло до 30 человек ежегодно. Численность выпускников по сравнению с предыдущим периодом выросла вдвое. Всесословный характер духовных училищ в конце XIX – начале XX в. проявился в снятии ограничений по сословному признаку для поступления в них и в бесплатном обучении в указанных учебных заведениях. Последнее делало потенциально возможным поступление представителей малоимущих слоев населения в эти образовательные учреждения.

Количественные данные по контингенту учащихся духовных училищ, расположенных на территории Ярославской губернии в самом начале XX в., см. в таблице 1¹.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что отличительной чертой духовных училищ Ярославской епархии являлась низкая заполняемость классов. Эта тенденция раскрывает невысокий статус данных учебных заведений среди населения губернии и одновременно показывает полную обеспеченность воспитанников духовных училищ учебными аудиториями. Так, Угличское духовное училище в 1881 г. заняло двухэтажное кирпичное здание с учебными аудиториями и подсобными помещениями.

¹ Составлена на основании материалов [45, с. 154–155].

Духовные училища Ярославской епархии на рубеже XIX–XX в.

Учебные заведения	Число классов	Среднее число учащихся	Норма учащихся на школьное помещение	Среднее число окончивших курс
Пошехонское	4	112	160	20
Ростовское	4	138	160	30
Угличское	4	128	160	30
Ярославское	4	253	275	46

В начале 90-х гг. XIX в. была во многом решена ситуация с обеспечением воспитанников общежитиями. На рубеже XIX–XX столетия в Ярославском духовном училище функционировал интернат с оплатой за содержание воспитанника 90 руб. в год, что было сопоставимо с пансионом семинаристов.

Кроме обучения учебным предметам для будущего поступления в семинарию или занятия должностей церковнослужителей, духовные училища готовили преподавателей для церковно-приходских школ. Церковно-приходские школы и школы грамоты в Ярославской губернии, как и по всей Российской империи, также находились в ведении местной епархии, но их деятельность является предметом отдельного изучения.

Таким образом, система духовных учебных заведений в Ярославской губернии во второй половине XIX в. исправно функционировала, выполняла свои задачи по подготовке кадров, отзывалась на веяния времени. Улучшалось качество образования, совершенствовалась материальная база. Проведенная в Российской империи реформа духовного образования позволила учебным учреждениям Ярославской епархии соответствовать новым требованиям и внести свой вклад в модернизацию народного просвещения. Важной предпосылкой для формирования среднего образования на территории губернии стала деятельность духовной семинарии, а духовные училища сыграли существенную роль в становлении и успешном функционировании повышенного начального образования в Ярославском крае. Два женских училища активно вели работу по повышению образовательного и культурного уровня дочерей священно- и церковнослужителей. В целом социокультурная деятельность Ярославской епархии в деле развития духовного образования в пореформенное время проходила весьма успешно.

Ссылки

1. Адамов М. А. Становление и развитие духовных семинарий Русской православной церкви XVIII – начала XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7, вып. 14. С. 103–110.

2. Гончаров С. А. Отражение истории православных духовных училищ Российской империи в дореволюционных и современных исследованиях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22 (165), вып. 28. С. 161–167.
3. Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб.: СПбГМА им. И. И. Мечникова, 2010. 254 с.
4. Сухова Н. Ю. Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 421 с.
5. Сухова Н. Ю. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России: 1808–1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 826 с.
6. Сперанский И. П. Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомственных ей училищ со времени основания семинарии и до ее преобразования по уставу 1867 г. Смоленск: Тип. Е. П. Поздняковой, 1892. 532 с.
7. Красницкая Т. А. Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 233 с.
8. Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский. Устроение Тамбовской духовной семинарии: Тамбовская епархия в 1860–1870-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 181. С. 144–148.
9. Герасимова Н. Е. Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 226 с.
10. Веденский Е. С. Деятельность Русской православной церкви в области начального народного образования во второй половине XIX – начале XX вв.: по материалам Ярославской и Костромской губерний: дис. ... канд. ист. наук, 2003. 314 с.
11. Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Народное образование в Угличском крае в XIX – начале XX в.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль: Ремдер, 2006. 280 с. EDN UNZMPZ.
12. Керский С. В. Отчет о ревизии духовных учебных заведений Ярославской епархии в 1876 году. СПб.: Синодальная тип., 1877. 33 с.
13. Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль: Губернская типография, 1863. 648 с. (по отделам: 45 с., 127 с., 476 с.)
14. Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль: Издание Ярославского губернского правления, 1900. 475 с. (по отделам: 73 с., 194 с., 38 с., 142 с.; алфавитный указатель: XXVIII с.).
15. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 236. Ярославская духовная семинария. Оп. 1. Д. 350.
16. Государственный архив Ярославской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 353.
17. Государственный архив Ярославской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 355.
18. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1123. Ярославский епархиальный училищный совет. Оп. 1. Д. 3.
19. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 6.

20. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 17.
21. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 58.
22. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 94.
23. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Угличское духовное училище. Оп. 1. Д. 9.
24. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 10.
25. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14.
26. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 15.
27. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 16.
28. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17.
29. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 20–47.
30. Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 51. Ростовское Дмитриевское духовное училище. Оп. 1. Д. 16.
31. Ярославские краеведы. Ч. 2 / сост. В. П. Алексеев. Ярославль: Б. и., 1989. 43 с.
32. Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 282 с.
33. Адрес-календарь Ярославской губернии. Приложение к Календарю Ярославской губернии на 1877 г. Ярославль: Издание Ярославской губернской типографии, 1877. 130 с. + 90 с.
34. Календарь Ярославской губернии на 1877 г. Ярославль: Издание Ярославской губернской типографии, 1877. 280 с.
35. Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1860. № 17. Ч. офиц.
36. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 3. Д. 384. Книга для записи лиц, проживающих в городе Ярославле. 1863 г.
37. Леонтьева Марья Павловна // Русский биографический словарь А. А. Половцова: в 25 т. Т. 10: Лабзина – Ляшенко. СПб.; М., 1910. С. 225.
38. ЯЕВ. 1883. № 16. Ч. офиц.
39. Марасанова В. М., Федюк Г. П. Ярославские губернаторы. 1777–1917 : Историко-биографические очерки. Ярославль : ЯрГУ, 1998. 420 с. EDN RXZQPN.
40. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Исторические традиции женской благотворительности в России (на примере семей губернаторов Верхнего Поволжья) // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 26–37. EDN PAWWCD.
41. Раевский С. Адмирал Унковский и его потомки // Православное информационное агентство «Русская линия» [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=800455> (дата обращения: 03.07.2022 г.).
42. Бокова В. М. История Москвы. М.: Современник, 1997. 350 с.
43. Преображенский Г. П. Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства ко дню 50-летнего юбилея. Ярославль, 1896. 252 с.
44. Крутиков Н. Пятидесятилетний юбилей Ярославского женского училища духовного ведомства. Ярославль, 1896. 91 с.
45. Веригин Н. Запросы среднего, профессионального и повышенного начального образования в Ярославской губернии в 1908 году // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Часть XXVIII. Август. С. 144–176.

The reflection of the events of mass political repressions of 1937–1938 on the pages of the periodical press (on the materials of the newspaper "Stakhanovets transporta")

A. V. Lebedev¹, A. M. Moysinovich¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-560-573

Research article
Full text in Russian

The article examines the process of formation of departmental periodicals on the USSR railway transport and the reflection of the events of mass political repression in 1937–1938 on the pages of the newspaper "Stakhanovets transporta". The object of study is publications and drawings of the printed management body and the political department of the Yaroslavl Railway. In the course of the research work, the main themes and images most often found on the pages of the newspaper "Stakhanovets transporta", reproducing the events of the "Great Terror", were analyzed, the role and place of departmental periodicals in reflecting the emotional mood of people and transmitting the atmosphere of the era were revealed.

Keywords: railway transport of USSR; mass political repression; periodical press; departmental publications; caricatures

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lebedev, Anton V. | E-mail: lebedevAV1984@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Moysinovich, Anna M. | E-mail: devero2000@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Отражение событий массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на страницах периодической печати (по материалам газеты «Стахановец транспорта»)

А. В. Лебедев¹, А. М. Мойсинович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-560-573

Научная статья

УДК 94(47) 656.2:070.487 «1937/1938»

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается процесс становления ведомственной периодики на железнодорожном транспорте СССР и отражение событий массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на страницах газеты «Стахановец транспорта». Объектом изучения являются публикации и иллюстрации печатного органа управления и политотдела Ярославской железной дороги. В ходе проделанной исследовательской работы были проанализированы основные темы и образы, наиболее часто встречаемые на страницах газеты «Стахановец транспорта», воспроизводящие события «Большого террора», выявлены роль и место ведомственной периодики в отражении эмоционального настроения людей и передаче атмосферы эпохи.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; политические репрессии; периодика; ведомственные печатные издания; карикатуры

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедев, Антон Вячеславович | E-mail: lebedevAV1984@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Мойсинович, Анна Михайловна | E-mail: devero2000@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

История массовых политических репрессий 1937–1938 гг. – тема относительно «новая», получившая право на существование благодаря тем общественно-политическим переменам, которые вот уже более трех десятилетий позволяют более глубоко смотреть на прошлое транспортного комплекса России.

© Лебедев А. В., Мойсинович А. М., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Становление устойчивой историографической традиции по данной теме приходится на рубеж XX–XXI века. В свете этого на первый план выходит проработка источниковой базы исследования. Вышедшие публикации традиционно опираются на законодательные и ведомственные нормативно-правовые акты, документы коммунистической партии и следственные материалы по делу о контрреволюционной, диверсионно-вредительской организации, якобы существовавшей на железнодорожном транспорте СССР. Последняя категория документов стала доступна сравнительно недавно, только в 2013 г., после истечения срока давности (75 лет). Периодическая печать, отражавшая эмоциональный настрой людей и передававшая атмосферу эпохи, используется слабо, хотя в контексте данной темы представляет особый интерес.

В период проведения индустриализации и коллективизации страны периодическая печать играла пропагандистскую роль. В это время возникло значительное число новых типов изданий, определилась их четкая специализация для разных слоев населения: рабочих, крестьян, служащих. Появилась ведомственная периодическая печать практически по всем отраслям народного хозяйства. В связи с разветвленной сетью железных дорог, развитием новых путей сообщения и увеличением их протяженности актуальными стали реорганизация и создание для железнодорожных служащих новых печатных изданий, освещавших для них злободневные события и публиковавших производственно-техническую информацию.

В этот период появились многочисленные журналы: «Вагонник» (М., 1936–1940), «Паровозник» (М., 1936–1940), «Партийный работник железнодорожного транспорта» (М., 1936–1940), «Путеец» (М., 1936–1940) – и газеты: «Северный путь» (М., 1933–1936; Вологда, 1936–1953; Ярославль, 1953–1961/1962), «Кировская магистраль» (1936–1959), «Амурский железнодорожник» (Свободный, 1936–1959) и др. Многолетнюю историю имела центральная газета «Гудок», выходящая в Москве с 1917 г. и пользовавшаяся большим авторитетом в среде железнодорожников и их семей. Если первоначально материалы изданий были направлены на повышение трудовой активности работников, пропаганду первых пятилеток, распространение опыта стахановского движения, то со временем в них усиливался партийный контроль; главный акцент делался на выполнение общеидеологических установок.

Первый номер одного из старейших транспортных изданий России, печатного органа управления и политотдела Северной железной дороги – газеты «Северный путь» – увидел свет 16 октября 1933 года. Для того времени дорожная газета имела внушительный тираж (5 тыс. экземпляров) и обладала солидной материально-технической базой. Штат работников редакции и типографии состоял из 30 человек. Партия отпускала на развитие периодической печати «огромные средства» [1], что позволи-

ло со временем довести тираж до 12 тыс. экземпляров. Газета пользовалась большой популярностью. В среде рабочих Северной железной дороги её подписка – 9457 экземпляров – заметно опережала такие издания, как «Гудок» – 7584, «Правда» – 4677 и «Известия» – 1162 [2]. Обслуживающий персонал рассматриваемой транспортной артерии получал актуальную информацию из местной печати.

«Железнодорожники предъявляют к своей газете повышенные требования – они хотят, чтобы газета имела не только богатое идейное и литературное содержание, но и культурный внешний вид, – отмечалось в справке о работе отделения «Трансжелдориздат» на Северной железной дороге. – Техническое оформление газеты должно быть подчинено одному: наилучшим образом довести до читателя смысл помещённого материала, обеспечить его усвоение, обратить внимание на главное» [3]. Согласно директиве отдела культуры и пропаганды всю работу транспортной печати в период индустриализации было необходимо подчинить большевистской борьбе за быстрейшую реализацию решений ЦК ВКП (б) и СНК СССР по железнодорожному транспорту [4].

Низовая печать транспорта как качественно, так и количественно (около 200 многотиражных газет), выросшая за годы первых пятилеток, со временем стала объектом пристального внимания со стороны партии и правительства. Все средства массовой информации были поставлены под строгий контроль власти. Помимо отделов информации Народного комиссариата путей сообщения (далее НКПС), которые давали главе транспортного ведомства информацию о том, когда кто пришёл и ушёл, с кем и о чём общался и т. п., более подробные сведения о руководящих кадрах сообщали работники дорожно-транспортных отделов НКВД и редакторы дорожных газет [5, с. 81]. К тому времени все газеты были органами политотделов железных дорог, работники которых были поставлены не только для борьбы с недостатками транспортного хозяйства, но и для осуществления политико-идеологической постредактуры текстов, а также информирования начальства о настроениях редакторов и их просчетах, которые в сложной политической ситуации того времени приравнивались к саботажу.

В середине 1936 г. из состава Северной железной дороги в качестве самостоятельной структурной единицы была выделена Ярославская железная дорога, которая объединила железнодорожные коммуникации Верхнего Поволжья [6]. В качестве печатного органа управления и политотдела рассматриваемой артерии была создана газета «Стахановец транспорта», первый номер которого вышел 1 июля 1936 года. Штат сотрудников её редакции и типографии составлял 55 человек [7]. Новое издание продолжило традицию газеты II эксплуатационного отделения (ст. Всполье) Северной железной дороги «За реконструкцию», основанной

7 августа 1931 г. (редактор М. Е. Жилиев, а с 28 апреля 1932 г. – А. С. Хорхорин). Она выходила три раза в месяц (подписная цена в месяц 18 коп.) и включала 41 постоянного рабкора, многие из которых стали сотрудничать с редакцией вновь учреждённого печатного органа [8].

«Стахановец транспорта» выходил два раза в неделю (по четвергам и воскресеньям), тираж составлял 9,6 тыс. экземпляров. Стоимость одного номера была 15 коп. Можно было оформить подписку на месяц (1 руб. 15 коп.), квартал (3 руб. 45 коп.) и полугодие (6 руб. 90 коп.). Большие ли это были деньги? Порция мороженого в 1937 г. стоила 20 коп., цена буханки ржаного хлеба составляла 85 коп., банку консервированной кеты можно было приобрести за 3 руб. 50 коп., бутылку водки (0,5 литра) – за 6 руб., килограмм говядины – за 7 руб.

Структура доходов железнодорожников в то время была достаточно сложной, а оклады высшего руководства (без учёта дополнительных стимулирующих выплат) были в 23 раза выше содержания низших служащих.

Оклады работников, входивших в номенклатуру НКПС, были настолько велики, что перекрывали нищенские доходы рядовых железнодорожников, создавая тем самым внешне благополучную картину благосостояния работников транспортного ведомства. Основная часть железнодорожников жила небогато. Доходы низших служащих не позволяли им выписывать «Стахановец транспорта» на регулярной основе, а многие из тех, кто имел возможность приобретать газету, отказывались это делать, поскольку она доставлялась на отдалённые станции с большим опозданием. Иногда подписчики получали в месяц всего по три-четыре номера.

На небольших разъездах, где остановка поездов не была предусмотрена, корреспонденция и связки газет бросали прямо на ходу, они падали в грязь или под колёса состава. Путём подписки распространялось не более 70 % всего тиража. «Стахановец транспорта» выписывали только 6720 (из 48279) работников рассматриваемой транспортной артерии, или 13,9 % от их общего числа [9].

После печально известного февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г., на котором был принят курс на усиление борьбы с троцкистскими шпионами, вредителями и террористами, на железнодорожном транспорте СССР с невероятной скоростью стала нарастать напряжённая обстановка [10]. Как вспоминал А. М. Зелёный, возглавлявший вагонное хозяйство НКПС, «перед ним был поставлен вопрос, что в его аппарате должны быть троцкисты <...>, но мы не находили этих троцкистов, не находили и подрывной работы <...>. В парторганизации сеялось недоверие друг к другу. Люди замкнулись, не было прежней дружбы, партийной откровенности» [11, с. 19].

Редакторам всех без исключения дорожных газет вменялось в обязанность уделять пристальное внимание поступающим в редакцию пись-

мам и материалам, повествующим о нарушении правопорядка и трудовой дисциплины [12]. На страницах транспортной печати всё чаще стали появляться заметки, называвшие имена конкретных работников, плохо выполнявших приказы НКПС, а также виновных в авариях и крушениях. Подобный стиль подачи материала делал в дальнейшем аресты неминуемыми. При этом недостаточное усердие в работе дорожной печати расценивалось как злостное вредительство и пособничество «врагам народа». На протяжении 1937 г. руководство газеты «Стахановец транспорта» сменилось три раза (в мае, сентябре и декабре) [13].

Политотдел много раз разбираал работу печатного органа управления Ярославской железной дороги, отмечая в качестве основного недостатка их деятельности низкий идейно-политический уровень. «На страницах газеты печатается безмерное количество резолюций и постановлений, статей корреспондентов, но мало писем рабочих <...> отношение работников редакции к рабочим письмам в меньшей степени возмутительное. По два месяца лежали письма не разобранными <...>. Опытными журналистами редакция не располагает, она превратилась в проходной двор, чуть ли не каждый день принимает и увольняет работников» [14]. Последнее не могло не сказаться на качестве публикуемого материала. Низкая квалификация сотрудников редакции и корреспондентов, пришедших на смену кадровым работникам печати в период массовых политических репрессий, привела к появлению большого числа опечаток, орфографических и пунктуационных ошибок.

Первая партийная конференция рассматриваемой транспортной артерии в своей резолюции констатировала, что дорожная газета «Стахановец транспорта» не стояла на уровне задач, поставленных решением февральского пленума ЦК ВКП (б) по разоблачению и выкорчёвыванию «врагов народа». Выступавшие докладчики отмечали, что руководство газеты оторвалось от масс, не вело работы с рабочими корреспондентами, допускало грубейшие политические ошибки – «шельмовало» честных стахановцев, одновременно предоставляя возможность высказаться «врагам народа» [15]. Как итог – 10 сентября 1937 г. с должности главного редактора был снят В. И. Туркатов. В качестве основной причины его увольнения отмечалось «наличие фактов вредительской работы» [16].

После этого «Стахановец транспорта» стал активно публиковать заметки и письма от рабкоров, по содержанию скорее напоминавшие доносы. Руководитель отдела писем отметил: «Стахановец транспорта имеет проверенных (штатных) 80 человек рабкоров, а пишет 800 человек. Кто это за люди не известно. На большинство писем рабкоров мы отвечаем <...>. Мы иногда отписываемся – пишем на бланке три слова, что Ваша заметка послана на расследование. Действительность материала низка. Материал

посылаем на расследование, он часто пропадает на три – четыре месяца, иной раз нет уже смысла возвращаться к нему» [17].

Примечательно, что поток корреспонденции с мест возростал синхронно с раскручиванием репрессий: если в августе и сентябре 1937 г. было 112 писем, то в октябре – уже 600!

Характер публикаций варьировался от небольших заметок, констатирующих отдельные недочёты в работе¹, до крупных статей, содержащих обоснование применения репрессивных мер к работникам Ярославской железной дороги².

Каждая новая публикация из последней категории предваряла очередную волну арестов, готовя общественное мнение и одновременно давая «отмашку» следственным органам. Каждый последующий цикл статей был жёстче, а волна репрессий масштабней по сравнению с предыдущими.

Наглядно процесс информационного сопровождения массовых политических репрессий на рассматриваемой транспортной артерии характеризуют публикации дорожной газеты по паровозной службе³.

Выстроенные в хронологической последовательности, они реконструируют страшные события 1937 г. Данный цикл изданий начался с заметки об избиении машиниста, орденоносца (вопреки расхожему мнению современники не очень любили стахановцев). За ней последовали статьи, ставшие поводом для арестов начальников депо и отделов управления паровозной службы Ярославской железной дороги. В конечном итоге объектом критики журналистов стало высшее руководство паровозного хозяйства – после ряда изобличительных публикаций был арестован заместитель начальника этого структурного подразделения Э. П. Юргенсон (6 июня), а в последней статье перед начальником дороги М. М. Егоровым был поставлен вопрос: «Можно ли дальше при подобном положении доверять руководство паровозной службой Генриху?» [18]. Спустя некоторое время последовало логическое завершение очищения паровозной службы от «врагов народа» – 15 июля О. О. Генрих был освобождён от занимаемой должности.

---

¹ «О буксах, смазке и вагонной службе» (№ 68), «Ещё раз о бездушии» (№ 71), «Круговая порука» (№ 83), «Позорные факты» (№ 107).

² «В обстановке подхалимства: разоблачить и изгнать врагов из службы связи» (№ 70), «До конца разгромить вражеский лагерь: руководители службы пути покровительствуют вредителям» (№ 94), «Очистить грузовую службу от врагов и проходимцев» (№ 146), «О саботажниках и странном поведении начальника дороги» (№ 152).

³ «Наглая вылазка классового врага» (№ 23), «Под покровительством начальника паровозной службы» (№ 25), «Ещё раз о врагах и их пособниках из паровозной службы дороги» (№ 32), «Вопрос в упор: до каких пор тов. Генрих и тов. Юргенсон своей политической близорукостью будут способствовать неразоблачённым врагам и нарушителям приказов народного комиссара» (№ 77), «Ещё один серьёзный сигнал» (№ 79), «Вражеское гнездо в паровозной службе» (№ 84).

«Так безжалостно и тупоголово (а может быть, планомерно) уничтожался командный состав, истреблялись специалисты, многие из которых выросли и получили высшее образование уже при советской власти, – вспоминал заместитель НКПС К. И. Филлипов. – По фамилиям “вредителей” можно было судить о том, что наибольшее их количество было среди латышей, поляков, немцев, евреев, т. е. отбирали их зачастую и по национальной принадлежности <...>. В эти годы к руководству пришли люди, недостаточно подготовленные и образованные» [19, с. 38].

Для того чтобы оправдать аресты высшего командного состава, представители последнего показывались на страницах «Стахановца транспорта» не в лучшем свете. Непреднамеренные ошибки и просчёты, которые имелись в работе без исключения у каждого, преподносились журналистами как результат злостного, хорошо продуманного вредительства. До конца не разобравшись в ситуации, на людей с лёгкостью вешались политические ярлыки: «вредитель», «шпион», «враг народа», «предатель», «агент Троцкого и Гитлера» и прочее [20]. Это была характерная особенность публикаций 1937 г. Статьи того времени зачастую содержали яркие эмоциональные выпады в адрес объектов травли. Для усиления наглядности заметки часто сопровождались карикатурами, которые тиражировали образцы центральных сатирических изданий.

Ключевое место среди них занимал журнал «Крокодил». В 1930-е гг. рядом художников издания были созданы карикатуры, в которых затрагивались темы разгильдяйства и халатности сотрудников железной дороги, бюрократизма и бездеятельности начальства, многомесячных простоев грузов, большого процента неотремонтированных паровозов и самого страшного порока работников транспортного ведомства – пьянства [21]. Сюжеты художниками брались из материалов центральных советских газет «Правда» и «Известия», отражавших идеологические установки постановлений съездов и пленумов ВКП (б).

Проблема пьянства всегда стояла довольно остро в России, особенно в рабочей среде, влияла на трудовую дисциплину на предприятиях и срывы производственных планов. Пьянство считалось серьезным пороком, который нужно было искоренять, и потому неоднократно становилось узловой темой для карикатуристов. На рисунке художника Н. И. Кирсанова «По своему измерителю», опубликованном в газете «Стахановец транспорта» от 28 августа 1937 г. (рис. 1), можно увидеть в стельку пьяного начальника депо Сонково К. Д. Горбача со стаканом водки в руке. На заднем плане изображен термометр в виде огромной перевернутой бутылки сорокаградусной водки. Захмелевший К. Д. Горбач, меряя все градусами своего напитка, отмечает: «Скажите, пожалуйста, такая жара, а они еще о зиме толкуют» [22].

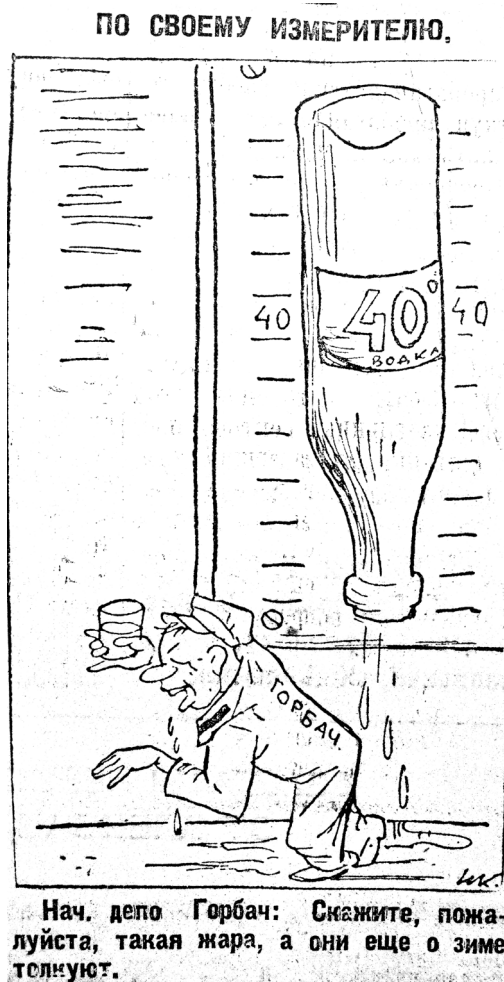

Рис. 1. Карикатура на начальника депо Сонково К. Д. Горбача в газете «Стахановец транспорта» (1937. 28 авг., № 120 (209)). Художник Н. И. Кирсанов

Следует отметить, что начальник депо отвечал за ремонт железнодорожной техники к зиме. Своевременно подготовленный подвижной состав способствовал выполнению планов по погрузке важнейших грузов I-й категории – угля, руды, металла, леса, зерна; если же с ремонтом были серьезные проблемы (например, ремонт произведен недоброкачественно), это вело не только к срыву плановых поставок, но и к крушениям поездов и авариям. В заметке, под рисунком, указана конкретная фамилия человека, и многие читатели этой газеты его знали в лицо. После появления карикатуры начальника депо ждало серьезное наказание, так как нахождение на службе в нетрезвом состоянии расценивалось как тягчайшее нарушение дисциплины.

На первый взгляд ситуация, отражённая в рассматриваемой карикатуре, проста для понимания, но при более детальном рассмотрении всё выглядит далеко не так однозначно. Наглядный материал только отражает конкретный факт, не вдаваясь в подробности причин, которые привели к печальным последствиям. Автор карикатуры умолчал о том, что, когда К. Д. Горбач прибыл в депо Сонково в начале 1937 г., «дело ремонта паровозов» было давно «угроблено». Ничего не было сказано о том, что длительное время у начальника депо серьёзно болели жена и малолетний ребёнок, находившиеся в Курске, к которым он был вынужден выезжать несколько раз, оставляя производственный процесс без руководства. Детали, неизвестные основной массе работников Ярославской железной дороги, позволяют по-другому взглянуть на изнанку повседневной жизни железнодорожников Верхнего Поволжья и понять тот разрыв между официальной подачей графического материала и действительностью [23].

О серьёзной бюрократической волоките рассказывает двухчастный рисунок, помещённый в газете 10 октября 1937 г. (рис. 2). В правой части рисунка – начальник II отделения движения (ст. Всполье) Ярославской железной дороги П. Г. Гусаров, безмятежно попивающий чаек из блюдца. Рядом с его столом возвышается громадная стопка бумаг, судя по всему, заявки на вагоны, ждущие подписи. С другой стороны стола – корзина для бумаг, куда недрогнувшей рукой начальника эти заявки отправляются. Сам стол распух от бумаг. А в это время – на левой части рисунка – мокнущие под дождем мука и соль. Железнодорожный служащий умоляет П. Г. Гусарова: «Хлеб да соль... давно уже лежат. Дайте вагонов!», – но тот явно глух к просьбе [24].

Рис. 2. Карикатура на начальника II отделения движения (ст. Всполье) Ярославской железной дороги П. Г. Гусарова в газете «Стахановец транспорта» (1937. 10 окт., № 141 (230)). Художник Н. И. Кирсанов

Сюжетом для иллюстрации послужило одно из многочисленных писем рабкоров. В то же время обращает на себя внимание публикация «За сто тысяч и более вагонов в сутки!» в газете «Правда» от 3 октября 1937 г., где идет речь о государственном плане ежедневной погрузки 100 тысяч вагонов, начиная с 1 октября. В статье говорится о серьезных недочетах со стороны многих железных дорог, неготовности их не только к зиме, но и осени, сорванных планах погрузок, скоплении под открытым небом огромного количества зерна [25]. Возможно, художник Н. И. Кирсанов, опираясь на заметку центральной газеты, оперативно откликнулся на местную критику и отразил схожую ситуацию, подчеркнув виновность в простое важного груза конкретного начальника Ярославской железной дороги, обвинив его в равнодушии и разгильдяйстве.

Однако и в этом случае всё не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что система распределения вагонов на железнодорожном транспорте в то время была очень непоследовательна. С одной стороны, она была поставлена в жёсткие рамки плановой системы, а с другой – начальники станций при изменении мощности отдельных струй грузопотоков (во избежание увеличения времени нахождения вагонов на станции) должны немедленно ставить перед начальником отделения движения вопрос о корректировке плана формирования составов [26]. В сложившейся ситуации П. Г. Гусаров стал заложником обстоятельств – под давлением огромного числа корректив со станций отделения он был вынужден подправлять цифровые данные по наличию парка вагонов.

«Изменения цифровых данных в системе планирования парком роли не играют, т. к. линейные конторы дают подчас неправильные цифры, иногда их приходится после проверки изменять, – пояснил П. Г. Гусаров. – Один раз на станции Нерехта на 20 час. оказалось больных вагонов 42 шт., идущих в ремонт, а впоследствии на 0 час. цифра возросла до 100 шт. и более, т. к. неправильно были внесены 42 больных вагона в здоровый парк <...>. Моя вина в том, что не пресекал в корне неправильность, даваемых со стороны линейных агентов [данных], исправлял их и брал всё это на себя» [27]. При подобной организации работы вагонов на всех грузоотправителей просто не хватало.

На карикатуре «Его хата с краю» (рис. 3), созданной в ответ на письмо рабкора Курицина, изображен волокитчик, начальник станции Ярославль И. И. Казанский, выглядывающий из своего портфеля – неизменного атрибута бюрократа, как из домика, и наслаждающегося окружающей природой и пением птиц. В отдалении, в железнодорожном тупике, стоит поросший мхом и травой вагон № 464208 со старым скреплением. Судя по всему, начальство о нем позабыло, т. к. вагон стоит не разгруженным более трех месяцев. Забывчивость и безынициативность в ситуации, когда возможно старое скрепление могло быть утилизировано или пригодить-

---

ся для ремонта железнодорожной техники, а вагон использован для погрузки важных грузов, необходимых стране, приравнялись к саботажу и проискам внутренних врагов [28].

ТРИ МЕСЯЦА В ТУПИКЕ

„На ст. Ярославль прибыл вагон № 464208 с различным старым скреплением. Он стоит не разгруженным в тупике более трех месяцев. Начальник станции Казанский очевидно позабыл об этом вагоне“. (Из письма рабнора Курицина).

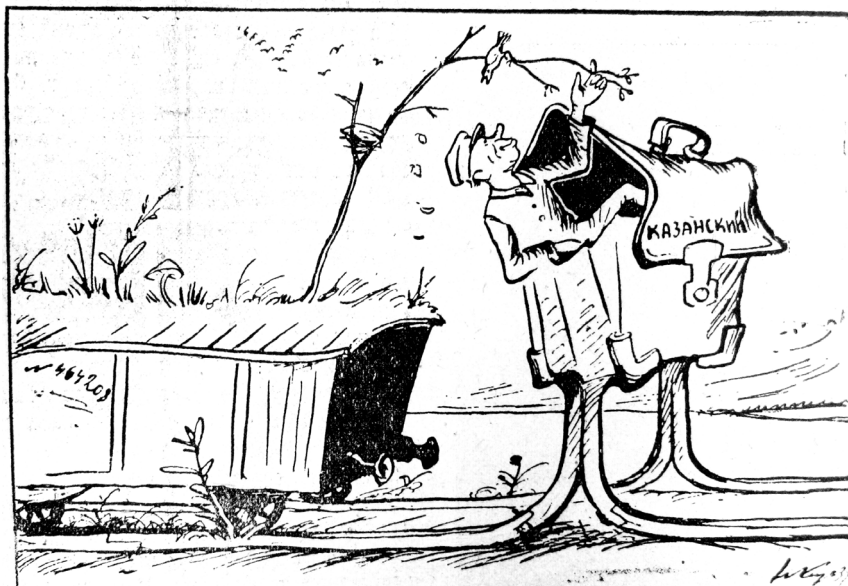

Рис. 3. Карикатура на начальника станции Ярославль И. И. Казанского в газете «Стахановец транспорта» (1937. 28 окт., № 149 (238)). Художник Н. И. Кирсанов

Сатирические уколы и выпады карикатуристов «Стахановца транспорта» в сторону работников Ярославской железной дороги, а также критика отдельных случаев воровства, кумовства, бездеятельности и халатности на производстве формировали общественное мнение и часто служили сигналом к действию органов транспортной прокуратуры. Недостатки и негативные явления в производственной и общественной жизни представляли в крайне жесткой сатирической окраске не всегда оправданно, не все обстоятельства учитывались, что сужало круг читателей.

«Для газеты «Стахановец транспорта» свойственен, я бы сказал, чрезвычайно сухой стиль, – отмечал один из подписчиков. – Когда разложишь все газеты в выходной день и начнёшь читать, то «Правду» прочтёшь от начала до конца и с интересом. А это начинаешь читать, прочтёшь передовицу, а дальше читать нечего – без остроты. Смотришь, выхватят где-нибудь кусочек заголовка, или возьмут что-либо иностранного (опять кусочки из «Правды»), а читать нечего <...>, просто вырывают из «Правды» абзац и всё» [29].

Постепенно к концу 1938 г., по мере того как репрессии пошли на спад, стал меняться стиль повествования «Стахановца транспорта». Вместо статей о «врагах народа» стали появляться публикации, отражавшие реальное состояние транспортных коммуникаций Верхнего Поволжья. Ключевое внимание было уделено производственному разделу, который перестал только фиксировать хронику трудовой жизни, а стал передавать суть передовых стахановско-кривоносовских методов работы широким массам железнодорожников. Несколько полос было выделено отражению встреч старого поколения работников транспортного ведомства с молодёжью. Это делалось для того, чтобы последние могли посмотреть, как жили раньше, и сравнить с тем, что было в период индустриализации.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что ведомственная периодическая печать сыграла важную роль в истории массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на железнодорожном транспорте СССР. Данная категория исторических источников отражала эмоциональный настрой людей и передавала колорит эпохи. Транспортные многотиражки ярко повествовали об успехах социалистического строительства на железных дорогах и направляли общественное мнение в русло официальной идеологии. Центральное место в комплексе источников по истории «Большого террора» по праву занимают документы коммунистической партии. Положения, обозначенные в них, часто ложились в основу закрытых обвинительных заключений следственной документации. В противовес этому материалы периодической печати в общедоступной форме транслировали их сущность на широкие массы советских граждан.

Ссылки

1. Вологодский архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 59.
2. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 8004. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 38.
3. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 8004. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 69.
4. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1531. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15.
5. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2.: 1917–1945 гг. СПб.; М., 1997. 416 с.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 57. Ед. хр. 420. Л. 58–60.
7. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 22.
8. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1531. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 24, 153.

9. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 8004. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 7, 67.
10. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 43. Ед. хр. 255. Л. 192.
11. Зелёный А. М. Воспоминания [рукопись]. М., 1964. 264 с.
12. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 150–151.
13. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 67.
14. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 29.
15. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 3.
16. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 81.
17. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 68– 9.
18. Стахановец транспорта. 1937. 18 июня.
19. Филиппов К. И. Немного о прошлом: мемуары заместителя Народного комиссара путей сообщения СССР в 1938–1942 гг. М., 1997. 108 с.
20. Стахановец транспорта. 1937. 16 февр.
21. История глазами Крокодила. XX век. События. 1922–1937. М.: ООО «XX Сенчури Крокодайл», 2014. 272 с.
22. Стахановец транспорта. 1937. 28 авг.
23. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 410. Л. 5.
24. Стахановец транспорта. 1937. 10 окт.
25. Правда. 1937. 3 окт.
26. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 398. Л. 15.
27. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 321. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 60.
28. Стахановец транспорта. 1937. 28 окт.
29. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 43.

"Life under the german": sexual violence in the occupied regions of the Ukrainian SSR (1941–1943)

A. V. Marchukov¹

¹Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov Str.,
Moscow 117292, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-574-583

Research article
Full text in Russian

The article deals with sexual violence and the policy of German and Romanian aggressors against Soviet women in 1941-1943 (on the example of the southern and eastern regions of the Ukrainian SSR). On the basis of archival eyewitness testimonies, the moral, medical and social aspects of sexual violence and other forms of sexual relations and their perception in society are considered.

Keywords: The Great Patriotic War; occupation; sexual violence; the Ukraine; Donbass; Odessa

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Marchukov, Andrey V. | E-mail: marchukov@mail.ru
Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow

«Жизнь под немцем»: сексуальное насилие в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.)

А. В. Марчуков¹

¹Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-574-583
УДК 93/94

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье идёт речь о сексуальном насилии и политике немецких и румынских захватчиков в отношении советских женщин в 1941–1943 гг. (на примере южных и восточных областей Украинской ССР). На основании архивных свидетельств очевидцев рассматриваются моральные, медицинские и социальные аспекты сексуального насилия и иных форм половых отношений и их восприятия в обществе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупация; сексуальное насилие; Украина; Донбасс; Одесса

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марчуков, Андрей Владиславович

E-mail: marchukov@mail.ru

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Война – это всегда трагедия. Она несёт смерть, насилие, разорение. В наибольшей степени от войны страдает мирное население, в первую очередь то, что оказалось в зоне боевых действий и на оккупированной врагом территории. Тяжело ему приходится в силу «обычных» следствий войны, но особенно тогда, когда враг сознательно не делает разницы между комбатантами и мирными жителями, стремится к уничтожению гражданского населения или причинению ему максимального морального и материального вреда. Именно так вели себя по отношению к граждан-

скому населению оккупированных областей СССР и, в частности, в южных и восточных областях Украинской ССР, немецкие захватчики и их союзники в годы Великой Отечественной войны.

Одним из видов чинимого над мирным населением насилия является насилие сексуальное. На первый взгляд оно не столь заметно на фоне разрушенных городов и сожжённых деревень, массового уничтожения людей, сознательного создания для них тяжёлых материальных условий, ведущих к росту смертности. Однако оно не менее тяжёлое и чувствительное как для отдельного человека, так и для общества и государства в целом.

Сексуальное насилие, тем более имеющее массовый характер, – это большая комплексная проблема. Оно наносит ущерб значительным группам населения, прежде всего женщинам, отражается на состоянии их здоровья, сказывается на системе здравоохранения, на моральном состоянии общества, социальных и семейных устоях. Со всеми этими явлениями пришлось столкнуться в годы войны населению СССР – на оккупированных врагом территориях, а затем после их освобождения.

Германский нацизм рассматривал славянские народы, особенно русский, как стоящие в расовом и культурном отношении ниже немцев и других народов Европы. Их численность предполагалось значительно сократить с помощью политических, социально-экономических и демографических мер, подорвать их жизненные силы, выселить в восточные районы СССР, а оставшихся низвести до уровня обслуги немецких хозяев. Такими установками и было продиктовано отношение захватчиков к оказавшемуся под их властью населению. В том числе и пути «сексуального взаимодействия» с ним, о чем свидетельствовало даже снаряжение немецких военнослужащих: при пленных и убитых нередко обнаруживали презервативы, что вызывало у наших воинов особенную ненависть. Среди вещей убитого немецкого радиста «оказалась и пачка белых и тонких резиновых <...> презервативов, которую бросили рядом с трупом, – вспоминал бывший зенитчик Ю. В. Владимиров (дело было под Харьковом в мае 1942 г.). – Они вызвали особенно сильную злобу у пожилых военнослужащих, говоривших, что эти предметы являются явным свидетельством того, что оккупанты насилуют наших женщин, попавших под их власть» [1, с. 223].

То, что враг несёт не только смерть и неволю, но и бесчестие, было ясно. И подавляющее большинство девушек и женщин этого страшилось, стараясь спрятаться, спрятать дочерей, уйти подальше. Штурман звена 11-го бомбардировочного авиаполка лейтенант К. П. Демьяненко, сбитый 8 июля 1941 г. в районе Бердичева, по возвращении докладывал, что, пробираясь к линии фронта, познакомился с двумя девушками-комсомолка-

ми, «которые сутками проживали в овраге», прячась от немцев. Одна была комбайнёром, другая – школьницей. Девушки оказали ему помощь одеждой и пищей. Прощаясь, «они сильно просили не забывать о них, о комсомолках, поскорее прогнать мерзавцев» [2, л. 351]. Что стало с ними? Ведь освобождение пришло без малого через три года...

Таких женщин и девушек, кому невыносима была сама мысль жизни «под немцем» (в переносном и прямом смысле), были миллионы. Конечно, далеко не всех женщин коснулось сексуальное насилие и захватчики вели себя по-разному. Но в целом такая проблема была и носила массовый характер. Для примера возьмём оккупированный немцами Донбасс и оккупированную румынами Одессу. Взглянуть на проблему помогут стенограммы бесед с жителями Сталино и Одессы, записанные вскоре после их освобождения сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны при АН СССР.

Насилие над советскими женщинами захватчики творили не только в «стихийно-индивидуальном» порядке. На занятых территориях они заводили публичные дома – для офицеров и солдат, для немцев и их союзников. Так, вскоре после захвата Сталино они организовали два публичных дома: один для немцев (на 7-й линии, дом 20), другой – для итальянцев (в Студгородке) [3, л. 2 об.]. По свидетельству профессора А. И. Чаругина, во время оккупации возглавлявшего отдел здравоохранения городской управы, приезжавшие в город немецкие генералы и медработники интересовались наличием подобных заведений. Удивившись, что в СССР их нет, они «исправили» этот «недостаток» [4, л. 4]. Появились официальные объявления о наборе в эти дома «сотрудниц». Такие заведения открылись и в других более-менее крупных городах. Не отставали и румыны: в Одессе было открыто несколько публичных домов, один из них, с вывеской, находился на Ланжероновской улице [5, л. 4].

После освобождения захваченных территорий, в том числе Донбасса, представителям советских органов власти пришлось констатировать целый ряд негативных явлений морально-психологического плана, коснувшихся пережившего оккупацию населения. И среди них – нравственную и половую развращённость. К примеру, прокурор Центрального района Сталино Н. А. Фирябов в беседе с членами Комиссии рассказал, что значительное количество проживавших в городе женщин вело при немцах развратный образ жизни (продолжали они себя «очень вольно и развязно» держать и после освобождения). К такому мнению он пришёл на основании слов многих других женщин, с которыми он беседовал. «О том, что немцы насильовали – это брехня, – говорил Фирябов. – Действительно, я убеждаюсь, что, наоборот, женщины сами насильовали немцев <...> Не без это-

го, конечно, но чтобы это (т. е. изнасилования со стороны немцев. – А. М.) было массовым, этого нет» [6, л. 2 об.].

Ему вторил профессор Чаругин, сам переживший оккупацию. «Плохо вело себя наше население женское. Половина, по-видимому, была в этом отношении довольно неустойчива» [4, л. 4]. Конечно, утверждения о «половине», как и о том, что это женщины насиловали немцев, а не наоборот, были явным преувеличением. Однако такое явление имело место. Моральную неустойчивость некоторых женщин, сожительствовавших и гулявших с немцами и румынами, отмечали и многие другие, пережившие оккупацию. С тяжёлым чувством вспоминала поведение женщин, «хорошо принимавших» румын, одесситка Э. И. Малкина [5, л. 1 об.]. Отношение к такому поведению было негативным.

Вот типичный пример. Профессор Сталинского медицинского института А. В. Войнар вспоминал уличную сцену: женщина целовалась с немцем. Рядом с ним «шла простая баба деревенская. Как она её (то есть гуляющую. – А. М.) чистила! – рассказывал Войнар. – Ах ты, такая, сякая, – вслед ей, правда, не очень громко. – Мало вас, сволочей!». «У каждой женщины на фронте сын, или муж, или брат, и всё местное население в целом ожидало своих и ненавидело оккупантов», – пояснял он причины такого отношения [7, л. 4].

Оно даже нашло отражение в народном творчестве тех лет. В частности, в песне «Позор девушке, гуляющей с немцем», получившей широкое хождение на Донбассе и других оккупированных территориях. Исполнялась она на мотив известной песни «Спят курганы тёмные». К женщинам, которые «немцам улыбаются», сделали причёски «под немецких кукол», накрасились и «за пайку хлеба немцу продались», отношение было как к шлюхам [8, с. 275, 284]. Показателен случай, рассказанный подпольщицей Е. А. Киселёвой. Работники мариупольского гестапо привлекали арестованных женщин к домашним работам. Шеф гестапо давал обед, возле столовых приборов были расставлены карточки, кому где сидеть: мужчина, женщина, мужчина, женщина. Одна истопница, улучив момент, на карточках женщин написала «проститутка», «проститутка». Был скандал, работавших в доме женщин допрашивали и били, выясняя, кто совершил «диверсию» [9, л. 2 об.].

«Гулявших» с немцами девушек и женщин называли также «любезницами», а в рабоче-шахтёрской среде их подчас именовали «хравами» (от немецкого «фрау») [10, л. 13 об.]. Их поведение оценивалось как измена Родине. Ненависть и презрение вызывал не только сам факт любезничания и сожительства с иноземными захватчиками, но и то, что эти захватчики на каждом шагу демонстрировали своё превосходство и презрение, ненависть, жестокость по отношению к русским, русской культуре и России.

Помимо моральной составляющей, спровоцированной и поощряемой немцами «свободы нравов», была и не менее опасная – медицинская. С первых дней немецкой оккупации «катастрофически быстро» стали нарастать венерические заболевания, в том числе сифилис. По свидетельству врача-терапевта 2-й городской поликлиники С. П. Нериявской, работавшей в оккупированном Сталино, нормой у попавших в публичные дома женщин было от 8 до 12 человек в день. «Через 3 месяца женщины, попавшие в дом, теряли здоровье, силы. Их выбрасывали больных и уже негодных для жизни» [3, л. 2, 2 об.].

«Пришлось нам организовать венерическое отделение коек на сто, – свидетельствовал заведующий медотделом управы Чаругин. – Больных венерическими болезнями брали под полицейский надзор и, если кто уходил, даже расстреливали» [4, л. 4]. «Невероятное количество» венерических заболеваний стало отмечаться и в румынской оккупационной зоне – их принесли с собой румыны. В Одессе появилось много диспансеров и лечебниц (лечение там было бесплатным), в газетах печатались рекламные объявления с их адресами [11, л. 4].

Те, кто попадал в специальные отделения и «лагеря», содержались там до шести месяцев. Ввиду очень тяжёлого материального и финансового положения, в котором пребывало здравоохранение в оккупированном Донбассе (немцы не считали нужным заботиться о здоровье «рабов»), условия содержания там были жёсткие. «Немало попадало туда и незаражённых женщин, потому что практиковалась такая система опознавания. На кого покажет немец – хватали и без разговора в лагерь. По пьянке, по озорству, потому что насиловали ночью, они показывали, на кого вздумается», – рассказывала Нериявская. Нередко заразившиеся женщины «морально срывались» и «в отместку старались заразить несколько человек» [4, л. 3 об.; 3, л. 2 об.].

К сожалению, заражались не только немцы, но и свои, русские, и даже воины Красной Армии и представители органов власти – уже после освобождения оккупированных территорий. Н. Фирябов приводил пример, когда после общения с внешне как будто солидной дамой заразился военком Горловского военкомата [6, л. 2 об. – 3]. Неслучайно, что, зная о насаждавшейся оккупантами половой распущенности, и во избежание подобных инцидентов, командование Красной Армии строго следило за контактами воинов с женщинами на освобождаемых территориях. Для советской власти работа по установлению, изоляции и лечению больных (и прежде всего женщин) стала ещё одной заботой.

Те, кто говорил об аморальном поведении женщин и об их готовности сожительствовать с захватчиками, имели на то основания. Но правы они были только отчасти. На захваченных территориях действительно

нашлись девушки и женщины, настроенные именно на такой путь взаимоотношений с представителями оккупационных армий и гражданских властей (это явление было во всех странах). У кого-то из них моральная планка и так была невысока, кто-то оказался падок на деньги и подарки, кому-то нравилось «приобщение» к европейской моде, причёскам и представителям «культурной Европы». Кто-то поверил пропаганде, что Германия победила, советская власть не вернётся и потому надо привыкать жить в новых условиях. Кто-то искал защиты и выбирал путь сожительства (желательно с офицерами) как своеобразную «стратегию выживания» (впрочем, наукообразность этого определения не может подменить моральной стороны вопроса). Многие из таких женщин бежали с отступающими немцами или румынами. Отмечались и случаи продажи девушек (оказавшихся в трудном положении, например беженок из других областей) в публичные дома.

Были и другие причины, толкавшие женщин на такой путь. И первая – очень тяжёлые социально-экономические условия, в которые было поставлено население оккупированных территорий, прежде всего городское. Отсутствие работы, голод, скудные пайки. Горожане выживали за счёт «менки» – обмена в деревнях товаров и имущества на продукты и перепродажи на базаре. Некоторые женщины, особенно те, чьи профессии оказались не нужны или приносили мало пропитания, или те, кто находились в трудном материальном положении, остались без родни и защиты, имели на иждивении маленьких детей, становились на путь сожительства. «У нас долго, чуть ли не полгода, не было хлеба, – рассказывала о жизни в оккупированной Одессе библиотекарь О. П. Иванова. – Женщин покупали за кусок хлеба». Кто-то из дававших интервью осуждал таких, Иванова была не столь категорична: «Трудно обвинять женщин, которые имели детей. Надо кормить детей, надо как-то самой жить» [11, л. 4; 5, л. 1 об.].

К голоду добавлялось принуждение. Тем, «мало-мальски интересным» женщинам, кому приходилось сталкиваться по работе с немцами, следовали недвусмысленные предложения. В случае отказа или уклонения начинались преследования, издевательства, унижения, отправка на работы в Германию, а то и насильственное принуждение. Румынские жандармы принуждали к сожительству арестованных; тех, кто не соглашался, подвергали издевательствам [3, л. 2 об.; 5, л. 2].

Многие девушки и женщины, особенно вынужденные жить в домах и квартирах, где стояли немецкие солдаты и офицеры, испытывали на себе сексуальное давление. Инструктор Сталинского горкома комсомола Т. М. Кириллова, во время оккупации работавшая на железной дороге и проводившая агитацию, в том числе среди вражеских солдат, рас-

сказывала: «Стояли солдаты на квартирах. Как только войдёт женщина или девушка, бесстыдные разговоры о постели, половом акте. Я спросила однажды: “Неужели вы так же себя держите и в Германии со своими немками?” Нагло ухмыляясь, ответили: “Мы шутим”» [12, л. 1 об.]. Отбиваться от приставаний удавалось благодаря твёрдости, иногда (такие случаи бывали) – жалуясь вышестоящим немецким командирам [13, л. 2] (тут, правда, крылась опасность попасть уже под их «ухаживания»).

А другие не шутили. «Очень многих женщин погубили так – придерутся к чему-нибудь, скажем, плохая маскировка, вызовут как будто для допроса и изнасиловуют», – рассказывала о буднях оккупированного Сталино С. Нериявская [3, л. 2 об.]. Насиловали и без всяких предлогов – по праву сильного, по праву «господ», вымещая злость за поражения на фронте. Насиловали, невзирая на возраст. Примеров тому тысячи. Вот лишь один. В посёлке Капиновка в один из домов ворвалось четверо немецких солдат, избили отца и его 15-летнего сына, связали жену и на её глазах все четверо изнасиловали 14-летнюю дочку. А затем ограбили дом. «Девочка вне себя. Я долго её успокаивала, – рассказывала Нериявская, – говорила, чтобы она отнеслась к этому насилию как к тяжёлому ранению, как к укусу дикой собаки»; мать очень опасалась её самоубийства [3, л. 3]. Насиловали и румыны; но одесситы, видевшие и румын и немцев, отмечали некоторые различия в поведении оккупантов. Румыны, скорее, покупали: «входили во двор и говорили: “я хочу любить”». Немцы же насиловали «направо и налево», невзирая на возраст жертв [11, л. 4].

Бывали и комичные ситуации. Так, в один из барачков, где жили донецкие шахтёрки-красноармейки (жёны воинов) заявился немец и под видом медосмотра отобрал себе одну. Но она, будучи крупной и крепкой, сгрэбла немца в охапку. На её крик прибежали другие женщины и избили его, немцу удалось вырваться и сбежать, но без штанов. Женщина в испуге за себя и ребёнка скрылась в деревне, но инцидент последствий не имел: немец счёл за лучшее скрыть свой позор [3, л. 3]. Но гораздо больше было таких случаев, когда женщины теряли честь, психическое и физическое здоровье.

Бывало и так, что «любезничанье» диктовалось высокими патриотическими чувствами и задачами борьбы с врагом. Тому есть немало примеров, один привела Е. Киселёва, во время войны проживавшая на Донбассе, в Херсоне и Одессе, занимавшаяся подпольной работой и испытывавшая на себе ужасы немецкой карательной системы. В Мариуполе девушка-подпольщица, медсестра по имени Мария, устроилась на работу в гестапо уборщицей. Она вошла в доверие к шефу майору Вульффу, ходила в кино и театр с переводчиком, унтер-офицером Арнольдом. Но её кавалер, по словам Киселёвой, и раскрыл группу, увидев Марию с челове-

ком, оказавшимся подпольщиком. Желая отомстить, она во время отдыха на море зарезала Арнольда, но и сама была убита майором Вульфом [9, л. 1–1 об.]. Порой подпольщики и партизаны намеренно подсылали к немцам и румынам симпатичных девушек, через них добывая нужные сведения или доступ к документам [14, л. 2].

Что испытывали женщины и девушки, «любезничая» с врагом, вынужденные переступить через свою гордость и честь, сносить презрение и осуждение окружающих? Как правило, истинные мотивы их поступков так и оставались неизвестными для людей, а то и советских органов, и в памяти они оставались именно как «шлюхи».

Одним из следствий насилия или добровольного согласия на сожительство становились «прижитые» от немцев и прочих оккупантов дети (порой их звали «фриценятами»). Их старались подбросить, сдать в детдом или найти им русского отца. Доходило до судебных разбирательств и анализа крови. Ситуация усугублялась тем, что у кого-то из таких женщин на фронте были мужья. Когда вскрывалась правда, рушились семьи. В органы власти поступали письма от бойцов и командиров с просьбой развести их с такими жёнами, забрать у них детей, наложить арест на имущество [6, л. 3]. Причина сожительства – по своей ли воле или по принуждению и насилию – уже значения не имела. Случались и оговоры, ошибочные или злонамеренные, невиновных женщин [15, с. 66, 68].

Сексуальное насилие, прямое или опосредованное, сломало судьбы тысячам и тысячам советских женщин, а через них – их мужьям, детям, родным. И главная причина тому лежала в аморальной и бесчеловечной политике немецких оккупантов и их союзников, сознательно сеявших среди попавшего под их власть населения моральное разложение и распущенность, чинивших насилие, наносивших вред его физическому и психическому здоровью. Последствия сказывались ещё долгие годы.

Ссылки

1. Владимиров Ю. В. Война солдата-зенитчика: от студенческой скамьи до Харьковского котла, 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2010. 319 с.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 228. Оп. 747. Д. 7.
3. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 16.
4. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 13.
5. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 25.

6. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 8.
7. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 12.
8. Ковалёв В. Н. «Простит ли Россия?»: Общерусские акценты в советской пропаганде в период Великой Отечественной войны // Между Москвой, Варшавой и Киевом: сб. ст. М.: Б. и., 2008. 320 с.
9. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 38.
10. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 5.
11. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 16.
12. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 15.
13. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 11.
14. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 41.
15. Руднев Б. К. Дневник оккупации: г. Лебедин Сумской области. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2011. 72 с.

Herbert Morrison in British Governments (1945-1951)

M. V. Koltsov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-584-611

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the activities of the British politician Herbert Morrison in the Labor governments under the leadership of C. Attlee (1945-1951). The author consistently characterizes the work of the Labor politician in the positions of Deputy Prime Minister, Lord President of the Council and Leader of the House of Commons in 1945-1951, when he played an important role in shaping domestic policy and carrying out reforms, including the nationalization of a number of British industries. In addition, the article tells about the successes and failures of H. Morrison in his last government position – Foreign Secretary, which he held in 1951

Keywords: Herbert Morrison; Great Britain; Labour Party; House of Commons; British Government

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koltsov, Mikhail V. | E-mail: votan-mk@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Герберт Моррисон в правительствах Великобритании (1945–1951 гг.)

М. В. Кольцов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-584-611
УДК 94(410)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена деятельности британского политика Герберта Моррисона в лейбористских правительствах под руководством К. Эттли (1945–1951 гг.). Автор последовательно характеризует работу лейбористского политика на должностях заместителя премьер-министра, Лорда-председателя Совета и лидера палаты общин в 1945–1951 гг., когда он играл важную роль в формировании внутренней политики и проведении реформ, включая национализацию ряда отраслей британской промышленности. Кроме того, в статье рассказывается об успехах и неудачах Г. Моррисона на его последней правительственной должности – министра иностранных дел, которую он занимал в 1951 г.

Ключевые слова: Герберт Моррисон; Великобритания; Лейбористская партия; палата общин; правительство Великобритании

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольцов, Михаил Вячеславович | E-mail: votan-mk@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Герберт Стэнли Моррисон (1888–1965) относится к тем выдающимся британским политикам XX века, которым по тем или иным причинам так и не удалось возглавить ни собственную Лейбористскую партию (далее ЛПВ), ни правительство Соединённого Королевства. Его длительная политическая карьера включала в себя работу в представительских органах местного (депутат муниципального совета, мэр лондонского района Хакни, депутат и глава Совета Лондонского графства) и общенационального уровня (депутат палаты общин в 1923–1924, 1929–1931 и 1935–1959 гг.), службу на высоких партийных и государственных должностях, включая министерские посты в чрезвычайно трудные для Великобритании годы [1].

© Кольцов М. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Вершиной государственно-политической деятельности Г. Моррисона стал период 1940–1951 гг., когда он входил в состав правительств, руководимых Уинстоном Черчиллем и Клементом Эттли. В коалиционном Военном правительстве (1940–1945 гг.) он был одним из героев внутреннего или домашнего фронта (Home Front) Второй мировой войны, занимая посты главы министерства снабжения (в 1940 г.), министерства внутренних дел и министерства внутренней безопасности (оба – в 1940–1945 гг.) [2].

В 1945 г. Г. Моррисон был не только министром в правительстве У. Черчилля, но и входил в число высшего руководства ЛПВ. Член Национального исполнительного комитета партии, он возглавлял специальный комитет по подготовке к грядущей избирательной кампании, а также политический комитет, на который была возложена задача по составлению предвыборной партийной программы. Именно поэтому Г. Моррисон стал редактором и основным автором лейбористского манифеста, получившего название «Давайте смотреть в будущее» (Let Us Face the Future). При подготовке манифеста он был вдохновлён изменившимся характером британского избирателя [3, р. 232], что соответствовало действительности, поскольку со времени последних парламентских выборов (14 ноября 1935 г.) прошло почти десять лет, на которые выпали годы Второй мировой войны. Мысли о серьёзных изменениях в настроениях и ожиданиях электората появились у Г. Моррисона в результате встреч с простыми британцами, которые он проводил как министр правительства в последние месяцы перед окончанием войны в Европе. Заявления, которые он позволил себе сделать, не понравились консервативным членам кабинета. У. Черчилль лично просил Г. Моррисона воздержаться от подобных речей, которые, по мнению премьер-министра, были слишком политизированы и рассчитаны на набор предвыборных очков для ЛПВ [3, р. 232–233].

В предвыборном манифесте «Давайте смотреть в будущее» основной упор был сделан на обещание широких внутривнутриполитических реформ. «Лейбористская партия, – говорилось в документе, – является социалистической партией и гордится этим. Её конечная цель – создание социалистического содружества Великобритании – свободного, демократического, эффективного, прогрессивного, ориентированного на общество, чьи материальные ресурсы будут поставлены на службу британскому народу» [5]. Лейбористская программа предполагала значительное усиление роли государства в социально-экономическом регулировании, стимулирование потребления и высокой покупательной способности, а также национализацию Банка Англии, топливно-энергетического комплекса, внутреннего транспорта и металлургического производства. Кроме того, лейбористы обещали предпринять меры по повышению эффективности сельскохозяйственного производства, реализовать новую строительную программу, значительно увеличить расходы на социальную сферу, включая образование, здравоохранение и систему страхования. «Мы должны предотвратить новую во-

йну, – определяли свои внешнеполитические задачи лейбористы, – а это значит, что у нас должна быть такая международная организация, которая обеспечит всем странам реальную безопасность от будущей агрессии» [5]. Кроме того, в манифесте фиксировалась необходимость: 1) лишить Германию и Японию возможностей вновь развязать войну; 2) укреплять великую ассоциацию между Британским Содружеством, США и СССР; 3) содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между доминионами; 4) продвигать Индию к ответственному самоуправлению.

Через несколько дней после окончания войны в Европе Г. Моррисон и Э. Бевин, ещё один член Военного правительства от ЛПВ (глава партии К. Эттли был в это время на Сан-Францисской конференции по учреждению ООН), провели переговоры с У. Черчиллем по вопросу о дальнейшей судьбе коалиционного кабинета. Премьер-министр выступил за продолжение его работы и, соответственно, отсрочку объявления парламентских выборов ещё на два года или, по крайней мере, до окончания войны с Японией, которая, как тогда казалось многим, может серьёзно затянуться. Сам Г. Моррисон полагал, что стране предпочтительнее иметь устойчивое однопартийное правительство, чем пытаться продлевать коалицию и особенно на такой срок, как два года. Об этом он сообщил У. Черчиллю, предложив со своей стороны назначить время парламентских выборов на конец октября 1945 г. [3, р. 234].

Обсуждение руководством ЛПВ возможных вариантов сохранения коалиции с консерваторами продолжилось на партийной конференции в Блэкпуле 21–25 мая 1945 г. Итоговое решение фактически базировалось на известном уже предложении Г. Моррисона: лейбористы согласны на продолжение работы правительства до октября 1945 г., о чём и было сообщено премьер-министру. 23 мая в разгар работы конференции пришла информация о том, что У. Черчилль подал королю прошение об отставке, а парламентские выборы назначены на ближайший июль. Г. Моррисон, который, помимо всего прочего презентовал в Блэкпуле манифест «Давайте смотреть в будущее», вспоминал, что пришедшие из Лондона новости взбудоражили конференцию до такого уровня энтузиазма, который он не видел ни до ни после [3, р. 235].

Вернувшись в Лондон и официально сложив с себя министерские полномочия (до выборов страной руководило так называемое Временное правительство У. Черчилля, куда лейбористы, естественно, не вошли), Г. Моррисон вскоре приступил к руководству избирательной кампанией ЛПВ на общенациональном уровне. Одновременно он отвечал за ход кампании в британской столице (как секретарь Лейбористской партии в Лондоне) и боролся за место в палате общин от избирательного округа лондонского района Ист-Льюишем. Личный график политика на всём протяжении четырёхнедельной кампании был весьма плотным и напряжённым. Он включал в себя встречи и выступления перед избирателями Лондона

в рабочие дни недели и поездки в различные регионы страны в выходные. Кроме того, Г. Моррисон публиковал статьи в левоориентированной прессе, наладив, несмотря на прежние разногласия времён войны, особо тесные отношения с газетой «Дейли миррор», активно поддерживавшей лейбористов в ходе кампании 1945 г. Накануне дня голосования Г. Моррисон стал объектом публичной критики со стороны премьер-министра, который 4 июля выступил перед избирателями Ист-Льюишема. У. Черчилль, ссылаясь на трагический случай с бомбардировкой рыночной площади этого лондонского района во время битвы за Британию, возложил ответственность за гибель людей на лейбористского политика, как на действующего министра внутренних дел и внутренней безопасности. Более того, премьер-министр заявил, что из всех своих коллег по Военному правительству он не хотел бы больше видеться именно с Гербертом Моррисоном [4, р. 338].

Успешные для лейбористов итоги парламентских выборов 5 июля 1945 г. были объявлены по причинам ряда трудностей, включая подсчёт голосов находившихся за пределами страны избирателей, только спустя три недели – 26 июля. Лейбористская партия получила 393 места в палате общин (против прежних 154), тогда как ведомые У. Черчиллем, лично сверхпопулярным и находившимся в ареоле победителя в войне, консерваторы взяли только 197 мест (против прежних 386). Как вспоминал Г. Моррисон, практически никто в партии – ни среди рядовых, ни среди руководящих членов, – несмотря на имевший место энтузиазм и оптимизм относительно ожидаемых результатов выборов, не смог и подумать о такой сокрушительной победе [3, р. 244–245]. Общенациональный успех лейбористов был подкреплён и личным триумфом: Моррисон выиграл у своего соперника-консерватора в округе Ист-Льюишем с большинством в 15219 голосов [6, р. 66].

Однако не всё было так благоприятно, как могло показаться сторонним наблюдателям. Наступило время формировать правительство, что сразу обострило внутрипартийную борьбу за лидерство между тремя крупнейшими фигурами в ЛПВ: К. Эттли, Э. Бевином и оппонирующим им Г. Моррисоном. Последний на переговорах в Транспорт-хаусе (штаб-квартира ЛПВ), чувствуя поддержку части партийных лидеров (например, Г. Ласки, текущего председателя Исполкома ЛПВ) и ссылаясь на решения, принятые после так называемого «предательства Макдональда» в 1931 г., предложил, чтобы в течение 48 часов парламентская фракция¹ провела бы выборы руководителя, подтвердив полномочия К. Эттли или избрав вместо него нового. В своих мемуарах Г. Моррисон отрицает, что это была его личная инициатива в попытке заполучить премьерское кресло. Он ссылается на анонимных членов фракции, которые оказали давление, чтобы он «проследил за соблюдением демократических принципов партии в отношении выбора <...> лидера и, следовательно, премьер-министра страны» [3, р. 245].

¹ Официальное название – Парламентская лейбористская партия (Parliamentary Labour Party).

Однако данный манёвр не увенчался успехом и третье в истории лейбористское правительство возглавил действующий лидер партии – К. Эттли. Г. Моррисон теоретически мог претендовать на две следующие по значимости после премьерской должности – канцлера казначейства (министра финансов) и главы внешнеполитического ведомства. Но в первом случае выбор премьер-министра пал на Х. Дальтона, а во втором – на Э. Бевина – основного антагониста Г. Моррисона в партийном руководстве. Их уже давно непростые взаимоотношения, видимо, побудили К. Эттли поставить двух оппонентов на максимально не пересекающиеся в рамках правительства направления.

Как свидетельствуют биографы Г. Моррисона, новый премьер-министр удовлетворил его просьбу учесть партийную иерархию и сделать его вторым человеком и в кабинете [4, р. 344]. В связи с этим лейбористский политик получил сразу три поста: заместителя премьер-министра, Лорда-председателя Совета и лидера палаты общин. Несмотря на то что должность заместителя главы правительства не имела тогда по сути официального характера², Г. Моррисон имел право председательствовать и руководить работой кабинета в отсутствие премьер-министра. Должность Лорда-председателя Совета (входит в список так называемых высших сановников государства) предполагала председательство в Тайном совете – традиционном органе при британском монархе, частью которого формально считается кабинет министров. И, наконец, как лидер палаты общин Г. Моррисон отвечал за связь правительства и нижней палаты, замещая и здесь, в случае необходимости, главу кабинета. Помимо интересов правительства, лидер палаты общин традиционно должен защищать права оппозиции и всей палаты в целом, что, безусловно, требует от человека, занимающего эту должность, придерживаться в своей деятельности достаточно хрупкого баланса.

После начала работы лейбористского правительства Г. Моррисон фактически возглавил тройку министров, ответственных за экономическое развитие и государственное планирование. Кроме него самого, она включала в себя министра финансов Х. Дальтона и министра торговли С. Криппса. Как Лорд-председатель Совета и глава одноимённого правительственного комитета Г. Моррисон играл ведущую роль по координации внутренней политики кабинета. Он возглавлял и другие правительственные комитеты, например комитет по социализации промышленности (занимался вопросами национализации), комитет по будущему законодательству (формировал законотворческую повестку в соответствии с предвыборными обещаниями лейбористов), а также информационный комитет (определял политику в области средств массовой коммуникации). В итоге Г. Моррисону, как второму лицу в кабинете, было поручено: 1) координировать государственное экономическое планирование; 2) формировать и согласовывать вопросы,

---

² Должность заместителя премьер-министра была введена во время Второй мировой войны специально для К. Эттли как лидера второй партии в коалиционном кабинете.

касающиеся предполагаемых мер по национализации; 3) планировать график всей законодательской программы правительства на предстоящие 5 лет. [4, р. 349-350].

Передача под руководство Г. Моррисона именно этих направлений правительственной политики была не случайной. Он уже давно заявил о себе как о стороннике государственного регулирования экономики и необходимости её широкой национализации. К 1945 г. в стране уже имелся опыт экономического госрегулирования и планирования во время Второй мировой войны, и предпочтения самого Г. Моррисона тогда уже склонялись в пользу смешанной экономики, с помощью которой можно было бы смягчить недостатки капиталистической модели и обеспечивать полную занятость [4, р. 352]. В одном из своих публичных выступлений в 1946 г. Моррисон, характеризуя политику лейбористов, назвал Великобританию первой великой державой, которая попыталась совместить крупномасштабное социально-экономическое планирование с сохранением в полной мере индивидуальных прав и свобод.

Будучи признанным в партии ведущим экспертом по вопросам национализации, Г. Моррисон ещё в довоенное время разработал концепцию государственных корпораций (*public corporations*) как наиболее подходящую, по его мнению, форму управления национализированными отраслями промышленности. Предусматривалось, что создаваемым государственным корпорациям перейдут в управление национализируемые промышленные отрасли. Правление или совет корпорации (например, в случае с угледобывающей промышленностью это был Национальный угольный совет, а с электроэнергией – Британское электроэнергетическое управление) назначается профильным министром, который ответственен за своё решение перед парламентом. В соответствии с принимаемыми актами о национализации министр должен назначать членов совета из числа лиц, обладающих соответствующей квалификацией и опытом, имеющих определённые способности в промышленных, торговых и финансовых вопросах, а также в управлении производством и во взаимоотношении с рабочим персоналом. Советы корпораций получают необходимые полномочия для управления той или иной отраслью в общественных интересах, включая наём работников, закупку оборудования и всего остального, что требуется для производства. Со своей стороны профильные министры получают полномочия по контролю над деятельностью советов. Например, они могут давать указания общего характера по вопросам, затрагивающим национальные интересы, а также контролировать финансовую и бухгалтерскую отчетность советов [7, р. 249–251].

Уже в ходе сессии 1945–1946 гг. руководимый Г. Моррисоном комитет по будущему законодательству передал на рассмотрение парламента законопроекты о национализации Банка Англии, угледобывающей промышленности и гражданской авиации, а также о создании национальных

служб страхования и здравоохранения. Всего же за годы правления лейбористов (1945–1951 гг.) под контроль государства перешло 20 % британской промышленности, включая Банк Англии, топливно-энергетическую отрасль (угольные шахты, добыча газа и электроэнергетика), весь внутренний транспорт (гражданская авиация, железнодорожный, наземный и речной транспорт), сталелитейную промышленность, проводную и беспроводную коммуникацию.

Напряженный график работы Г. Моррисона в первые полтора года работы правительства, необходимость решать сложные проблемы социально-экономического положения страны, нехватка времени на отдых и сон привели к тяжелым последствиям для здоровья политика. В начале января 1947 г. он почувствовал ухудшение самочувствия и боли в ногах. Врачи поставили диагноз – тромбоз, обнаружив смертельно опасные сгустки крови в лёгочной артерии. Длительное лечение, в том числе экспериментальными средствами, и последовавший за ним отдых, который он провёл во Франции, неизбежно оторвали У. Моррисона от участия в правительственной работе. Великобритания переживала непростые времена: холодной зимой 1946–1947 гг. разразился топливно-энергетический кризис, а летом 1947 г. – финансовый, на преодоление которого пришлось потратить американский долларový заем. Как следствие, обострились разногласия в лейбористском руководстве и даже стал обсуждаться вариант замены К. Эттли на Э. Бевина, что не могло устроить Г. Моррисона, который не стал играть против своего руководителя.

Экономические неурядицы и финансовый кризис, главную ответственность за который Г. Моррисон возлагал на министра финансов Х. Дальтона [3, р. 260], привели к ожидаемым перестановкам в правительстве. 29 сентября 1947 г. функции контроля над внутренней экономической политикой правительства были переданы из ведения Г. Моррисона в руки С. Криппса, который ненадолго возглавил министерство экономических отношений, а после отставки Х. Дальтона – министерство финансов. Г. Моррисон, сохранив все свои прежние должности, дополнительно возглавил два правительственных комитета – по законодательству и социальным услугам, перешедшие под его руководство после ухода из правительства А. Гринвуда [4, р. 424–425].

Отныне Г. Моррисон мог посвящать больше времени другим направлениям деятельности, например научной и информационной сфере, а также парламентской работе. В 1948 г. в Великобритании заработали механизмы государства всеобщего благоденствия, обещанные в предвыборной программе ЛПВ 1945 г., включая национальные службы страхования и здравоохранения.

С обострением международной ситуации в 1948–1949 гг. в стане лейбористов начались разногласия по внешнеполитическим вопросам. Ужесточение внутрипартийной дисциплины, за которую активно выступал

и Г. Моррисон, привело к исключению из ЛПВ ряда депутатов, недовольных внешней политикой страны, например в адрес СССР. Более того, внешнеполитический фактор в деятельности вице-премьера возрастал всё больше: в своих выступлениях он активно критиковал Советский Союз и коммунистический режим [4, р. 443], а летом 1949 г. возглавил британскую делегацию в ПАСЕ.

Начиная с 1948 г. лейбористское руководство стало активно готовиться к предстоящим парламентским выборам. Г. Моррисон, который, как и в 1945 г. возглавлял соответствующие комитеты в Исполкоме ЛПВ, по-прежнему руководил подготовкой лейбористской предвыборной программы. Её проект под названием «Лейбористы верят в Британию» был сначала представлен партийным боссам, а в июне 1949 г. Г. Моррисон презентовал его на очередной партконференции в Блэкпуле. В конечном итоге предвыборный манифест ЛПВ 1950 г., сменивший название на «Давайте победим вместе» (Let Us Win Through Together), свидетельствовал об очевидном сдвиге лейбористского руководства и самого Г. Моррисона вправо. Во-первых, документ в значительной степени представлял собой не список новых обещаний, а отчёт о проделанной за пять лет работе. Во-вторых, отражая мнение самого лейбористского политика, заявившего, что «мы не хотим быть узкой партией, мы хотим быть партией всех полезных людей», манифест обращался не только к рабочему элементу, но и к фермерам, домохозяйкам, служащим, инженерам, учёным и другим представителям среднего класса [8]. Отсюда, в-третьих, общая умеренность предвыборной платформы, являвшей собой некую «смесь консолидации и дальнейшего развития», что не могло устроить левое крыло лейбористов.

В январе 1950 г. правительство объявило о назначении выборов на 23 февраля. В течение трёхнедельной избирательной кампании Г. Моррисон много ездил по стране, проведя несколько десятков митингов и встреч с электоратом, включая свой избирательный столичный округ Южный Льюишем. И если личный успех политика был вновь неоспорим, то на национальном уровне лейбористов ждало разочарование: 23 февраля они взяли только 315 мест, при 298 у консерваторов. Стало очевидно, что предвыборная ставка лейбористов на домохозяек и средний класс не сыграла. Левое крыло обвинило в неудаче Г. Моррисона, который, по их мнению, слишком ослабил социалистическое содержание избирательной платформы. Сам же политик объяснял скромные результаты слишком ранней датой голосования, которая предполагала воздействие фактора плохой погоды на явку избирателя, а также рядом электоральных изменений, которые инициировали сами же лейбористы, как-то: пересмотр границ округов и введение голосования по почте [3, р. 269].

На первом этапе работы второго правительства К. Эттли (1950–1951 гг.) Г. Моррисон продолжал занимать те же должности, что и раньше. Значительное внимание он уделял улучшению управления национализирован-

ными отраслями промышленности, а как лидера палаты общин его ждала весьма сложная работа по управлению практически «подвешенным» парламентом. Однако уже зимой 1951 г. в лейбористском правительстве вызревает решение о необходимости новых кадровых перестановок. Испытывавший серьезные проблемы со здоровьем, Э. Бевин больше физически не мог выполнять обязанности главы МИДа в условиях обострившихся международных проблем на фоне конфликта в Корею. В связи с этим К. Эттли принимает решение о его замене на Г. Моррисона, который вынужден был оставить свои должности лорда-председателя Совета и лидера палаты общин. Казалось, что внешнеполитическое направление не будет для лейбористского политика чем-то абсолютно незнакомым. Формально отвечая за внутренний вектор работы правительства, он тем не менее неоднократно имел дело с дипломатической сферой. Так, например, в январе и мае 1946 г. он дважды совершал визиты в США и Канаду, где вел переговоры с руководством этих стран по вопросам предоставления финансовой и продовольственной (речь шла о зерне) помощи Великобритании. Кроме того, Г. Моррисон был сопредседателем англо-американской комиссии, которая в июле 1946 г. представила так называемый «план Моррисона – Грейди» с предложениями по урегулированию всё более обострявшегося арабо-израильского противостояния в подмандатной Палестине, который так и не был принят обеими сторонами конфликта.

Г. Моррисон приступил к выполнению обязанностей главы Форин офис 9 марта 1951 г. в крайне непростых для Британии внешнеполитических обстоятельствах. В самом разгаре были события в Иране, приведшие в конечном итоге к национализации 20 марта англо-иранской нефтяной компании. В то же время египетские власти оказывали давление на правительство Великобритании, требуя пересмотра англо-египетского договора 1936 г., включая вывод британского военного контингента из зоны Суэцкого канала. Беда нового главы МИДа состояла в том, что ему либо в силу инерции, либо в силу объективных обстоятельств приходилось отвлекаться от международных дел в пользу внутривластной повестки. Так, в середине марта, когда ему вновь пришлось замещать попавшего в больницу премьер-министра К. Эттли, в правительстве и в партии разразился серьезный кризис. Представители левого крыла были категорически не согласны с предложением министра финансов Х. Гейтскелла по увеличению военных и сокращению социальных расходов, что привело к уходу из правительства трёх министров – Э. Бивена, Г. Вильсона и Дж. Фримена. Много внимания Г. Моррисон по-прежнему уделял подготовке Фестиваля Британии 1951 г.³, ответственность за организацию которого лежала на нём с 1947 г.

Серьезный имиджевый удар по Форин офису и его главе был нанесен скандалом с двумя работниками МИДа и, как потом выяснилось, участни-

---

³ Фестиваль Британии – серия выставок и других публичных мероприятий, проведённых весной – осенью 1951 г. в память о столетии Всемирной выставки 1851 г. в Лондоне.

ками знаменитой «кембриджской пятёрки». Находившийся уже под воздействием спецслужб Д. Маклин смог в тот же день (25 мая), когда Г. Моррисон дал согласие на его допрос, бежать вместе с Г. Бёрджессом из страны и переправиться в СССР.

Летом 1951 г. Г. Моррисон смог ярко проявить свою известную антисоветскую позицию в заочной дискуссии, в которую он вступил с советской пропагандой (см. подробнее: 1, с 24–25]. В ответ на замечания газеты «Правда» в его адрес глава МИД выступил с отдельным заявлением, которое, несмотря на его откровенно антисоветское содержание, было опубликовано в центральной московской прессе [9–10].

В сентябре 1951 г., пока Г. Моррисон находился в длительной поездке по Северной Америке, в ходе которой он, в частности, принял участие в заключении Сан-Францисского мирного договора, премьер-министр К. Эттли принял решение о проведении досрочных парламентских выборов. Г. Моррисон и министр обороны Э. Шинуэлл, который в это время тоже был с визитом в США, просили К. Эттли повременить с официальным объявлением этого решения и дождаться их возвращения [3, р. 283]. Однако премьер-министр не прислушался к этой просьбе, и выборы были назначены на 25 октября. Более того, исполком ЛПВ поручил финальную подготовку предвыборного манифеста партии совершенно другой команде во главе с М. Филлипсом. Для Г. Моррисона это означало наступление новой реальности, поскольку впервые за 25 лет он не примет участия в работе над предвыборной партийной программой.

Избирательная кампания октября 1951 г. проходила на фоне продолжавшихся внешнеполитических неудач, за которые Г. Моррисон подвергался острой критике со стороны консервативной оппозиции и прессы. Переговоры с иранским правительством М. Моссадыка зашли в тупик, работа Абаданского НПЗ была прекращена, а его британский персонал эвакуирован. В преддверии выборов правительство не решилось на проведение силовой акции в отношении Ирана, хотя лично Г. Моррисон был за такой вариант решения проблемы [4, р. 506]. Не привели к успеху и переговоры с Египтом, правительство которого денонсировало в одностороннем порядке англо-египетский договор 1936 г. буквально накануне британских парламентских выборов.

В итоге семимесячный опыт пребывания Г. Моррисона на посту главы МИДа можно признать неудачным, что контрастировало с результатами его работы на предыдущих министерских должностях. Хотя объективно нужно признать, что три главных неудачи политика – Иран, Египет и Бёрджесс-Маклин, были во многом наследством, доставшимся от его предшественника – Э. Бевина. Не имея ни профильного образования (есть свидетельства того, что в своих парламентских выступлениях он делал ошибки в географических наименованиях), ни соответствующего опыта в международных делах, Г. Моррисон явно не смог завоевать расположе-

---

ния чиновников внешнеполитического ведомства. Привыкший к более неформальному стилю общения, он с удивлением отмечал специфическую «масонскую» атмосферу, царящую в МИДе, где сотрудники в присутствии старшего по должности обращаются друг к другу исключительно по полным именам [3, р. 274].

После поражения на досрочных выборах 25 октября 1951 г. и перехода лейбористов в оппозицию Г. Моррисон продолжал оставаться вторым человеком в партии вплоть до 1955 г., когда К. Эттли решил завершить политическую карьеру. Однако, как и 20 лет назад, Г. Моррисон проиграл борьбу за лидерство в партии, заняв при голосовании лишь 3-е место [4, р. 541]. Он оставался депутатом парламента до 1959 г., когда в возрасте 71 года решает уйти из активной политической жизни. В последние годы своей жизни он возглавлял Британский совет киноцензуры, читал лекции, трудился над автобиографией. Скончался Герберт Моррисон 6 марта 1965 г.

Ссылки

1. Кольцов М. В. Герберт Моррисон: этапы политической карьеры // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 20–25. EDN ТКІАСФ.
2. Кольцов М. В. Деятельность Герберта Моррисона в годы Второй мировой войны // Герои и антигерои в мировой истории: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции 9 июня 2017 г. Ярославль: Филигрань, 2017. С. 240–249.
3. Morrison H. An Autobiography by Lord Morrison of Lambeth. L.: Odhams Press Limited, 1960. 336 p.
4. Donoghue B., Jones G. W. Herbert Morrison: Portrait of a Politician. L.: Phoenix Press, 2001. xxxviii + 696 p.
5. Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation (1945 Labour Party Election Manifesto). URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1945/1945-labour-manifesto.shtml> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Edelman M. Herbert Morrison. A Pictorial Biography. L.: Lincolns-Prager Publishers Ltd, 1948. 104 p.
7. Morrison H. Government and Parliament. A Survey from the Inside. L.: Oxford University Press, 1954. xiv + 364 p.
8. Let Us Win Through Together: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation (1950 Labour Party Election Manifesto). URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1950/1950-labour-manifesto.shtml> (дата обращения: 20.04.2022).
9. Правда. 1951. 1 авг.
10. Труд. 1951. 2 авг.

American Administration and Humanitarian Aid for the Victims of the Spanish Civil War (1936-1939)

V. V. Inviyaeva¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-596-611

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the American humanitarian aid for the victims of the Spanish Civil War (1936-1939), carried out by the American Administration in 1937-1939 through the International Committee of the Red Cross and the American Red Cross, in cooperation with the American Committee of Friends on Service. The study provides analysis of the negotiation process between Spanish Republican and American politicians and social activists regarding the assistance provided; analysis of the activities of the organizations that provided the assistance. The American humanitarian aid for the victims of the hostilities in the territory of Spain in 1936-1939 indicated contradictions in the policy of the US neutrality policy.

Keywords: American Red Cross; American Friends Service Committee; Spanish Civil War; humanitarian aid

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Inviyaeva, Victoria V. | E-mail: victoria.inviyaeva@mail.ru
Postgraduate, Junior Research Fellow

Американская администрация и гуманитарная помощь пострадавшим от боевых действий в годы гражданской войны в Испании (1936–1939)

В. В. Инвиева¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-596-611

Научная статья

УДК 94(4+7)

Полный текст на русском языке

Статья посвящена американской гуманитарной помощи пострадавшим от боевых действий в период гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.), оказанной в 1937–1939 гг. руководством США через Международный комитет Красного Креста совместно с Американским Красным Крестом и Американским комитетом Друзей на службе обществу. Цель статьи состоит в рассмотрении переговорного процесса между испанскими республиканскими политиками и американскими общественными и политическими деятелями касательно характера оказываемой помощи; анализе деятельности организаций, через которые поступала данная помощь. Оказание гуманитарной помощи пострадавшим от военных действий на территории Испании в 1936–1939 гг. представляло собой косвенное свидетельство противоречивости политики нейтралитета США.

Ключевые слова: Американский Красный Крест; Американский комитет Друзей на службе обществу; гражданская война в Испании; гуманитарная помощь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Инвиева, Виктория Владимировна

E-mail: victoria.inviyaeva@mail.ru

Аспирантка исторического факультета,
младший научный сотрудник лаборатории новой
и новейшей истории стран Европы и Америки

К началу гражданской войны в Испании в июле 1936 г. изоляционистская позиция Соединённых Штатов Америки была защищена Законом о нейтралитете, принятым в августе 1935 г.¹ После начала испанского конфликта руководство США, несмотря на отсутствие юридических препятствий для приобретения американского оружия республиканской Испа-

¹ В соответствии с резолюцией о нейтралитете в случае начала где-либо военных действий запрещалась поставка и перевозка вооружений и военных материалов в воюющие страны и на американских судах.

© Инвиева В. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

нией, не отступило от своей внешнеполитической линии: 1 сентября 1936 г. государственный секретарь США Кордэлл Хэлл уведомил американского посла в Испании Клода Бауэрс о том, что Соединённые Штаты никак не могут отклониться от политики невмешательства в «печальный испанский конфликт» [1, р. 249], а 6 января 1937 г. Конгресс США принял резолюцию, объявившую незаконным экспорт оружия, боеприпасов и средств войны из любого места Соединённых Штатов и их владений в Испанию [2, р. 75].

На протяжении всей войны усилия политических деятелей Испанской Республики, а именно министров иностранных дел Хулио Альвареса дель Вайо и Хосе Хирала, премьер-министра Хуана Негрина, посла Испании в США Фернандо де лос Риоса были направлены на то, чтобы добиться помощи законному испанскому правительству: Ф. де лос Риос неоднократно обращался к К. Хэллу с безуспешным призывом позволить Республике закупать оружие в США, встречался с американским президентом Франклином Рузвельтом, интернационалистом, симпатизировавшим республиканской Испании. Кроме взаимодействия с американскими политиками, посол де лос Риос и премьер-министр Негрин посредством публичных выступлений и выступлений по радио пытались воздействовать на американскую общественность с целью привлечения внимания к тому, что события в Испании вышли за рамки внутреннего конфликта из-за участия в войне на стороне франкистов Италии и Германии.

Американская общественность на протяжении всей войны вела широкую кампанию солидарности с Испанской Республикой: Генеральное консульство Испании в Нью-Йорке уже с августа 1936 г. получало бесчисленное количество писем от американских граждан, предлагавших помощь законному испанскому правительству [3, р. 232]. В целом движение солидарности со Второй республикой принимало различные формы – от митингов и демонстраций с требованием снять эмбарго (в сентябре 1938 г. в такой демонстрации в Нью-Йорке приняли участие 70 тыс. человек) до сбора одежды и денег [4, с. 55].

Высшей формой солидарности с Испанской Республикой стало участие 3–4 тыс. американских добровольцев, сформировавших интернациональную бригаду Авраама Линкольна и сражавшихся в рядах испанской республиканской армии: около половины из них погибли в годы испанской гражданской войны, а остальные продолжили борьбу против фашизма в годы Второй мировой войны [5, с. 127]. По материалам статистической службы Гэллапа² к концу декабря 1938 г. Республику поддерживало 76 % опрошенных американцев, 24 % – франкистов [6, р. 21].

Испанский исследователь Антонио Маркина, автор статьи «США и Гражданская война в Испании», отмечает, что уже в начале конфликта американская позиция в отношении испанских событий была очень чётко

² Статистическая служба Гэллапа – американский институт общественного мнения, основанный социологом Джорджем Гэллапом в 1935 г. и проводящий регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики.

определена и звучала следующим образом: «поддержка действий гуманитарного характера, но приверженность невмешательству во внутренние дела Испании» [7, р. 3]. Несмотря на приверженность нейтралитету официального Вашингтона в отношении испанского конфликта, руководство США совместно с Международным комитетом Красного Креста и с Американским Красным Крестом оказывало гуманитарную помощь пострадавшим от боевых действий в Испании. Согласно телеграмме госсекретаря США К. Хэлла американскому послу в Мадриде К. Бауэрсу от 9 марта 1937 г., все американские операции по оказанию помощи гражданскому населению Испании осуществлялись через нейтральный и беспристрастный Международный комитет Красного Креста в сотрудничестве с Американским Красным Крестом, который взял на себя обязательство «использовать все средства, предоставленные в его распоряжение для оказания помощи раненым и гражданскому населению» [3, р. 490].

Испанская исследовательница Аврора Бош в своей статье «Между демократией и нейтралитетом: США перед лицом Гражданской войны в Испании» отмечает, что американский президент Франклин Рузвельт был единственным среди лидеров западных демократий, склонным изменить свою политику в отношении испанского конфликта. Она полагает, что оказание гуманитарной помощи Испании не только представляло собой стремление к стабилизации ситуации в Европе, но и стало шагом на пути к предотвращению проникновения фашизма в Западное полушарие [8, р.16]. В целом на протяжении всего конфликта посол Испании в Вашингтоне неоднократно апеллировал к важности для Соединённых Штатов вопроса о линии поведения стран Латинской Америки в отношении франкистов. В частности, на встрече с Ф. Рузвельтом 14 сентября 1937 г. он выразил сомнение относительно политической ориентации стран Южной Америки, отметив, что «они могут сдать под натиском фашизма» [9].

Президент США обсуждал международную ситуацию не только с госсекретарём К. Хэллом и его заместителями, но и с президентом Американского Красного Креста Норманом Дэвисом, впоследствии принявшим деятельное участие в переговорном процессе по вопросу оказания гуманитарной помощи пострадавшим от боевых действий на территории Испании [10, р. 7].

На встрече посла Испанской Республики Фернандо де лос Риоса и заместителя государственного секретаря США Самнера Уэллеса, состоявшейся 22 июля 1938 г., последний поинтересовался у посла о численности населения, нуждавшегося в помощи, и заверил, что сегодня же начнёт заниматься данным вопросом: этот факт произвёл впечатление на Ф. де лос Риоса [11]. Четыре дня спустя испанский посол на встрече с заместителем госсекретаря повторил свою просьбу о помощи в «человечном и гуманитарном деле» [12].

На встрече 6 августа 1938 г. С. Уэллес уведомил Ф. де лос Риоса о состоявшемся разговоре с президентом Американского Красного Креста Н. Дэви-

сом, обозначив в качестве одной из трудностей необходимость переговоров с Франсиско Франко о безопасности поставок продуктов в Валенсию [13]. В телеграмме от 7 августа 1938 г., адресованной послу Республики в США, министр иностранных дел республиканской Испании Хулио Альварес дель Вайо отметил, что в случае, если президент США Ф. Рузвельт решится на действия гуманитарного характера в отношении Испании, они будут поддержаны Великобританией и Францией: «Они [Франция и Великобритания. – В. И.] обеспокоены тем, что мы обратились по данному вопросу только к США. Я уверен, что никто не осмелится оспорить позицию США» [14].

Результатом встречи посла республиканской Испании, сотрудников государственного департамента США и президента Американского Красного Креста, состоявшейся 25 августа 1938 г., стала договорённость о том, что данная организация возьмёт ответственность за оказание гуманитарной помощи пострадавшим от боевых действий в Испании вместе с Американским комитетом Друзей на службе обществу³ и получит от государства [США. – В. И.] пожертвование в виде муки [15]. 6 сентября 1938 г. Джей Пьерпонт Моффат, начальник Западноевропейского отдела государственного департамента США, сославшись на Н. Дэвиса, сообщил Фернандо де лос Риосу о готовности пожертвовать 250 тысяч бушелей пшеницы⁴ (60 тысяч баррелей муки) [16, р. 369]. Важно отметить, что исполнительный секретарь Американского комитета Друзей на службе обществу Кларенс Эван Пикетт отвергал все утверждения о том, что данная организация оказывает «политическую помощь» Испании [17].

10 сентября 1938 г. посол Ф. де лос Риос обратился к государственному секретарю К. Хэллу с благодарностью в адрес американской администрации и Американского Красного Креста за данное пожертвование, отметив готовность правительства Испанской Республики сотрудничать с Американским комитетом Друзей на службе обществу по вопросу транспортировки муки в Испанию [16, р. 370–371]. 12 сентября 1938 г. Фернандо де лос Риос уведомил министра иностранных дел республиканской Испании Хулио Альвареса дель Вайо об отправке Американским Красным Крестом в Испанию 60 тысяч баррелей муки, полученных в качестве пожертвования от руководства США. [18]. Согласно высказыванию Нормана Дэвиса, опубликованному в выпуске американской газеты «Нью-Йорк Таймс» от 17 сентября 1938 г., «отправленная мука должна была помочь прокормиться трём миллионам людей, искавшим убежище» [19, р. 4]. Также Дэвис подчеркнул, что «Американский Красный Крест сотрудничает с правительством США и другими

---

³ Американский комитет Друзей на службе обществу – организация, образованная в 1917 г. усилиями американских членов Религиозного общества Друзей (квакеров) для помощи жертвам Первой мировой войны. После падения Барселоны 26 января 1939 г. организация стала оказывать помощь беженцам, покинувшим территорию Испании.

⁴ Бушель – английская хлебная мера, равная 36,348 фунтам; в США – 35,238 фунтов. В среднем один бушель заключает в себе 62 фунта пшеницы, 54,5 фунтов риса, 48 фунтов ячменя, 39 фунтов овса.

организациями по вопросу распределения муки среди испанского гражданского населения» [19, р. 4].

21 октября 1938 года посол Фернандо де лос Риос уведомил министра Хулио Альвареса дель Вайо о новом предложении о помощи со стороны Американского Красного Креста: по донесениям посла [20] в качестве помощи предлагались «костюмы, детские пальто, 600 тонн бразильского кофе и другие товары», однако отправка данного груза требовала денег, которых не хватало из-за расходов на помощь пострадавшим от Новоанглийского урагана⁵. Соответственно, испанскому правительству предлагалось вложить 50 тысяч долларов с целью получения товара на сумму свыше половины миллиона долларов [20].

25 ноября 1938 г. государственный секретарь США Корделл Хэлл заявил, что американское правительство готово жертвовать Американскому Красному Кресту 13 600 тонн муки ежемесячно в течение полугода, однако за её измельчение и транспортировку в Нью-Йорк придётся заплатить либо 9 долларов и 18 центов, либо 11 долларов за каждую тонну [21]. Предполагалось осуществить перевозку муки в Испанию бесплатно при содействии Морской комиссии Соединенных Штатов следующим образом: из Нью-Йорка мука будет доставлена в Бордо или Гавр; далее Американский Комитет Друзей на службе обществу возьмёт на себя ответственность по доставке муки из Франции в Испанию [22, р.2]. На следующий день в испанской газете «Ла Вангвардия»⁶ появилась новость о предстоящем визите в Барселону представителя Американского Красного Креста Эрнеста Дж. Свифта. Сам Свифт утверждал, что его поездка «связана с проектом помощи Испании, оказываемой Американским Красным Крестом и Американским Комитетом Друзей на службе обществу» [23, р.6]. Отдельно он отметил важность отправки муки испанскому населению «из резервов правительства Соединенных Штатов» [23, р.6].

В телеграмме от 29 ноября 1938 г. Фернандо де лос Риос разъяснил министру иностранных дел Хулио Альваресу дель Вайо, что «из всей предложенной американским правительством помощи испанское правительство может принять либо всё, либо часть» [24]. В этой же телеграмме посол, отметив невозможность получения Американским Красным Крестом и Американским комитетом Друзей на службе обществу денег напрямую от испанского республиканского правительства, разъяснил, что ему следовало бы внести их в Международную комиссию помощи детям и беженцам

---

⁵ Новоанглийский ураган 10–22 сентября 1938 г. — сильнейший ураган в истории Новой Англии. По оценкам жертвами урагана стали от 682 до 800 человек. Ураган разрушил или значительно повредил 57 тыс. домов и нанес ущерб в 306 млн долларов США (по ценам 1938 года).

⁶ Ла Вангвардия – одна из старейших газет Испании и старейшая газета Каталонии, основанная в 1881 году в Барселоне. После переезда правительства Второй республики в Барселону 1 октября 1937 г. стала главным неофициальным органом выражения позиции руководства республиканской Испании.

в Испании⁷, которая начала свою работу 1 мая 1938 г. в Женеве⁸ и переда-ла бы указанные денежные средства данным организациям [24].

С середины 1938 г. Американский Комитет Друзей на службе обществу от имени Женевской комиссии сотрудничал и с британскими квакерскими организациями [17]. Примечательным является то, что незадолго до окончания испанского конфликта американский бизнесмен и представитель квакеров Говард Кершнер взял на себя обязанности координатора всей деятельности Американского комитета Друзей на службе обществу, одновременно исполняя обязанности директора Женевской комиссии по оказанию помощи испанским детям и беженцам [17]. По мнению историка Дэниела Мауля, гражданская война в Испании стала важной вехой для Комитета на его пути к превращению в более профессиональную организацию по оказанию помощи: после испанских событий за Американским комитетом Дру-зей на службе обществу прочно закрепилась репутация как американского, так и независимого учреждения, оказывавшего гуманитарную помощь [17]. 21 декабря 1938 г. представитель Американского Красного Креста в Испа-нии Эрнеста Дж. Свифт объявил, что в январе 1939 г. в зависимости от фи-нансовых и транспортных возможностей в Испанию будут производиться новые поставки [25].

Таким образом, не только американская общественность оказывала по-мощь Второй республике в годы гражданской войны в Испании. Несмотря на проводимую политику нейтралитета, официальный Вашингтон не остал-ся полностью в стороне от испанского конфликта: совместно с Американским Красным Крестом и Американским комитетом Друзей на службе руковод-ство США оказывало гуманитарную помощь гражданскому населению Ис-пании посредством поставок муки, что косвенно свидетельствовало о проти-воречивости политики невмешательства.

Ссылки

1. United States Department of State. Foreign Relations of the United States. 1936. Vol. 2. Washington D.C., 1954. (FRUS). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1936v02/d457> (дата обращения: 01.08.2021).
2. United States Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1937. Vol. 81. Part 1. Washington, 1937. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1937-pt1-v81/pdf/GPO-CRECB-1937-pt1-v81-2.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
3. FRUS. 1937. Vol. 1. Washington D.C., 1954. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1937v01/d140> (дата обращения: 01.08.2021).

---

⁷ Американский комитет Друзей на службе взял на себя задачу распределения зерна и других поставок для Международной комиссии помощи детям и беженцам в Испании.

⁸ Государства, принявшие участие в данной межправительственной инициативе: Ве-ликобритания, Дания, Норвегия, Швеция, Новая Зеландия, Бельгия, Новая Зеландия, Юж-но-Африканский союз, Швейцария, Австралия, Франция.

4. Пожарская С. П. Испания и США: Внешняя политика и общество, 1936–1976. М.: Наука, 1982. 336 с.
5. Золов А. В. США и гражданская война в Испании // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования*. 2014. № 6. С. 116–131.
6. Gallup G. The Gallup Poll. The Public Opinion 1935–1971. Vol. 1: 1935–1948. N. Y., 1972. URL: <http://www.ibiblio.org/pha/Gallup/Gallup.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
7. Antonio Marquina. Estados Unidos y la guerra de España. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72530/UNISCI11Mar5.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
8. Aurora Bosch. Entre la democracia y la neutralidad: Estados Unidos ante la Guerra Civil española. URL: https://revistaayer.com/sites/default/files/articulos/90-7-ayer90_NacionalizacionenEspaña_Quiroga_Archiles.pdf (дата обращения: 01.08.2021).
9. Archivo de la Residencia de Estudiantes. Archivo de Fernando de los Ríos. Embajada de España en Washington. Telegrama 309, 14 de septiembre 1937. Caja 25, carpeta 2. (ARE.FFR.).
10. La Vanguardia. 1937. 17.09. URL: <http://hemeroteca.lavanguardia.com/preview/1937/09/17/pagina-7/33126807/pdf.html?search=norman%20davis> (дата обращения: 01.08.2021).
11. ARE.FFR. Telegrama 161, 22 de julio 1938. Caja 25, carpeta 3.
12. ARE.FFR. Telegrama sin número, 26 de julio 1938. Caja 25, carpeta 3.
13. ARE.FFR. Telegrama 161, 6 de agosto 1938. Caja 25, carpeta 3.
14. ARE.FFR. Telegrama 114, 7 de agosto 1938. Caja 25, carpeta 4.
15. ARE.FFR. Telegrama 184, 25 de agosto 1938. Caja 25, carpeta 3.
16. FRUS. 1938. Vol. 1. Washington D.C., 1955. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1938v01/d383> (дата обращения: 01.08.2021).
17. Daniel Maul. The politics of neutrality: the American Friends Service Committee and the Spanish Civil War, 1936–1939. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13507486.2015.1121972> (дата обращения: 01.08.2021).
18. ARE.FFR. Telegrama 197, 12 de septiembre 1938. Caja 25, carpeta 3.
19. New York Times. 1938. 17.09.
20. ARE.FFR. Telegrama 241, 21 de octubre 1938. Caja 25, carpeta 3.
21. ARE.FFR. Telegrama 271, 26 de noviembre 1938. Caja 25, carpeta 3.
22. La Vanguardia. 01.12.1938. URL: <http://hemeroteca.lavanguardia.com/preview/1938/12/23/pagina-2/33123408/pdf.html?search=cruz%20roja%20norteamericana> (дата обращения: 01.08.2021).
23. La Vanguardia. 1938. 26.11. URL: <http://hemeroteca.lavanguardia.com/preview/1938/12/22/pagina-6/33122918/pdf.html?search=cruz%20roja%20americana> (дата обращения: 01.08.2021).
24. ARE.FFR. Telegrama 278, 29 de noviembre 1938. Caja 25, carpeta 3.
25. La Vanguardia. 1938. 22.12. URL: <http://hemeroteca.lavanguardia.com/preview/1938/12/22/pagina-6/33123556/pdf.html?search=cruz%20roja%20americana> (дата обращения: 01.08.2021).

"African" London: Visual Perception (XVII–XIX cent.)

E. V. Blinova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-604-611

Research article
Full text in Russian

The use of updated methods and historical research tools made it possible to represent the process of perception of Africans by non-Africans in the article through the Visual history of "African" London in the Modern Period. The author examines key directions of the evolution in the perception of "Others" by white Londoners through the prism of fine art, creating a socio-emotional canvas of everyday life in London.

Keywords: Africans; London; visual rotation; perception

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Blinova, Elizaveta V. | E-mail: lizitkova@yandex.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant

«Африканский» Лондон: визуальная перцепция (XVII–XIX вв.)

Е. В. Блинова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-604-611
УДК 94 (6)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Применение обновленных методов и инструментария исторического исследования позволили актуализировать в статье процесс перцепции африканцев не африканцами посредством визуальной истории «африканского» Лондона в период Нового времени. Автор рассматривает ключевые направления эволюции восприятия «Иных» белыми лондонцами сквозь призму изобразительного искусства, создавая социально-эмоциональную канву повседневной жизни Лондона

Ключевые слова: африканцы; Лондон; визуальный поворот; перцепция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блинова, Елизавета Викторовна | E-mail: lizitkova@yandex.ru
Соискатель

Переосмысление исторической реальности в контексте истории образа позволили рассматривать визуальные источники с опорой на метод визуального поворота [1–6]. Анализ эволюции образа африканцев в изобразительном искусстве как продукта общественного сознания, отражающего индивидуальные и групповые эмоционально-окрашенные представления о различных социокультурных и исторических феноменах [5, с. 101], дал возможность получить представление о восприятии африканцев белыми лондонцами.

Критерии перцепции африканцев в британском обществе XVII–XVIII вв. находились в прямой зависимости от христианских традиций с их негативным восприятием черноты. В ее границах коннотацией белого являлась божественность, черного – дьявольщина: «Сложно поверить,

– отмечал Шарль де Монтескье (1689–1755), – что мудрый Бог мог дать душу, чистую душу, в такое Черное и уродливое тело» [7, р. 83].

Черная кожа воспринималась как воплощение уродства, своего рода дефект [8, р. 96]. Африканцы, «рудиментарные души» [9, р. 2] (дикари, варвары, слуги), должны были подчиняться белым, исполнять их волю. Их отсталость и варварство не позволяли им цивилизоваться.

Африканцы в большинстве своем принимали навязанные им условия существования, приспособляясь к своей роли в силу бесправного положения, отсутствия поддержки, робости, наивности и т. д. Английские аристократы на светских приемах использовали вышколенную африканскую прислугу, непременно, хоть на мгновение, выставляя ее на всеобщее обозрение. Лакеи, пажи, юные горничные сопровождали хозяев и хозяек повсюду. Негритята служили экзотическим дополнением, причудой, «карманной собачкой»: о том, что это люди, мало кто задумывался.

Изобразительное искусство стало зеркалом, где визуально отражались притязания английской аристократии, которая ввела моду на парадные портреты светских дам и джентльменов с их черными рабами. Портреты «Генриетта Лотарингская»¹, «Герцогиня Портсмутская»², «Портрет Джорджа Гейджа с двумя слугами»³, «Портрет сэра Джона Шардена»⁴, «Портрет неизвестной женщины»⁵ (Пег Уоффингтон, 1737–1757 {?}) и многие другие не называли имен слуг и рабов – только владельцев. «Дьяволята» стали частью повседневной жизни аристократии, незаменимыми спутниками хозяев, предметом зависти со стороны близкого и дальнего окружения.

С середины XVIII в. в конфронтацию с пафосной лондонской родовой аристократией вступила буржуазия, джентри, мелкое дворянство, городские рантье [10, с. 633–634]. Они удерживали за собой контроль за сферой местного управления [11–13]. Новая элита и представители властей не обременяли себя нравственными принципами, этическими нормами высшего класса. Их идеалом были деньги, обогащение; мораль формировалась в обстановке погони за наживой, колониального грабежа, финансовых авантюр [11, с. 115]. Лондонский бомонд окружил себя массой прислуги, в том числе чернокожей, что подчеркивало статус привередливых, капризных, спесивых хозяек и хозяев. Лондонскую «элиту» как нельзя лучше по-

¹ Антонис ван Дэйк (1599–1641). Принцесса Генриетта Лотарингская в сопровождении паж (1634), коллекция Первого графа У. Мэнсфилда, Кенвуд-хаус, Лондон.

² Пьер Миньяр Римский (1612–1695). Герцогиня Портсмутская (1682), Национальная портретная галерея, Лондон = Louise de Kerouaille, Duchess of Portsmouth, by Pierre Mignard [Electronic resource]. URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/person/mp03623/louise-de-kerouaille-duchess-of-portsmouth> (дата обращения: 24.08.2022).

³ А. ван Дэйк. Джордж Гейдж с двумя слугами (1622–1623), Национальная галерея, Лондон.

⁴ Неизвестный художник. Портрет сэра Джона Шардена (1711{?}), Национальная портретная галерея, Лондон.

⁵ Френсис Хейман {?} (ок. 1707–1776). Портрет неизвестной женщины (Пег Уоффингтон {?}) (ок. 1745), Национальная портретная галерея, Лондон.

казали в своем творчестве У. Хогарт⁶, Т. Роулэндсон⁷, Р. Ньютон⁸. Их преимущественно сатирические и карикатурные изображения были полны сарказма. Они язвили, просвещая и бичуя, демонстрируя своих, как правило, деградирующих персонажей [14, с. 257–258]. Сюжеты брали из повседневной жизни Лондона. Композиции их работ, как правило циклов, постановочны: это своего рода городские истории. В их основу легли отработанные и хорошо срежиссированные мизансцены, миг действия, благодаря чему зритель представлял, что последует за ним. Так называемые «сцены бесед»⁹, представляли цепь зарисовок, сменяющих одна другую [15].

Африканцам нашлось место в художественных «летописях»: это верные слуги, куртизанки, люмпены. Изображая их с абсолютной достоверностью, «со всеми острыми и смешными подробностями» [14, с. 259], художники подчеркивали общий настрой, циничное и пренебрежительное отношение хозяев к тем, кому надлежало быть рабами.

Идеи Просвещения, главенствующие в XVIII столетии, превозносили веру в человека и непобедимую силу разума, инициировали необходимость распространения знаний, образованности и культуры, высоких моральных качеств, уважения к личности человека [16, с. 7]. Как следствие, лондонцы во многом пересмотрели отношение к чернокожим, работоторговле и рабству. «Я надеюсь увидеть отмену работоторговли в ближайшем будущем! [17] – отмечал в своей переписке с племянником филантроп и аболиционист Джон Элиот, – несчастья, которые мы причинили африканцам, продолжались столь долго, что мы обязаны дать им вздохнуть полной грудью» [18].

Лондонские африканцы получили уникальную возможность заявить о себе. Английская общественность восхищалась произведениями О. Эквиано (1745–1797), О. Кугуано (1757 – ок. 1803), стихами Ф. Уитли (1753–1784), музыкальным мастерством молодого скрипача Дж. Бриджтауэра (1778–1780{?} – 1860) и предприимчивостью И. Санчо (1729–1780). Африканцы получали образование, становились известными. Они стремились жить как белые, проявляя готовность к адаптации и ассимиляции. Только цвет кожи напоминал об их происхождении.

Проявление гуманности по отношению к африканцам нашло отражение в живописи XVIII в. В отличие от традиционных, помпезных портретов

---

⁶ Уильям Хогарт (1697–1764). Модный брак. Утро графини. Лист 4 (1745), Тейт Модерн, Лондон; Великосветский вкус или вкус «A-la-Mode» (1746), Музей Альберта и Виктории, Лондон; Карьера мота. Оргия в таверне Роуз. Лист 3 (1775), Тейт Модерн, Лондон; Четыре времени дня. Вечер (1738), Метрополитен-музей, Нью-Йорк; и др.

⁷ Томас Роулэндсон (1756–1827). Чай на берегу (1789), Королевская коллекция, Лондон.

⁸ Ричард Ньютон (1777–1798). Собеседование или посланник из «Ярмонии» по улучшению потомства (1797), «Абботт энд Холдер», Лондон.

⁹ «Conversation pieces» – дословно: «сцены бесед» – жанровая живопись. Направление в английском искусстве XVIII в., изображающее сцены из повседневной жизни аристократов. Родоначальником направления считается У. Хогарт [15].

аристократии и вычурных «сценок бесед» некоторые изображения XVIII в. позиционировали чернокожих почти как равных белым, юридически свободных (с точки зрения права). Это было особенно характерно для работы И. Г. Цоффани¹⁰ «Дидо и леди Элизабет Мюррей», где на живописном полотне африканка, оставаясь на втором плане, акцентировала внимание, образуя едва ли не центральное звено композиции.

Интересны индивидуальные изображения. У. Х. Бат написал романтический портрет африканца А. С. Диалло (1700–1773) – переводчика и путешественника, – известного как Иов Бен Соломон. Т. Гейнсборо создал элегантный и поэтичный портрет И. Санчо¹¹. Сэру Дж. Рейнолдсу принадлежит выполненный в теплых тонах жизнеутверждающий, хорошо смоделированный набросок «Изучая черного мужчину»¹². Личность весьма образованного вест-индийца Ф. Барбера (1735–1801{?}), слуги С. Джонсона (1709–1784), настолько заинтересовала художника, что во время очередного визита к лексикографу Дж. Рейнолдс запечатлел Ф. Барбера на полотне. Кисти неизвестного художника принадлежат парадные портреты О. Эквиано¹³ и Дж. Бриджтауэра¹⁴. Портреты африканцев У. Сессараку и И. Соломона были размещены в журнале «Джентльмен Мэгазин» [19, р. 272–273]. На титульном листе опубликованного сборника стихов Ф. Уитли был напечатан ее портрет¹⁵ [20].

Существование подобных портретов свидетельствует о том, что творческая активность африканцев была замечена и увековечена. Можно предположить, что художники намеренно фиксировали новое явление. Создавая визуальные образы современников, они стали своеобразными летописцами эпохи, как позднее – фотографы и кинооператоры.

Признание равных прав и равных возможностей людей с разным цветом кожи происходило сложно. XIX в. с его морализаторством и строгостью не способствовал каким-либо глобальным сдвигам во взглядах английских аристократов и рядовых англичан на африканцев. Джентльменами имели право называться только англосаксы [21, р. 21]. Между тем объективные тенденции развития империи – ее расширение за счет колониальной

---

¹⁰ Иоганн Георг Цоффани (1733–1810, настоящая фамилия Цауффели). Дидо и леди Элизабет Мюррей (1799), коллекция У. Мюррея, Первого графа Мэнсфилда, Дворец Скоун, Перт = Johann Zoffany's Oil on Canvas, «Dido and Lady Elizabeth Murray», с. 1799 [Electronic resource] / D. Dabydeen, The Black Figure in 18th-century Art. URL: https://www.bbc.co.uk/history/british/abolition/africans_in_art_gallery_03.shtml (дата обращения: 03.10.2022).

¹¹ Томас Гейнсборо (1727–1788). Портрет Игнатиуса Санчо» (1768), Национальная галерея Канады, Оттава.

¹² Сэр Джошуа Рейнолдс (1723–1792). Изучая черного мужчину (ок. 1770), коллекция Мэнил, Хюстон.

¹³ Неизвестный художник. Портрет Олауда Эквиано{?} (к. XVIII в.), Британский музей, Лондон.

¹⁴ Неизвестный художник. Портрет Джорджа Полгринна Бриджтауэра (н. XIX в.), Британский музей, Лондон.

¹⁵ Сципио Мурхед {?}. Филлис Уитли (1773), Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

экспансии, – активность африканцев прямо и косвенно воздействовали на восприятие лондонцами чернокожих, способствовали привлечению к ним внимания общественности, английских интеллектуалов, писателей и художников [22, р. 4].

Изображения африканцев изменились. Ввод в картину чернокожих был продиктован нарастанием интереса к исторической живописи и африканцам, как неотъемлемой части имперской повседневности. Б. Р. Хэйдон¹⁶ и Э. М. Уорд¹⁷, переосмысливая жизнь аристократии XVII–XVIII вв., отвели африканцам характерные для них роли прислуги, шутов, реже – свободных горожан. У. Блейк, выражая свое мироощущение посредством аллегорий, религиозно-мистических символов, на своих полотнах отводил традиционное для белого человека место африканцам – в самом низу социальной лестницы.

Показательно полотно «Духовная форма Нельсона, направляющая Левиафана»¹⁸, где график «бросил» африканца у ног британского адмирала. В работе «Возлюбленная (невеста)»¹⁹ Д. Россетти выписаны многочисленные детали, а цветовое решение обеспечил образ дикаря-африканца, выполненный на контрасте с белыми элегантными леди: прерафаэлиты²⁰, выступавшие за высоконравственные устои искусства в духе религии и красоты, выдерживали в своих работах общепринятую дихотомию «белый-черный».

Наряду с живописными портретами следует отметить карикатуры (техника цветной гравюры). Окна лавок были заполнены цветными карикатурами, занимавшими умы и воображение лондонцев, остро политическими и клеветнически личными [23, с. 532]. В поле зрения столичных карикатуристов попали африканцы: Ч. Хант опубликовал сборник карикатур «Черные шутки Трегearsa»²¹, где африканцы предстали в виде забавной и веселящейся прислуги, развлекающей, а подчас вселяющей ужас и страх в своих хозяев.

Развитие реализма в живописи способствовало возникновению новых тенденций в изображении африканцев. Художники, находившиеся

¹⁶ Бенджамин Роберт Хэйдон (1786–1846). Столпотворение или майский день (1829), Тейт Модерн, Лондон.

¹⁷ Эдвард Мэтью Уорд (1816–1889). Доктор Джонсон в приемной лорда Честерфилда. Ожидание аудиенции. 1748 г. (1845), Тейт Модерн, Лондон; Позор лорда Кларендона. После его последнего разговора с королем. Сцена во дворце Уайт-холл. 1667 г. (1846), Тейт Модерн, Лондон; и др.

¹⁸ Уильям Блейк (1757–1827). Духовная форма Нельсона, направляющая Левиафана (1805–1807), Тейт Модерн, Лондон.

¹⁹ Данте Габриель Россетти (1828–1882). Возлюбленная (невеста) (1865–1866), Тейт Модерн, Лондон.

²⁰ Прерафаэлитизм (1848–1853) – течение в изобразительном искусстве Великобритании, следовавшее наследию Раннего Ренессанса. Основная цель прерафаэлитов – борьба с засильем академизма и шаблонности в живописи и скульптуре Викторианской эпохи.

²¹ Чарльз Хант (1825–1857{?}). Черные шутки Трегearsa (1834), Йельский центр британского искусства, Нью-Хейвен, США.

под влиянием идей аболиционистов, стремились раскрыть уникальность их личности. Особый интерес представляют портреты Дж. Ф. Симпсона. Его работы «Пленный раб»²², «Голова чернокожего»²³ – предположительно портреты актера А. Олдриджа (1807–1867) – стали определенной сенсацией и откровением для художественного сообщества и публики. В них предложен альтернативный путь восприятия образа «Иного» не только в рамках изобразительного искусства, но и в реалиях повседневной жизни Лондона.

Ссылки

1. Барт Р. Риторика образа: Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / вступ. ст. и коммент. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 297–318.
2. Mitchell W. J. T. What is Visual Culture? // *Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside* / ed. by I. Lavin. Princeton, N. J.: Institute for Advanced Study, 1995. 339 p.
3. Магидов В. М. Визуальная антропология как социокультурное явления в ретроспективе и перспективе современного исторического знания // В едином историческом пространстве : сборник научных статей. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2009. С. 134-157. EDN PFETSD.
4. Вдовина Т. В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16-26. EDN ООВТКВ.
5. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX-XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 95-108. EDN SCYWJT.
6. Гавристова Т. М. История: от нарратива к визуальным источникам // Актуальные вопросы науки в XXI веке : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 8-9. EDN VJCQAY.
7. Ugwuanyi O. The Future of a Neglected Past: Slavery, Slave Narrative and Africa's Project of Self-Knowledge // *Teaching and Propagating African and Diaspora History and Culture* / ed. T. Babawale. Lagos, Nigeria: Centre for Black and African Arts and Civilization (CBAAC), 2009. P. 69–86.
8. Korhonen A. Washing the Ethiopian White: Conceptualising Black Skin in Renaissance England // *Black Africans in Renaissance Europe* / ed. by T. F. Earle, K. J. P. Lowe. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 94–112.
9. Jones D. *An African in Imperial London: the Indomitable Life of A. B. C. Merriman-Labor*. L.: Hurst Publishers, 2018. 320 p.

---

²² Джон Филипп Симпсон (1782–1847. Пленный раб (1827), *Чикагский институт искусств, Чикаго, США* = John Philip Simpson, *The Captive Slave* (Ira Aldridge), (1827) [Electronic resource]. URL: <https://www.artic.edu/artworks/193664/the-captive-slave-ira-aldrige> (дата обращения: 03.10.2022).

²³ Джон Филипп Симпсон. Голова чернокожего (1827), Тейт Модерн, Лондон.

10. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем. Ю. Н. Давыдова // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
11. Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. 384 с.
12. Травельян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А. А. Крушинской, К. Р. Татариновой. Смоленск: Русич, 2007. 624 с.
13. Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с. (in Russ).
14. Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. Вып. 2: Северное Возрождение; страны Западной Европы XVII и XVIII вв.; Россия XVIII в. М.: Искусство, 1989. 318 с.
15. British Conversation Pieces and Portraits of the 1700s // National Gallery of Art's website. URL: <https://www.nga.gov/features/slideshows/british-conversation-pieces-and-portraits-of-the-1700s.html> (дата обращения: 01.10.2022).
16. Лабутина Т. Л., Ильин, Д. В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алтея, 2012. 303 с.
17. Eliot J. Letters. LMA. Acc. 1017/1081. 1807. 8. Feb.
18. Eliot J. Letters. LMA. Acc. 1017/1057. 1793. 2. Apr.
19. Short Notes from the Papers // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1750. Vol. XX. P. 272–273.
20. Phillis Wheatley // The Metropolitan Museum of Art [Electronic resource]. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/396463> (дата обращения: 25.08.2022).
21. Fryer P. Staying Power: the History of Black People in Britain. L.: Pluto Press, 1984. 632 p.
22. Killingray D. Africans in Britain. L.: F. Cass, 1994. 245 p.
23. Charles Hunt (fl. 1825–1857) after W. Summers (1816–1880), Tregear's Black Jokes // YCBA Collections Online. URL: <https://collections.britishart.yale.edu/catalog/orbis:3747219> (дата обращения: 01.10.2022).

Legal and psychological aspects of determining age of criminal responsibility

A. V. Ivanchin¹, L. O. Kuleva¹, F. Kh. Naurbieva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-612-623

Research article
Full text in Russian

The article presents a comparativist analysis of the age limit of the subject of criminal responsibility. The age as a characteristic of the subject of crime is considered in the context of determining the criteria on which the legislator should rely when setting the minimum age limit. These should include both legal and psychological indicators. Among the psychological indicators, the sufficiency of mental development is important, as well as the ability of the person to consciously selective behavior. The arguments of supporters and opponents of lowering the age limit of criminal liability from 16 and 14 years to 14 and 12 years respectively are evaluated. The authors conclude that today there is no need to adjust the age of criminal responsibility downwards..

Keywords: age; minimum boundary; subject of crime; criminal responsibility; consciousness; intellect; will; level of development

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin, Artem V.	E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru Doctor Sc. (Jurisprudence), Associate professor
Kuleva, Ludmila O.	E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor
Naurbieva, Fatima Kh.	E-mail: faty797@mail.ru Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Юридико-психологические аспекты определения возраста, с которого наступает уголовная ответственность

А. В. Иванчин¹, Л. О. Кулева¹, Ф. Х. Наурбиева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-612-623
УДК 343.2, 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проведен компаративистский анализ возрастных границ субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности. Возраст как признак, характеризующий субъекта преступления, рассматривается в контексте определения критериев, на которые следует опираться законодателю при установлении минимальной возрастной границы. К таковым следует относить как юридические, так и психологические показатели. Среди психологических показателей важным выступает достаточность психического развития, а также способность лица к сознательному избирательному поведению. Оцениваются аргументы сторонников и противников снижения возрастной границы уголовной ответственности с 16 и 14 лет до 14 и 12 лет соответственно. Авторы приходят к выводу, что сегодня отсутствует необходимость в корректировке возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в сторону его понижения.

Ключевые слова: возраст; минимальная граница; субъект преступления; уголовная ответственность; сознание; интеллект; воля; уровень развития

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин, Артем Владимирович | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Кулева, Людмила Олеговна | E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

Наурбиева, Фатима Хусейновна | E-mail: faty797@mail.ru
Аспирант кафедры уголовного права и криминологии

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

В истории российского уголовного законодательства имелись различные подходы к определению возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Нельзя сказать, что у законодателя исторически сложился единый подход по данному вопросу. Возрастная граница охватывала в общей сложности пределы от 7 лет и до 21 года в разных источниках права в различные времена.

Ныне закрепленные в ст. 20 УК РФ минимальные границы возраста уже стали «классикой», поскольку существуют с момента принятия Основ уголовного законодательства СССР 1958 г. Изменениям был подвергнут лишь перечень деяний, за совершение которых ответственность наступает с 14-летнего возраста.

Так, в Государственную Думу Российской Федерации трижды внесены законопроекты о снижении возрастной границы наступления уголовной ответственности, а именно: в 2009, 2012 и 2017 годах. Концептуально в каждом из законопроектов фигурировало предложение о снижении возрастной границы уголовной ответственности до 12 лет за убийства.

Однако ни один из указанных законопроектов не был принят по причине несоответствия предлагаемых метаморфозов законодательства психологической, эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости несовершеннолетних. Основной акцент был сделан на необходимость учета при определении минимальной возрастной границы уголовной ответственности психологических аспектов, данных психологических исследований, подтверждающих (или не подтверждающих), что подростки в возрасте 12-13 лет в полной мере обладают интеллектуально-волевыми свойствами, позволяющими правильно оценивать деяние.

В доктрине продолжительное время наблюдается полемика по данному вопросу. Обозначим аргументы тех правоведов, кто поддерживает снижение возраста уголовной ответственности, а также тех, кто придерживается противоположной точки зрения.

Доводы *сторонников снижения* возраста уголовной ответственности сводятся к следующему: 1) открытое информационное пространство, технические достижения позволяют детям получать различные сведения через Интернет, СМИ, что ускоряет их социализацию; 2) лица, совершившие наиболее опасные деяния в возрасте 12-13 лет, осознают их общественную опасность в силу объекта, на который они посягают, способны самостоятельно регулировать и оценивать свое поведение, прогнозировать варианты и последствия действий, сами действия зачастую спланированы, последовательны, роли лиц распределены; 3) установление более низкой границы ответственности позволит предотвратить возможность совершения лицами и их сверстниками преступлений в будущем, то есть

окажет профилактический эффект; 4) сократятся случаи использования совершеннолетними малолетних в преступных целях; 5) количество опасных деяний, совершенных малолетними, с каждым годом возрастает, причем эти деяния зачастую совершаются с особой жестокостью [1, с. 3; 2, с. 78].

Последний довод небезосновательный, даже из СМИ известно о многих резонансных случаях подобного рода. Так, в 2014 году 12-летний забил до смерти своего соседа по коммунальной квартире, в 2016 году 13-летний подросток зарезал одноклассника, в этом же году четверо 13-летних лиц в течение нескольких месяцев регулярно избивали и насиловали 10-летнего мальчика [3]. В 2017 году 12-летний школьник до смерти избил металлической трубой одноклассника [4]. В ноябре 2020 года в Татарстане 13-летний подросток зарезал свою мать [5]. В июне этого года 13-летний зарезал 12-летнего школьника [6], а в августе двое 14-летних и один 13-летний подросток избили знакомого и подвесили его за ремень на дереве [7].

Иногда приводятся доводы, что среди достигших 14 лет наибольшую распространенность получают те или иные деяния, поэтому планка должна быть снижена, и что сегодня следует говорить об акселерации подростков. Согласимся с А. П. Козловым в том, что эти доводы носят несостоятельный характер, так как первый из них ничего не доказывает применительно именно к малолетним, а во втором – используется термин «акселерация», который свидетельствует лишь об ускоренном физическом росте, далеко не всегда отражающем усиление интеллекта [8, с. 486]. Сама по себе акселерация в первую очередь находит свое выражение по части физиологического аспекта, нежели психологического, так как происходит изменение антропометрических данных организма.

Доводы *противников снижения* возрастной границы не менее весомы: 1) такое клеймо, как судимость, не будет способствовать профилактике, а, наоборот, усугубит положение данного лица, вовлечет в орбиту уголовного правосудия малолетних, приведет к росту преступности несовершеннолетних; 2) лица до 14 лет не способны в полной мере осознавать свои действия и руководить ими, они не могут воспринять саму сущность понятия «ответственность», их действия мотивированы боязнью ответственности, порицания родителей, а не осознанием неправильности, опасности того или иного поведения; 3) отсутствуют серьезные психологические исследования, подтверждающие необходимость снижения возраста; 4) необходимо совершенствовать не уголовно-правовые, а иные меры борьбы с девиантным поведением лиц, не достигших 14 лет. Последний довод был высказан, в частности, бывшим уполномоченным

при Президенте РФ по правам ребенка П. А. Астаховым, который считает, что нужно усиливать не карательную политику, а воспитательную работу [9].

Для того чтобы оценить вышеперечисленные доводы, необходимо ответить на вопрос, какие аспекты должны учитываться при определении минимальной возрастной границы уголовной ответственности. Думается, что их следует разделить на две группы: юридические и психологические.

В первую группу входят криминологические данные, а именно: количественные показатели преступности несовершеннолетних, в особенности данные о количестве совершенных общественно опасных деяний малолетними, а также тяжесть совершаемых ими деяний. О значительном росте таких деяний говорили как ученые [10, с. 513], так и представители законодательной власти. Кроме того, к юридическим факторам следует причислить и уголовно-политические аспекты борьбы с преступностью. На сегодняшний день уголовная политика в отношении несовершеннолетних заключается в гуманизации их ответственности. Поэтому снижение ныне существующего возраста уголовной ответственности не укладывается в рамки данного вектора политики.

Вторую группу составляют психологические аспекты. При решении проблем, связанных с установлением возраста наступления уголовной ответственности, следует проводить психологический анализ, который позволит рассмотреть психические процессы и свойства личности, определить уровень интеллектуальной, волевой зрелости, достаточный для принятия решений о том или ином поведении, когда лицо делает сознательный выбор. На это указывают и Пекинские правила, в п. 4.1 которых отмечается, что при определении возрастной границы следует учитывать «аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости» [11]. Кроме того, в комментарии к этому пункту говорится, что учитывается «способность ребенка перенести связанные с уголовной ответственностью моральные и психологические аспекты», что нужно определить «возможности привлечения ребенка, в силу индивидуальных особенностей его или ее восприятия и понимания, к ответственности за явно антиобщественное поведение» [11].

«Психологическое обслуживание» уголовного права в этой части заключается в том, что возрастная граница должна быть обоснована данными о типичном для подростков понимании и поведении: какие цели ставят эти лица, как они оценивают возможность альтернативных поступков с точки зрения морали и права. Как справедливо отмечает специалист в области юридической психологии О. Д. Ситковская, поскольку пре-

ступление выражено в виде деяния, то есть сознательной деятельности конкретного субъекта, то в психологическом анализе нуждается возраст уголовной ответственности [12, с. 67]. Поэтому законодательное регулирование указанного вопроса не должно быть оторвано от психологии, оценить аспекты возрастного развития только силами уголовного права невозможно. Кроме того, недопустимо обосновывать установление минимальной возрастной границы уголовной ответственности общими, абстрактными формулировками, как это зачастую делают сторонники снижения возраста уголовной ответственности.

Глубокому изучению в связи с этим подлежат несколько аспектов. Во-первых, это интеллектуальная деятельность: 1) восприятие и внимание как способность адекватно отражать связи предметов внешнего мира, их признаки, адекватно воспринимать информационные объекты, которые фиксируют запреты [13, с. 257]; 2) память как процесс запечатления информации (в том числе норм морали) для ее последующего применения в деятельности, в частности для принятия решения о том или ином варианте поведения; 3) мышление как способность к осуществлению мыслительных операций – к обобщению, анализу, осознанному восприятию стандартов поведения, проявлению критичности. Зрелость мышления связана с осознанием мотивов, целей деятельности, с переосмыслением окружающего под призмой критичности (например, способность лица соотнести содеянное им и нарушенные общесоциальные ценности), правильной оценкой своего “Я”, осознанием и исправлением ошибки; прогнозированием и анализом предстоящего события [14, с. 11–12, 15, с. 207–208].

В интеллектуальной деятельности важнейшей является способность понимать роль норм и учитывать их при выборе варианта поведения (принимать их во внимание или игнорировать), анализировать не только действия, но и последствия как для самого себя, так и для жертвы. Как отмечает О. Д. Ситковская, «с точки зрения психологии возрастной порог уголовной ответственности – это способность и возможность осуществлять социально ориентированную управляемость поведением в ситуации выбора [16, с. 96]».

Во-вторых, изучению подлежит воля как регулятор поведения, когда лицо направляет усилия на достижение какой-либо цели, прогнозирует последствия, планирует способ действий. Именно волевые качества позволяют подчинять свое поведение целям и требованиям, а также управлять эмоциями. Стоит отметить, что указанные психологические свойства приобретаются лицом постепенно по мере взросления и получения жизненного опыта.

Социальная «атмосфера» также оказывает влияние на психологическую картину несовершеннолетнего, ощутимое значение имеют такие сведения, как характеристика с места учебы, работы подростка, поскольку они содержат информацию о взаимоотношениях с родителями, о друзьях, школе, а также социальном окружении, в котором развивается лицо [17, с. 15].

Согласно специальным исследованиям, установление границы возраста, с которого наступает уголовная ответственность, базируется на изучении контингента лиц и определении уровня психического и личностного развития, типичного для этой возрастной группы [16, с. 99]. В конечном итоге на основании полученных данных выводится презумпция о том, что лицо, не достигшее определенного возраста (например, 14 лет), обладает недостаточным уровнем развития, в силу чего не осознает общественную опасность своих действий (бездействия), поэтому не способно нести уголовную ответственность. В то же время отдельные лица в возрасте до 14 лет могут обладать достаточным уровнем развития, позволяющим соотносить свое поведение с принятыми в обществе нормами, но, в силу неопровержимости данной презумпции, ответственности не подлежат. Возможна и обратная ситуация, когда лица, достигшие определенного возраста, могут отставать в развитии, что проявляется в снижении интеллектуальной деятельности, неустойчивости волевой регуляции, импульсивности, снижении возможности оценки своих поступков и прогнозирования их результатов. Тогда речь следует вести о возрастной «невменяемости».

Стоит отметить, что некоторые психологические исследования не позволяют установить конкретный возраст, достигнув который лицо приобретает способность к вариативным суждениям, абстрактному мышлению, логическому упорядочиванию своих мыслей, умозаключениям. Иногда в литературе по психологии приводится период с 11–12 лет до 14–15 лет (переходный от детства к юности), когда происходит интенсивное развитие интеллекта и воли. Таким образом, нет определенности не только в конкретной возрастной границе, но и в границах самого периода. В других же работах отмечается, что только к 14 годам у несовершеннолетних начинает формироваться абстрактное мышление, а ответственность как форма абстракции не может быть осознана в более раннем возрасте; к 14 годам развитие памяти наличествует ощутимо, что связано с интеллектуализацией этого процесса.

Представляется, что закрепленные в ст. 20 УК РФ минимальные границы в виде 14 и 16 лет отражают способность лиц осознавать общественную опасность своего поведения, руководить им и предвидеть его послед-

ствия в результате воспитания и жизненных наблюдений. Такие лица способны осознавать значение своих поступков, социально значимый характер своего поведения (интеллектуальный критерий) и использовать это осознание для руководства поступками, для принятия социально значимых решений (волевой критерий).

Следует говорить о том, что ответственное лицо должно обладать способностью осознавать не только фактические признаки деяния, но и юридические – под этим Н. С. Таганцев понимал уголовно-правовую дееспособность [18, с. 506]. Думается, что и малолетние лица могут понимать, что, например, брать чужое нельзя, но важно и то, чтобы они осознавали не только фактическую составляющую, но и социально-правовую. Следует привлекать к ответственности только тех лиц, у которых сформировано правосознание и которые могут уяснить и усвоить уголовно-правовые запреты. В доктрине справедливо отмечается, что интеллектуально-волевые качества приобретаются в процессе социализации, когда лицо начинает осознавать фактическую сторону деяния, затем запрещенность его обществом и уголовным законом; «в отношении разных общественно опасных деяний эти качества в необходимом для уголовной ответственности объеме формируются в разном возрасте» [19, с. 64].

С этих позиций принятие решения о снижении существующих возрастных границ ответственности в УК РФ представляет весьма серьезный шаг, который нуждается в «психологической проработке». Здесь, как гласит известная поговорка, нужно «семь раз отмерить и один раз отрезать». На наш взгляд, современные психологические знания способны отсеять возрастные группы, которые заведомо не способны надлежащим образом оценивать значение своих поступков. На сегодняшний день отсутствуют психологические исследования, которые смогли бы обосновать необходимость понижения возраста уголовной ответственности с 16, 14 лет до 14 и 12 лет соответственно и доказать, что малолетние могут в достаточной мере отдавать отчет своим действиям, руководить ими и адекватно их оценивать.

Кроме того, для многих представителей сегодняшнего поколения (так называемого «цифрового поколения» или «поколения Z») характерно расстройство внимания, нарушение памяти, когнитивные расстройства, так как цифровизация, с одной стороны, является шагом вперед, отражает упрощение сложных процессов, с другой – порождает инфантильность, снижение умственных способностей лиц; поколение Z обладает клиповым мышлением [20]. Современное поколение большую часть дня проводит в «гаджетах», тем самым ограничивая количество внешних

стимулов, что приводит к отсутствию необходимой для некоторых отделов мозга информации и опыта с последующим их атрофированием.

Обратим внимание на то, что предложения о снижении возраста уголовной ответственности не подкрепляются ссылками на комплексные научные исследования (медико-психологические), которые бы убедительно доказывали, что достижение, например, 12-летнего возраста свидетельствует о зрелости человека, его способности адекватно оценивать фактическую и социальную сторону своего поведения. Полагаем, что к 12 годам процесс формирования сознания еще не закончен, такие лица не способны управлять своим поведением и соотносить действия с требованиями социальных и правовых норм.

Последствия объявления малолетних опасных субъектов преступниками будут, на наш взгляд, губительными, особенно с учетом существующих проблем с ресоциализацией осужденных в нашей стране. В итоге понижение возраста уголовной ответственности приведет к еще большей криминализации российского общества и в конечном счете не усилит борьбу с преступностью, а лишь увеличит ее масштабы. Полагаем, что не следует переоценивать роль уголовного закона в деле борьбы с общественно опасными деяниями малолетних.

Сегодня тенденция такова, что неблагоприятная динамика любых общественно опасных деяний сразу же получает реакцию в виде его автоматического дополнения или изменения. Как здесь не согласиться с В. Н. Ширяевым, писавшим столетие назад: «Карательные меры – только одно из средств борьбы с преступностью, и отнюдь не самое главное. Центр тяжести, несомненно, должен лежать на мерах предупредительных, направленных на устранение причин, порождающих преступность. ...» [21, с. 8–9]. Считаем, что снижение возраста уголовной ответственности не способно решить проблему детского и подросткового общественно опасного поведения.

Представляется, что адекватным ответом на неблагополучную криминологическую ситуацию с общественно опасным поведением малолетних должно стать совершенствование воспитательных мер, включая оптимизацию норм о помещении таких лиц в закрытые специализированные интернаты и иные воспитательно-образовательные учреждения с разной степенью изоляции, а также практику их применения [22, с. 271]. Очевидно, что требуется и активизация деятельности подразделений полиции и комиссий по делам несовершеннолетних. Необходимо усиление контроля за образом жизни неблагополучных подростков, разработка иных профилактических мер, направленных на уменьшение безнадзорности и беспризорности малолетних.

Мало внимания, по нашему мнению, уделяется и анализу причин девиантного поведения малолетних лиц. Порой совершение ими общественно опасных деяний выступает следствием неблагоприятной ситуации в семье (малообеспеченность или алкогольная зависимость родителей и др.), их недостаточного воспитания и образования. Не решая проблему на этом этапе, государство, на наш взгляд, не имеет морального права осуществлять уголовное преследование малолетних лиц. Проведенное анкетное исследование показало, что 62 % опрошенных практических работников, среди которых были судьи, следователи, дознаватели, прокуроры, адвокаты, также негативно относятся к снижению минимальной границы возраста наступления уголовной ответственности [23, с. 462].

Стоит отметить, что лица в возрасте до 14 лет, совершающие общественно опасные деяния неоднократно, должны находиться под особым контролем государства. Но видеть в УК РФ «таблетку от всех бед» неразумно, в совершенствовании нуждается иноотраслевое законодательство, а также практика его применения, в частности работа комиссий по делам несовершеннолетних. Необходимо организовать систему социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей, а также совершенствовать законодательство, регламентирующее деятельность органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за счет создания полноценной специализированной системы органов, занимающихся непосредственно оказанием помощи несовершеннолетним.

Подводя итог, заметим, что при определении нижней возрастной границы наступления уголовной ответственности следует учитывать как юридические, так и психологические аспекты. Психологические знания должны выступать в качестве надежного критерия определения зрелости лица, включая его способность к сознательному избирательному поведению, прогнозированию результатов поступков, контролю, оценке своих действий с точки зрения морали и права [24]. Установленные в ст. 20 УК РФ возрастные границы являются показателем достижения большинства подростками определенной возрастной группы уровня интеллектуальной, волевой, личностной зрелости в сфере отношений, регулируемых уголовным правом.

Ссылки

1. Давыденко А. В. Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 23 с.

2. Тараканов И. А., Пичугин С. А. Особенности закрепления минимального возраста уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации и специфика его законодательного совершенствования // Юридическая теория и правоприменительная практика: проблемы, дискуссии, размышления. 2019. № 2. С. 77–82.
3. Дети стали чаще нападать, убивать и насиловать. Восемь страшных историй // Современный портал Екатеринбурга — «66.ru»: сетевое издание. 2018. URL: <https://66.ru/news/society/214871/?ysclid=l6oun3qf2t937501458> (дата обращения: 01.09.2022).
4. На Кубани 12-летний школьник до смерти избил металлической трубой своего одноклассника // Комсомольская правда: сетевое издание. 2017. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26726.5/3752393/?ysclid=l6ouwdfdnf43610077> (дата обращения: 01.09.2022).
5. В Татарстане подростка подозревают в убийстве матери // РИА Новости: сетевое издание. 2020. URL: <https://ria.ru/20201111/ubiystvo-1584159398.html?ysclid=l6ou1pzpfl104200698> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Ребенок зарезал сверстника в Нижнем Новгороде: что известно о жутком убийстве // НьюсНН.ру: сетевое издание. 2022. URL: <https://newsnn.ru/news/incident/07-06-2022/> (дата обращения: 01.09.2022).
7. В Ачинске подростки жестоко избили приятеля и подвесили за ремень на дереве // Аргументы и Факты: сайт. 2022. URL: https://krsk.aif.ru/incidents/v_achinske_podrostki_zhestoko_izbili_priyatelya_i_podvesili_za_remen_na_dereve (дата обращения: 01.09.2022).
8. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. 819 с.
9. Астахов: преждевременно снижать возраст уголовной ответственности // РИА Новости: сетевое издание. 2016. URL: <https://ria.ru/20160526/1439588607.html?ysclid=l6t9r72jdu368471168> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. СПб., 2010. 862 с.
11. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. // ООН: веб-сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 01.09.2022).
12. Ситковская О. Д. Использование психологических знаний в регулировании уголовно-правовой борьбы с преступностью // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 3. С. 66–70.
13. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. 272 с.
14. Ситковская О. Д. Психологический комментарий к отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Части Общая и Особенная. М., 2009. 109 с.
15. Вартамян Г. А., Онищенко О. Р. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности // Вестник ОмГУ. Серия Право. 2017. № 1. С. 206–210.

16. Ситковская О. Д. Возрастные границы уголовной ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2015. № 3. С. 94–99.
17. Подшибякина О. С. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Судья. 2015. № 7. С. 15–20.
18. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902. 815 с.
19. Зыков Д. А., Шеслер А. В., Шеслер С. С. Уголовно-правовые вопросы возраста уголовной ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4. С. 63–67.
20. Кокурина Е. Умные живут дольше. Чем грозит превращение мозга в «заброшенную деревню» // Вологодский научный центр Российской академии наук: электронная библиотека. URL: <http://library.vssc.ac.ru/Files/Inform/1-2006-25.doc> (дата обращения: 01.09.2022).
21. Ширяев В. Н. Взятничество и лихоительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. 577 с.
22. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. 352 с.
23. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.
24. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

On some aspects of the fight against mobbing: problems of rulemaking and judicial practice

A. M. Lushnikov¹, A. A. Karpov¹, D. A. Smirnov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-624-633

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the problem of combating mobbing. The article substantiates that mobbing is not just an interdisciplinary concept, but also quite thoroughly rooted in common sense. Second, the everyday understanding of mobbing is clearly manifested in the claims of employees against employers, which were analyzed in the article. It was concluded that a request for a legislative ban on mobbing and its delineation was already quite ripe in society. The authors proposed a definition of mobbing, which they propose to include in the Labor Code of the Russian Federation. Also, the authors analyzed the current capabilities of employees in the fight against vertical mobbing (bossing). In particular, attention was paid to the provision of Art. 195 of the Labor Code of the Russian Federation, which gives the right to the representative body of employees to demand that the head of the organization be brought to disciplinary responsibility up to dismissal. The grounds for dismissal, which can be applied to the manager in the event of a boss, are analyzed. It was concluded that without a legislative ban on mobbing, bringing the head of the organization to justice is quite difficult. Also, by-laws, which mention mobbing, in the field of education, were analyzed. It was concluded that the state and local governments are making certain efforts to combat mobbing, but these efforts are aimed at mobbing in relations between students. As for the fight against mobbing of teachers in relation to students and each other, the authors identified 3 grounds for dismissal, according to which, according to the current legislation and judicial practice, a teacher can be dismissed.

Keywords: labor legislation; mobbing; psychology; head of organization; disciplinary responsibility; person performing educational functions; teacher

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M.	E-mail: amlu0909@yandex.ru ORCID: 0000-0002-8043-8218 Doctor Sc. (Jurisprudence), Doctor Sc. (History), Professor
Karpov, Alexandr A.	E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru ORCID: 0000-0002-6432-8246 Doctor Sc. (Psychology), Associate Professor
Smirnov, Dmitry A.	E-mail: d.smirnov@uniyar.ac.ru ORCID: 0000-0003-2140-7814 Cand. Sc. (Jurisprudens), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

© Lushnikov A. M., Karpov A. A., Smirnov D. A., 2022

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

О некоторых аспектах борьбы с моббингом: проблемы нормотворчества и судебной практики

А. М. Лушников¹, А. А. Карпов¹, Д. А. Смирнов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-624-633
УДК 349.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу проблематики борьбы с моббингом. В статье обосновано, что моббинг – понятие не просто междисциплинарное, но и достаточно основательно укоренившееся на уровне здравого смысла. Второе, житейское, понимание моббинга ярко проявляется в исковых требованиях работников к работодателям. Сделан вывод, что в обществе уже вполне назрел запрос на законодательный запрет моббинга и его дефиницирование. Авторами предложена дефиниция моббинга, которую они предлагают включить в ТК РФ. Проанализированы действующие возможности работников в борьбе с вертикальным моббингом (боссингом). В частности, было обращено внимание на положение ст. 195 ТК РФ, дающее право представительному органу работников требовать привлечение руководителя организации к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения. Проанализированы основания увольнения, которые могут быть применены к руководителю в случае боссинга. Сделан вывод, что без законодательного запрета моббинга привлечение руководителя организации к ответственности достаточно затруднительно. Также проанализированы подзаконные акты, в которых упоминается моббинг в сфере образования. Сделан вывод, что государство и органы местного самоуправления предпринимают определённые усилия по борьбе с моббингом, но эти усилия направлены на моббинг в отношениях между учащимися. Что касается борьбы с моббингом педагогов по отношению к учащимся и друг другу, то авторами выявлено 3 основания увольнения, по которым, согласно действующему законодательству и судебной практике, можно уволить педагога.

Ключевые слова: трудовое законодательство; моббинг; психология; руководитель организации; дисциплинарная ответственность; лицо, выполняющее воспитательные функции; педагог

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович	Е-mail: amlu0909@yandex.ru ORCID: 0000-0002-8043-8218 Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права
Карпов, Александр Анатольевич	Е-mail: karpov.sander2016@yandex.ru ORCID: 0000-0002-6432-8246 Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии
Смирнов Дмитрий Александрович	Е-mail: d.smirnov@uniyar.ac.ru ORCID: 0000-0003-2140-7814 Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и финансового права

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

© Лушников А. М., Карпов А. А., Смирнов Д. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Проблематика моббинга в последнее время занимает всё больше места и в научных исследованиях, и в публицистических статьях. Психологизация ряда социальных проблем влечёт повышение интереса к данному явлению, тем более что проблема борьбы с моббингом является достаточно актуальной. Так, согласно статистическим исследованиям с притеснениями на рабочем месте каждый день сталкивается около 20 миллионов американских трудящихся. В Великобритании жертвами моббинга в трудовом коллективе являются около 30 % сотрудников. В Швеции процент лиц, подвергающихся моббингу, варьируется от 2,5 до 16,2 %.

Моббинг представляет собой междисциплинарное понятие [1, с. 155–161]. Изначально возникнув в сфере социологии, проблематика моббинга распространила сферу своего действия в иные дисциплины, главным образом в психологию. На настоящий момент проблематика моббинга и связанного с ним значительного спектра явлений психологического плана является также одной из наиболее актуальных в современной психологии. Очевидно, что сложились определенные и вполне конкретные представления о терминологии, классификациях, содержании практических рекомендаций относительно моббинга. Далее исследования моббинга вообще трансформировались в особое теоретическое и прикладное междисциплинарное направление. В свою очередь, его постепенно реализующаяся «психологизация», полагаем, неслучайна и коренится в решающей роли механизмов сугубо психологического плана, лежащих в основе моббинга.

Вместе с тем история развития рассматриваемого направления обладает важной отличительной особенностью, которая, впрочем, не является редкой, хотя и должна быть понята в качестве определяющей. Дело в том, что складывается ситуация, согласно которой явление существовало практически всегда, в то время как интерес к нему возник относительно недавно. В этой связи следует констатировать, что разработки теоретического плана по тем или иным причинам (разумеется, различным для каждого отдельно взятого направления) не просто уступают во времени формированию предмета изучения, но и, что еще более удивительно, очевидно «опаздывают». Отсюда во многом проистекает ощутимо стихийный характер появления большого числа данных исследований моббинга в разных странах. Вследствие этого, создается впечатление о неконтролируемости учета новых данных ввиду высокой интенсификации их возникновения в современной литературе. Кроме того, нельзя исключать и влияния относительно неблагоприятного фактора, состоящего в следующем: проблематика моббинга, к сожалению, преодолевает границы академической науки и становится предметом дискуссий в ненаучной среде. Это, безусловно, допускает формирование искаженных представлений о моббинге как о научном направлении и, конечно, его содержании. Таким образом,

вполне возможно констатировать существование двух крупных тенденций в изучении моббинга – научной и «житейской». Причем надо сказать, что подобное разделение не является новым в психологии, а, напротив встречается весьма часто, хотя, повторяем, далеко не всегда оказывает позитивное влияние на развитие фундаментальных представлений.

Этот, казалось бы, сугубо теоретический аспект проблемы имеет вполне определённые проявления на практике: работники всё чаще заявляют в своих исковых требованиях о том, что они подвергаются моббингу. При этом современное российское законодательство данное понятие не знает. Термин «моббинг» употребляется крайне редко, в основном применительно к отношениям в сфере образования, о чём мы ещё скажем позже.

Несмотря на это, в судебной практике нередко встречаются заявления работников о моббинге в отношении их со стороны работодателя. При этом, как и со всяким «житейским» понятием, под моббингом работники нередко понимают различные явления. Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 20.11.2020 по делу № 33-416671/2020 работница считала вертикальным моббингом неясность и неопределённость сроков исполнения полученного ей задания, привлечение других работников её отдела для оценки выполненного ей задания и, как результат, привлечение её к дисциплинарной ответственности¹. В Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2016 № 33-7524/2016 по делу № 2-6328/2015 работница, рассматривая моббинг и психологическое давление как синонимы, выделила следующие его компоненты: безосновательное увеличение объема работы, изоляцию работницы от служебной информации, фактическое игнорирование ее руководством, отсутствие конкретизации даваемых поручений, передача срочных поручений за пределами установленного срока исполнения, несвоевременную проверку выполненной работы, отсутствие обратной связи, требования пояснений по каждому вопросу, в том числе письменных². В Определении Московского городского суда от 24.11.2014 № 4г/3-10087/14 отражено, что работник рассматривал моббинг и психологический террор как синонимы³. Некоторые работники рассматривают моббинг просто как разновидность дискриминации⁴.

---

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.11.2020 по делу № 33-416671/2020 // СПС «Консультант Плюс».

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2016 № 33-7524/2016 по делу № 2-6328/2015 // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Московского городского суда от 24.11.2014 № 4г/3-10087/14 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 10.10.2014 по делу № 33-10598/2014 // СПС «Консультант Плюс».

В ряде заявлений работник упоминал моббинг в ряду других «грехов» работодателя, как то: дискриминацию, понуждение к увольнению и т. п.⁵ В одном из исковых заявлений работник даже требовал от суда провести проверку «по вопросам “моббинга” в отношении подчинённых»⁶.

Весьма показательно, что ни в одном из рассмотренных нами судебных решений суд даже не пытался ответить на вопрос, имел ли место моббинг в действительности, и фактически уклонился от правовой оценки соответствующих действий работодателя. И это вряд ли может вызвать удивление, ввиду того что такой категории, как «моббинг», законодательство не знает, а соответственно, и определить, относится ли конкретное действие к моббингу, во-первых, крайне затруднительно, во-вторых, признание определённых действий работодателя моббингом не порождает правовых последствий, в связи с тем что в законе они не прописаны.

Приведённая судебная практика, как представляется, явно свидетельствует, что налицо необходимость легализации понятия моббинга ввиду своеобразного общественного запроса. Полагаем, что необходимо ввести в ТК РФ дефиницию моббинга в целях урегулирования вопроса защиты работников от психологического насилия на рабочих местах. Считаем целесообразным использовать при этом зарубежный опыт и адаптировать его к действующей правовой системе [2, с. 13–16; 3, с. 97–105]. В научных изысканиях как по психологии, так и по праву можно встретить следующие признаки моббинга: 1) повторяемость (систематичность) действий (каких?) в отношении работника со стороны руководителя либо со стороны коллег, 2) указанные действия (они не указаны) ущемляют достоинство работника, 3) они выражаются в ряде негативных действий, влияющих на выполнение работником его трудовой функции (в частности, преследование, оскорбления, бойкот), 4) они причиняют ущерб либо же создают реальную угрозу ущерба правам, свободам, законным интересам работника, кроме того, они могут оказывать негативное воздействие на его физическое или психическое здоровье.

Исходя из этого, считаем целесообразным закрепить в российском законодательстве следующее определение: «Моббинг (психологическое насилие) – повторяющиеся (систематические) действия со стороны работодателя и других работников (включая руководителя организации), которые ущемляют достоинство подвергающегося ему работника. Они могут осуществляться в виде преследования, оскорбления, бойкота или иных

---

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.08.2020 № 33-22936/2020 по делу № 2-2802/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 22.04.2014 по делу № 33-3530\2014г. // СПС «Консультант Плюс»; Кассационное определение Пермского краевого суда от 23.05.2011 по делу № 33-4995 // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2018 по делу № 33-29915/2018 // СПС «Консультант Плюс».

негативных действий, влияющих на выполнение работником его трудовых обязанностей. Данные действия должны причинять ущерб или создавать реальную угрозу причинения ущерба правам, свободам, законным интересам работника».

Отдельного внимания заслуживает так называемый вертикальный моббинг, или боссинг. Действующее законодательство, очевидно, не предусматривает каких-то способов борьбы с этим явлением. Однако есть ряд инструментов, позволяющих работникам защитить свои права.

Во-первых, это предусмотренная статьёй 195 ТК РФ обязанность работодателя рассмотреть заявление представительного органа работников о нарушении руководителем организации, руководителем структурного подразделения организации, их заместителями трудового законодательства и сообщить о результатах его рассмотрения в представительный орган работников. В случае подтверждения факта нарушения работодатель обязан применить к провинившемуся работнику дисциплинарное взыскание вплоть до увольнения.

Следует отметить существенное различие в ответственности руководителей организации и руководителей отдельных подразделений. Если для «простых» работников допустимо только привлечение к дисциплинарной ответственности (при наличии полного состава дисциплинарного проступка), то для руководителей организации риски в данном случае существенно выше: они могут быть уволены по ряду дополнительных оснований. Причём увольнение возможно и не непосредственно на основании дисциплинарного проступка, а в результате принятия работодателем решения о прекращении трудового договора с руководителем организации (п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ).

Что касается виновных оснований увольнения руководителя организации, то они зафиксированы в пп. 9 и 10 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Мы не видим возможностей увольнения руководителя организации за моббинг по п. 9 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (принятие необоснованного решения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями и главным бухгалтером, повлекшее за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации), однако считаем, что оно вполне возможно по п. 10 ч. 1 ст. 81 ТК РФ: однократное грубое нарушение руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями своих трудовых обязанностей.

Определения грубого нарушения законодательство не содержит, оно является оценочным понятием. Пленум Верховного суда в п. 49 Постановления от 17 марта 2004 г. № 2 указал, что под грубым нарушением, в частности, понимается неисполнение возложенных на этих лиц трудовым договором обязанностей, которое могло повлечь причинение вреда здоровью работников либо причинение имущественного ущерба органи-

зации⁷. Суды, давая трактовку данного положения, обращают внимание на то, что причинение вреда здоровью работника либо имущественного ущерба не является обязательным. Оно возможно и в том случае, когда не повлекло негативных последствий для работодателя⁸.

Увольнение работника по данному основанию производится в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности, при этом в судебной практике особо обращается внимание на то, что руководителем должно быть совершено нарушение должностных обязанностей, прописанных именно в трудовом договоре⁹.

Полагаем, что этот признак не является обязательным. Вполне допустимо увольнение руководителя организации и за нарушение обязанностей, прописанных в законе, локальном акте и иных источниках. О правильности такой трактовки свидетельствует и тот факт, что Пленум в п. 49 Постановления от 17 марта 2004 г. № 2 указал на нарушение обязанности, установленной трудовым договором, как на частный случай.

Что касается возможности увольнения руководителя организации по данному основанию за моббинг (боссинг) или за непринятие мер по противодействию данным явлениям, то полагаем, что оно вполне допустимо при условии наличия дисциплинарного проступка.

Однако в данном случае мы опять же упираемся в вопрос прямого запрета моббинга. В законодательстве он на настоящий момент отсутствует, и, соответственно, руководитель может быть уволен только в случае, если обязанность не допускать моббинг либо противодействовать ему прописана в социально-партнёрских, локальных актах либо в трудовом договоре. В то же время нами, например, не обнаружены какие-либо социально-партнёрские акты, в которых бы прописывалось противодействие моббингу.

Проведённый анализ подтверждает необходимость дефиницирования моббинга, а также установления его запрета на законодательном уровне.

Ещё одной областью, где в последние годы можно констатировать оживление в области борьбы с моббингом, является сфера образования. При этом среди актов федерального уровня, в которых говорится о борьбе с моббингом, можно с определёнными оговорками назвать лишь обсуждаемый сейчас Проект профессионального стандарта «Специалист в области воспитания». Сам термин «моббинг» при этом не используется, однако

---

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2006. 31 дек., № 297.

⁸ Апелляционное определение Иркутского областного суда от 18.10.2018 по делу № 33-9040/2018 // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.05.2017 № 47-КГ17-4 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 18.05.2016 по делу № 33-2392/2016 // СПС «Консультант Плюс».

противодействие ему подразумевается, что, в частности, вытекает из пояснительной записки к проекту. В ней указано, что профилактика таких явлений, как моббинг, буллинг, троллинг, включается в состав трудового действия: «Выявление предпосылок и ранняя профилактика негативных явлений в детско-юношеской среде образовательной организации» [4].

Показательно, что моббингу начинают противодействовать в образовательной среде на региональном и местном уровнях. Например, Положение о деятельности педагога-психолога в государственных образовательных учреждениях Санкт-Петербурга, находящихся в ведении Комитета по образованию и администраций районов Санкт-Петербурга в составе деятельности по психолого-педагогическому сопровождению образовательного процесса, предусматривает, во-первых, профилактику насилия в образовательной среде, включая буллинг, моббинг, троллинг; во-вторых, создание условий совместно с педагогами образовательных учреждений и специалистами службы сопровождения по противодействию ему [5].

В Постановлении администрации г. Дзержинска Нижегородской области говорится о реализации программы формирования в школах города служб медиации, направленных на разрешение острых конфликтов между учащимися. Констатируется эффективность этих служб в реализации таких социально опасных явлений, как моббинг и буллинг. При этом под буллингом в Постановлении понимается психологический террор, избиение, травля одного человека другим, а под моббингом – обзывание, унижение, непристойные шутки, сплетни [6].

В то же время, как видно из проанализированных документов, борьба с моббингом и буллингом ведётся не в рамках трудовых отношений, а в рамках отношений между учащимися и администрацией образовательных учреждений. Что же касается борьбы с моббингом в рамках трудовых отношений в сфере образования, то трудовое законодательство предоставляет достаточно возможностей для увольнения педагогического работника, допускающего такое поведение.

Так, в п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ зафиксировано специальное основание увольнения, касающееся исключительно работников, выполняющих воспитательные функции, – совершение аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы. Очевидно, что моббинг относится к подобного рода аморальным проступкам.

Кроме того, в ст. 336 ТК РФ зафиксированы два дополнительных основания прекращения работы с педагогическим работником: повторное в течение одного года грубое нарушение устава организации, осуществляющей образовательную деятельность и применение (п. 1 ч. 1 ст. 336 ТК РФ), в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника (п. 2 ч. 1 ст. 336 ТК РФ).

При этом судебная практика к случаям грубого нарушения устава образовательной организации относит в том числе и действия работника, подпадающие под определение моббинга. Примером может послужить Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2013 по делу № 11-3590, которым было признано законным увольнение по п. 1 ч. 1 ст. 336 ТК РФ мастера производственного обучения, неоднократно высказывавшего угрозы и оскорбления в адрес учащихся по причине их национальной принадлежности¹⁰.

Что касается такого основания увольнения, как применение методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, то данное поведение виновного лица тоже с полным основанием может быть отнесено к моббингу с той лишь разницей, что объект моббинга – не другой работник, а учащийся.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Проблематика борьбы с моббингом является достаточно актуальной, что выражается в том числе и в исковых заявлениях работников, притом что сам моббинг никак действующим законодательством не урегулирован;

2. Предлагаем включить в ТК РФ прямой запрет на моббинг и ввести следующую его дефиницию: «Моббинг (психологическое насилие) – повторяющиеся (систематические) действия со стороны работодателя и других работников (включая руководителя организации), которые ущемляют достоинство подвергающегося ему работника. Они могут осуществляться в виде преследования, оскорбления, бойкота или иных негативных действий, влияющих на выполнение работником его трудовых обязанностей. Данные действия должны причинять ущерб или создавать реальную угрозу причинения ущерба правам, свободам, законным интересам работника»;

3. Действующее законодательство не представляет достаточных инструментов по борьбе с вертикальным моббингом. Согласно ТК РФ руководитель организации может быть привлечён к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения. И даже есть ряд виновных оснований увольнения, которые могут быть использованы как санкция в ответ на моббинг (например, п. 10 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). Однако эти основания носят ярко выраженный дисциплинарный характер, а это значит, что для привлечения руководителя к ответственности за вертикальный моббинг его запрет должен быть прописан в каких-то источниках трудового права либо в трудовом договоре. Сказанное ещё раз подчёркивает необходимость введения законодательного запрета на моббинг;

4. Достаточно часто категория «моббинг» используется в подзаконных актах применительно к отношениям между учащимися. И надо отметить, что государство и некоторые муниципальные образования предпринима-

---

¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2013 по делу № 11-3590 // СПС «Консультант Плюс».

ют меры по борьбе с моббингом в учебных заведениях. В то же время о вертикальном моббинге со стороны педагогического работника по отношению к учащемуся в документах об образовании не упоминается. Полагаем, что это обоснованно. Действующее трудовое законодательство и судебная практика насчитывают три основания увольнения, под которые может подпасть педагог в случае моббинга по отношению к учащимся – этого достаточно для нормативно-правовой реакции на данную проблему.

Ссылки

1. Лушников А.М., Чуча С. Ю., Смирнов Д. А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2022. № 7. С. 155–161.
2. Лушников А. М. Природа и сущность личных неимущественных прав // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. №1. С. 13–16.
3. Рекош К. Х. Моббинг и проблемы его преодоления во Франции // Труд за рубежом. 2002. № 2. С. 97–105.
4. Проект Приказа Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист в области воспитания”» (по состоянию на 22.09.2022) (подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/02/09-22/00131626). URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
5. Распоряжение Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга от 01.07.2022 № 1342-р «Об утверждении Положения о деятельности педагога-психолога в государственных образовательных учреждениях Санкт-Петербурга, находящихся в ведении Комитета по образованию и администраций районов Санкт-Петербурга». URL: <http://www.gov.spb.ru>, 05.07.2022.
6. Постановление администрации г. Дзержинска Нижегородской области от 07.11.2017 № 4424 «Об утверждении муниципальной программы “Профилактика терроризма и экстремизма, минимизация и ликвидация последствий терроризма и экстремизма на территории городского округа город Дзержинск”» (с изм. и доп.) // Дзержинские ведомости. 2017. 16 ноябр., № 90 (568).

Distance Learning: Between Legality and Harmfulness (Lessons from the Pandemic)

E. V. Koneva¹, N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-634-641

Research article
Full text in Russian

The essence of distance learning is considered, including in the context of the realization of the right to education. It is stated that during the pandemic, only individual components of this educational technology were implemented. Its main organizational and content features, as well as the perceptions of full-time students regarding its effectiveness and level of psychological comfort are analyzed. The most significant shortcomings of the distance learning option that was used in a number (if not most) of universities are revealed.

Keywords: right to education; pandemic; distance learning; remote mode; student attitudes; obvious shortcomings

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V. | E-mail: ev-kon@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6981-0341
ResearcherID: ABG-7496-2021
Doctor Sc. (Psychology), Associate Professor

Tarusina, Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID: 0000-0001-8827-5532
ResearcherID: S-3971-2016
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью (уроки пандемии)

Е. В. Конева¹, Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-634-641

УДК 342.7, 159.9

Научная статья

Полный текст на русском языке

Рассматривается сущность дистанционного обучения в контексте реализации права на образование. Отмечается, что в период пандемии были внедрены только отдельные компоненты данной образовательной технологии. Проанализированы ее основные организационные и содержательные особенности, а также представления студентов очной формы обучения относительно ее эффективности и уровня психологической комфортности. Выявлены наиболее значимые и очевидные недостатки дистанционного обучения, обнаруженные во многих (если не в большинстве) университетов.

Ключевые слова: право на образование; пандемия; дистанционное обучение; удаленный режим; отношение студентов; очевидные недос

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна

E-mail: ev-kon@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6981-0341

ResearcherID: ABG-7496-2021

Доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей психологии

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniylar.ac.ru

ORCID: 0000-0001-8827-5532

ResearcherID: S-3971-2016

Кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой социального и семейного
законодательства

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

Дистанционное обучение является одной из образовательных технологий, предусмотренных ФГОС бакалавриата, специалитета и магистратуры. Его своеобразным прообразом выступает заочная форма обучения, которая, как известно, была широко распространена в советскую эпоху (отделения ВЮЗИ существовали почти в каждом областном центре) и не лишена своего статуса в настоящее время, хотя и ограниченного (например, заочный бакалавриат исключен для юриспруденции и психологии, а специалитет – для медицины, правоохранительной деятельности и др.). Разумеется, дистант (его современная модификация) имеет свои плюсы и минусы, которые особенно явственно оформились в период вынужденного удаленного образовательного процесса.

Строго говоря, стихийно сложившаяся весной 2020 года система обучения студентов во многих вузах не является дистанционным обучением в собственном смысле этого слова, поскольку оно (последнее) предполагает, как минимум, создание электронных учебников и электронных учебных курсов. Фактически учебный процесс в тот период представлял собой попытку переноса аудиторных занятий в удаленный формат. Иное вряд ли было возможно с учетом внезапности тех перемен, которые настигли вузы в связи с началом пандемии, несмотря на то что в Ярославской области с 2010 года работает Школа дистанционного обучения в ГОУ ЯО «Центр помощи детям», накопившая значительный ценный опыт в организации этого процесса. Этот опыт в числе прочего показывает, что так называемая «говорящая голова» (преподаватель, транслирующий информацию с экрана компьютера) – один из наименее эффективных форматов занятий.

Однако и модифицированная с учетом обозначенных реалий форма дистанционного обучения (будем для краткости далее называть ее дистанционным обучением) на момент «пандемического» образовательного кризиса не была достаточно развита (ни с точки зрения цифровых платформ и ресурсов, ни с точки зрения методического обеспечения), и она существенно усложнила вузовскую жизнь – управленческую и педагогическую (см., напр.[1]). С другой стороны – придала ей значимое ускорение в решении данных проблем.

Во-первых, преподаватели (по крайней мере, большинство из них, особенно и прежде всего – «гуманитарии») оказались не подготовленными к дистанционному обучению ни методически, ни психологически. Так, поскольку лекции и практические занятия проводились в форме непосредственного (хоть и удаленного) контакта со студентами, возникало недоумение по поводу требования руководства вуза об обязательном размещении дополнительных материалов (сверх тех, которые уже имелись в электронной библиотеке). Однако одновременно обнаружились факты неравномерного (и по количеству, и по содержанию) учебно-методического обеспечения каждой конкретной дисциплины, и прежде всего именно

в электронной форме, доступной через электронную библиотеку вуза. Соответственно преподавательский коллектив разделился на две группы – на тех, у кого эти материалы имелись – их следовало лишь систематизировать и обновить, – и на тех, кому пришлось срочно их нарабатывать. Дифференциация коллектива обнаружилась и по параметру технической подготовленности: на тех, кто оказался способен «диверсифицироваться» (имел необходимое оборудование, обладал навыками активного пользователя им), и на тех, кто был к этому не готов, а частично – и не хотел осваивать новое образовательно-технологическое пространство. Среди последних особую группу составили преподаватели «серебряного возраста» (разумеется, далеко не все)¹. Следует заметить, что первый «удар» дистанта пришелся именно по ним, так как в ряде вузов первоначально, из-за антиковидных ограничений, удаленный режим работы был введен только для группы 65плюс (в дальнейшем она захватила и возраст 60плюс), остальные же преподаватели продолжили работу в аудиториях. Это, среди прочего, оказало вредоносное воздействие на мироощущение представителей первой группы, спровоцировало дополнительный психологический дискомфорт в их работе и жизни в целом, усилило общие дискриминационные позиции означенного «меньшинства» [2; 3, с. 28], тенденцию «эйджизма» (напр., [4]). Кроме того, именно им, а не «продвинутым пользователям» пришлось первыми готовить запрошенные руководством вуза дополнительные учебно-методические материалы для электронной библиотеки. При этом в социологических исследованиях, посвященных проблеме срочного «всеузовского запуска» дистанта, этому аспекту проблемы внимания не уделено (напр., [5]). Соответствующие протестные акции не успели состояться, так как временной разрыв между эксклюзивным дистантом для 65плюс и общеузовским оказался незначительным (в среднем – около 3-4 недель).

Во-вторых, выявилась специфика подбора (или подготовки) обучающего материала для электронной библиотеки вуза: 1) нежелательность размещения текстов лекций, хотя бы и в сокращенном варианте, ибо это демотивирует студентов к их дистанционному посещению; 2) ограниченность (или отсутствие) доступа в читальные залы и методические кабинеты «офлайн» вынуждает дифференцировать информационные ресурсы по критерию возможности их получения через российские базы (как известно, значительная часть, прежде всего учебных и монографических изданий, размещена в них лишь в форме «анонса» с целью приобретения электронных версий на коммерческой основе); 3) диктат авторского права не дает возможности копировать материалы (статьи, выдержки из учебных пособий и учебников) в качестве элементов образовательного

---

¹ Как показал последующий анализ «антиковидного» законодательства и практики его применения, означенная деталь убедительно легла в основание конструкции нового вида социальных меньшинств – возрастной группы 65плюс (а позднее – и 60плюс) [2–3].

комплекса по дисциплине; в этом смысле даже собственные (авторские) работы, опубликованные не в вузе, могут использоваться не без оглядки, так как права на них переданы лицензионным договором соответствующему изданию.

В-третьих, вызвали сомнение такие формы подачи лекционного и семинарского материала (по-прежнему пропагандируемые профильным министерством), как трансляция его видеозаписи. Подобная форма, в качестве факультативной, приемлема в случае демонстрации лучших образцов (например, лекций известных ученых), но не в качестве образовательных обыкновений: отсутствует контроль восприятия материала; имеются значительные трудности технического характера при записи и воспроизведении видеоресурса; не все преподаватели «видеогеничны» и «аудиокомфортны».

В-четвертых, в определенном «проигрыше» (особенно в контексте лекционной подачи материала) оказались те преподаватели, которые не относятся к категории «долдонов» (склонных к диктовке и т. п. приемам): творческий, индивидуальный подход к подаче информации в цифровом режиме чрезвычайно затруднен как с технической, так и с психологической точек зрения.

В-пятых, значительное воздействие на результат конкретного дистанционного контакта «преподаватель – студенты» оказывают особенности аудитории слушателей: на экране ПК появляются «черные квадраты», портреты известных политических деятелей, любимых кошек или собак и т. п.; при свободном режиме подключения (а иной режим требует времени) студенты своевольно «входят» в дистант и «выходят» из него, что усиливает дискомфортность в работе; в среде слушателей не исключаются также значимые различия в восприятии цифровой формы занятия (и подготовки к нему) – вплоть до «цифрового детокса» (напр., [6]).

Этот факт еще раз напоминает: в систему «преподаватель – студент» включены два основных субъекта образовательного процесса, поэтому важнейшим триггером этого взаимодействия является отношение студентов и к самому факту дистанта, и к особенностям его организации.

В апреле 2020 года через Электронный университет Moodle ЯрГУ один из авторов данной статьи обратился к студентам 2-го курса факультета психологии ЯрГУ с просьбой ответить на несколько вопросов: какими положительными особенностями, на Ваш взгляд, обладает дистанционное обучение? какими негативными особенностями, на Ваш взгляд, обладает дистанционное обучение? почему «посещаемость» онлайн-лекций выше, чем обычных? В инструкции, предваряющей вопросы, содержалась просьба отвлечься от проблем технического обеспечения учебного процесса (возможные дефекты связи, невысокое качество компьютеров, недоста-

точная техническая грамотность преподавателей). Эти факторы при всей их важности в тот период мало поддавались регулированию.

На вопросы мини-анкеты было получено 29 ответов, из них в 12 названы положительные свойства дистанционного обучения, в 18 – отрицательные. Несмотря на инструкцию, в которой говорилось, что технические возможности обучения в этом формате не подлежат обсуждению, они нередко упоминались в ответах: «По скайпу, в зуме то не слышно, то не видно, то висит...»; «Я стараюсь слушать каждую лекцию, но проблемы со связью частые. Понимаю, что это решаемые проблемы, просто их много». В основном же отмечались большой объем заданий, значительно превышающий таковой при очной форме обучения (52 % ответивших), недостаток непосредственного общения с преподавателями и сокурсниками (30 %), чрезмерная нагрузка на органы зрения (28 %), трудности самоорганизации (28 %). Аналогичные проблемы отмечены другими авторами [7–9].

Заметим, что ответы на, казалось бы, наивный вопрос «почему “посещаемость” онлайн-лекций выше, чем обычных?» не были столь однозначными, как можно было ожидать. Менее половины студентов ответили, что это связано с возможностью подключиться к лекции и заниматься своими делами. Большинство ссылалось на удобство тайминга: не надо рано вставать, добираться до места обучения.

Спустя несколько месяцев (в конце июня 2020 года) тем же студентам были вновь заданы первые два вопроса мини-анкеты и один новый: хотели бы Вы продолжить дистанционное обучение в следующем семестре? Отрицательное мнение опрошенных по последнему вопросу было почти единодушным (87 %). Красноречивы развернутые ответы (сохранена орфография и пунктуация оригинала): «Конечно, если эпидемиологическая ситуация того потребует, я высижу ещё семестр, но если это будет необоснованно, просто, чтобы сократить расходы или ещё что – ну уж нет, увольте»; «В целом, минусы, которые я описала ранее в минианкете остаются те же, но их сила и моё негативное отношение увеличилось в разы (особенно из-за того, что праздники и официальные выходные – это уже не повод не давать задания студентам, и не важно сколько мы тратим времени на задание, которое очно заканчивалось через 1,5 часа»); «Все положительные моменты приняли негативный окрас. Гибкий график и возможность самостоятельно распределять время стали обычной ленью и откладыванием дел, обратная связь в виде заданий для семинаров иногда становилась причиной слез и нежелания вообще продолжать какое-либо обучение, потому что в таком формате нет ни преподавателя, которого на семинаре можно переспросить, уточнить, ни ребят, с которыми можно посоветоваться, сделать схоже (на примере), конечно, мы пытались помогать друг другу, но в университете групповая работа более налажена. Большая часть времени все еще проводится за компьютером, иногда кажется, что работы не становит-

ся меньше, хотя ощутимого отдыха нет, кажется, что требования преподавателя завышаются, а временные затраты на задание гораздо больше, чем предполагается парой»; «Даже ранний подъем к первой паре не кажется уже таким ужасным, как дистанционное обучение»; «Не хотелось бы, чтобы такой формат продолжался - я поступала на очное отделение именно для того, чтобы общаться с людьми, ездить в универ, слушать лекции и взаимодействовать (лично) с преподавателями. Я уже даже начинаю скучать по физкультуре с нашими строгими тренерами! Не хватает этого!»; «Хочется уже скорее прийти на пары в университет и забыть все это, как страшный сон».

В чем же состоят уроки вузовского обучения в период пандемии? Во-первых, вузы проявили достаточно высокую способность в адаптации к экстремальным обстоятельствам. Это касается как первых недель обучения вне стен образовательных учреждений, так и последующего периода, в который произошли позитивные изменения в техническом, методическом, организационном аспектах процесса. На втором этапе опроса, о котором шла речь выше (июнь 2020 года), около 25 % студентов отмечали, что чувствуют себя менее тревожно и более уверенно, выполняя задания в Электронном университете Moodle ЯрГУ, а большинство преподавателей, по мнению студентов, дают задания более упорядоченно и равномерно, хотя сохранился большой объем самостоятельной работы.

Во-вторых, на наш взгляд, студенты и преподаватели как субъекты образовательного процесса в новых условиях оказались еще в большей взаимозависимости с точки зрения его организации, и в то же время между ними появился посредник в виде электронных средств связи. Это, несомненно, вызвало к жизни новый формат общения, однако на вопросы, каков он был в действительности и каков мог бы быть в оптимальном варианте, невозможно ответить без специального изучения этой темы. О неоптимальности его организации косвенно можно судить по тем результатам анкетирования, согласно которым график выкладывания заданий в систему МУДЛ, по мнению студентов, нередко выглядел хаотичным, некоторые задания – нелогичными.

Можно предположить, что преподаватели, сфокусировавшись на содержательной стороне обучения, относительно мало внимания уделяли «информационному» сопровождению этого процесса, который включает, в частности, периодическое обоснование логики своих действий, что в аудиторном взаимодействии происходит регулярно и спонтанно. Высока также вероятность, что аналогично различиям в восприятии и переработке электронной информации молодыми людьми и старшим поколением [10] формируются представления двух указанных групп об оптимальном объеме и структуре онлайн-общения в дистанционном образовательном процессе.

Ссылки

1. Тарусина, Н. Н. Специфика реализации магистерских программ по юриспруденции в смешанном формате // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования : Тезисы докладов XV Всероссийской научно-методической конференции, Ярославль, 28–29 марта 2022 года. Ярославль: ЯрГУ, 2022. С. 334–337.
2. Тарусина, Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8. С. 99–109. DOI 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.
3. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.
4. Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных установок и практик // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 2. С. 32–45. DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-2-32-45.
5. Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В. Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 611–621. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-3-611-621.
6. Ефимова Г. З., Семенов М. Ю. Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 572–581. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581.
7. Гордеева И. В. Дистанционный образовательный процесс в университете: преимущества, проблемы и мнения студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 61–64. DOI 10.26140/anip-2021-1001-0013.
8. Казакова Л. П., Кошель В. А. Психологические аспекты переживания студентов в учебной деятельности в период экстренного дистанционного обучения // Человеческий капитал. 2022. Т. 1. № 5. С. 215–229. DOI 10.25629/НС.2022.05.25.
9. Quintiliani L., Sisto A., Vicinanza F., Curcio G., Tambone V. Resilience and psychological impact on Italian university students during COVID-19 pandemic. Distance learning and health // Psychology, Health & Medicine. 2022. Vol. 27, No 1. P. 69–80. DOI 10.1080/13548506.2021.1891266.
10. Конева Е. В. Онлайн курсы и «клиповое мышление» // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования : Тезисы докладов XIV всероссийской научно-методической конференции, Ярославль, 31 марта 2020 года. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 156–157.

Data processing on digital platforms: topical issues of improving legislation and practice

S. V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-642-649

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of current legal problems arising in the process of collecting, using and distributing users' personal data of modern digital platforms. The paper emphasizes that the issue of protecting user data has a significant legal component and allows to take a fresh look at the usual concept of privacy and the content of the right to privacy. On the example of the property of the network effect of digital platforms, the interest of users in building up large arrays of user data by platforms is substantiated and a conclusion is made about the key role of the authority to control the volume and fate of the information collected about a person in the content of the right to privacy.

Based on the experience of the European Union, the author substantiates the need to regulate in domestic legislation the system of requirements for the basic and subsequent settings for the confidentiality of digital services, the acts for designing the protection of personal data by operators who process such information. In addition to this, the author highlights advantages of legal regulation of the procedures for transferring data between digital platforms and exercising the right to be forgotten. As conclusions, recommendations are formulated aimed at developing transparency in the procedures for collecting personal data by platforms, countering parsing and leakage of personal data, as well as deformalizing the dissemination of personal information based on the concept of open data..

Keywords: digital platforms; personal data; privacy; users; leaks; data processing; services; network effect; confidentiality

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simonova, Snezhana V. | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Обработка данных пользователей цифровых платформ: актуальные вопросы совершенствования законодательства и практик

С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-642-649
УДК 342.721

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу актуальных правовых проблем, возникающих в процессе сбора, использования и распространения персональных данных пользователей современных цифровых платформ. В работе подчеркивается, что вопрос защиты пользовательских данных имеет значимую правовую составляющую и позволяет по-новому взглянуть на привычную концепцию приватности и содержание права на неприкосновенность частной жизни. На примере свойства сетевого эффекта цифровых платформ обосновывается заинтересованность пользователей в наращивании платформами больших массивов пользовательских данных и делается вывод о ключевой роли правомочия контроля объема и судьбы собираемой информации о человеке в содержании права на неприкосновенность частной жизни.

Опираясь на опыт Европейского союза, обосновывается необходимость регламентации в отечественном законодательстве системы требований к базовым и последующим настройкам конфиденциальности цифровых сервисов, процессам проектирования защиты личных данных операторами, которые ведут обработку подобной информации. В дополнение к этому автор освещает ряд преимуществ правовой регламентации процедур переноса данных между цифровыми платформами и реализации права на забвение. В качестве выводов формулируются рекомендации, направленные на развитие прозрачности процедур сбора платформами личных данных, противодействие парсингу и утечкам персональных данных, а также деформализации распространения личной информации на основе концепции открытых данных.

Ключевые слова: цифровые платформы; персональные данные; приватность; пользователи; утечки; обработка данных; сервисы; сетевой эффект; конфиденциальность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова, Снежана Владимировна | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP–14).

© Симонова С. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Общеизвестно, что феномен цифровой платформы¹ неразрывно связан с процессами обработки данных, основывается на этих процессах и без них немислим. Причем как в законодательстве, так и в юридической литературе обозначенная связь активно подчеркивается. Например, в отечественных правовых актах понятие платформы дается через призму информационной системы². Ученые справедливо отмечают, что сбор пользовательских данных образует сердцевину бизнес-модели современных цифровых платформ [1, с. 86–94]. Как видится, в «ковидные времена», когда объемы обрабатываемых в цифровой среде данных достигли беспрецедентных объемов, и особенно в 2022 году, актуальность этого тезиса повысилась в разы.

Что важно, в этом аспекте ценность имеют не только данные, предоставляемые пользователями платформам явно и напрямую (например, фамилия, имя, отчество, адрес электронной почты, номер телефона, вводимые при регистрации), но и «динамичная» информация, «генерируемая» поведением пользователей на самой платформе. Это, прежде всего, данные о просматриваемых страницах, лайках, поисковые запросы, покупки и пр. формы пользовательской активности. Как первая, так и вторая группа сведений уже давно однозначно определяется в контексте персональных данных – особого типа информации ограниченного доступа, а значит, и проблемы, связанные с процедурой обработки таких данных в границах цифровых платформ имеют не только технический, но и правовой контур, отражающий систему прав пользователей на свои данные и их защиту.

И здесь сложно не заметить такой нюанс: активное развитие платформенной экономики устойчиво влияет и на институт персональных данных, способствуя пересмотру традиционного и сложившегося десятилетиями содержания права на неприкосновенность частной жизни и режима конфиденциальности. Так, в доктринальных источниках не перестают повторять, что в настоящее время данные (в том числе и личные) – это своего рода новая цифровая «валюта», которая с легкостью обменивается на услуги бесплатных сервисов и имеет в значительном роде коммерческое значение [2, с. 119–120]. Что это, как не коммерциализация изначально конституционных благ и ценностей?

---

¹ Платформы могут предоставлять доступ к услугам, информации, товарам, капиталу, быть транзакционными и нетранзакционными, функционировать в B2B (business-to-business) или B2C (business-to-consumer) сегментах и пр. Яркими примерами платформ выступают видеохостинги, социальные сети, агрегаторы такси, вакансий, сервисы объявлений, маркетплейсы и пр.

² См.: Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4737.

Вопрос о позитивной или негативной окраске отмеченной тенденции, а также о том, кому подобная коммерциализация выгодна, – отдельный и заслуживающий самостоятельного рассмотрения. И ответить на него невозможно лишь в контексте сугубо платформенных интересов, ведь интерес самих пользователей в наращивании платформами объемов агрегируемых данных – налицо. Эта заинтересованность напрямую определяется таким свойством современных платформ, как «сетевой эффект» [3, с. 43–50]: чем больше пользователей объединяет платформа, тем более ценной она становится с точки зрения удовлетворения потребностей и запросов пользователей. Например, сервис поиска такси, которым пользуется большое число водителей и пассажиров, более привлекателен по сравнению со своими скромными аналогами. Мы скорее будем использовать ту социальную сеть, в которой зарегистрировано большое число наших друзей и коллег, чем непопулярные в нашем окружении площадки. А функционал платформы (с точки зрения поиска, систематизации отображения результатов запросов и т. п.) будет более отлаженным лишь в случае, если алгоритмы платформы знают наши предпочтения и «натренировались» на данных похожих на нас профилей пользователей.

С учетом отмеченных наблюдений нельзя не обратить внимание на то, что развитие цифровых платформ идет бок о бок с содержательными изменениями категории приватности³. Вне всякого сомнения, частная жизнь уже давно не воспринимается как сфера жизнедеятельности, полностью защищенная от фактического и юридического доступа третьих лиц. Доступность (на законной основе) информации о человеке является важным условием многих правовых отношений, в которых вступают физические лица. Однако в современном понимании обеспечение неприкосновенности частной жизни уже немыслимо без возможности сохранения анонимности человека при использовании отдельных цифровых сервисов и его контроля за информацией о себе [4, с. 213–214].

К слову, последний тезис в условиях активного использования ресурсов цифровых платформ предполагает интерес индивида в самостоятельном и осознанном решении вопроса о том, какими личными данными и в каком объеме делиться с сервисами, в каких целях предоставлять им доступ к личной информации и до какого момента. Все сказанное в целом составляет правомочие контроля за судьбой информации, которую мы сами передаем платформе или которую платформа собирает о нас. Более того, со временем появляется все больше правовых инструментов для подобного контроля: например, ряд наиболее значимых были с 2018 года предусмотрены

---

³ Термин «privacy» широко используется в международной практике, но не является типичным для российского права.

в Общем регламенте защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза. Причем многие из них системно не выражены в российском правовом порядке.

Речь прежде всего идет о правиле спроектированной защиты персональных данных (privacy by design), предполагающем внедрение защиты данных в процессы разработки цифровых сервисов и в проектирование бизнес-процессов, а также о правиле конфиденциальности по умолчанию (privacy by default)⁴. Последнее означает требование к оператору (например, к цифровому сервису) о сохранении по умолчанию таких настроек конфиденциальности его продукта, которые являются минимально необходимыми для достижения конкретной цели обработки и не требуют от пользователя принятия каких-либо мер по защите своей конфиденциальности. Если пользователь и согласен на предоставление оператору новой информации о себе, то он может это сделать через процедуру согласия⁵.

Развитию механизма контроля пользователей за процессами обработки их данных цифровыми платформами способствует также провозглашение на уровне Европейского союза права на переносимость данных, обязывающее компании предоставлять пользователям их данные в машиночитаемом формате (например, данные, собранные одной цифровой платформой) в целях их использования у другого оператора (в рамках другой цифровой платформы) и объявлять возможность субъектов осуществлять дальнейшую передачу этих данных. Немаловажное значение в цифровой среде имеет и право пользователей цифровых платформ «быть забытыми», то есть возможность требовать от платформ полного удаления накопленной о себе информации.

Однако несмотря на отмеченное регулирование, ряд иных значимых международных ориентиров⁶, а также достигнутые успехи некоторых цифровых гигантов, реальная ситуация в части защиты данных пользователей цифровых платформ, увы, все еще далека от своего идеала. В этом есть вполне понятный экономический расчет, ведь объем собираемых данных напрямую может влиять на прибыль компаний, поэтому цифровым игрокам не всегда интересно снижать объемы сбора

---

⁴ См. ст. 25 Общего регламента защиты персональных данных (GDPR) Европейского Союза // GDPR TEXT. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁵ Более подробно также см.: Руководство по 25 статье GDPR (Защита персональных данных: проектируемая и по умолчанию) в соответствии с Регламентом 2016/679 // GDPR TEXT. URL: <https://gdpr-text.com/ru/guidelines/pbd/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁶ Речь идет, прежде всего, об актах Международного союза электросвязи (МСЭ), Организации экономического союза и развития (ОЭСР).

и уж тем более безвозвратно удалять уже «накопленное»⁷. Кроме того, нередко становится известно, что новые настройки приватности имеют «оборотную сторону» и, наоборот, упрощают слежку за пользователями, например включающими режим приватности.

Основываясь на материалах российской юридической практики, в целом можно выделить следующие проблемы в сфере защиты прав пользователей цифровых платформ на личные данные.

Во-первых, достаточно существенной видится проблема прозрачного сбора пользовательских данных. Российское законодательство в 2022 году было усилено целесообразными нормами, ограничивающими избыточный сбор персональных данных всеми операторами, в том числе и владеющими платформами. Речь идет прежде всего о новых требованиях к согласиям на обработку персональных данных (в части их предметности и однозначности), а также о недопустимости отказа в заключении и исполнении договора с потребителями, которые не считают нужным предоставлять несущественные для целей договора персональные данные⁸. Однако применение многих норм, регламентирующих сбор персональных данных, все еще оставляет желать лучшего. К сожалению, правила о политике конфиденциальности многих цифровых операторов на деле составляются формально и на шаблонной основе, без претворения в жизнь декларированных в них процедур. Кроме того, как видится, на законодательном уровне требует однозначного запрета т. н. парсинг (извлечение) пользовательских данных из открытых частей баз цифровых платформ (например, социальных сетей)⁹.

Во-вторых, обращает на себя внимание большое количество формализованных процедур, которыми на текущий момент сопровождается процесс распространения персональных данных в России при менее пристальном внимании к процедурам уничтожения персональных данных, востребованных в связи с формированием больших массивов данных в период пандемии [5, с. 46–50]. Общим основанием распространения пер-

---

⁷ Интересная тенденция была замечена осенью 2021 года: было зафиксировано, что ввод новых настроек конфиденциальности на технических устройствах способствовал снижению привлекательности акций некоторых сервисов. См., например: Новые настройки приватности Apple заставили доходы Snap упасть на 22 % // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/t/585004/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁸ См.: Федеральный закон от 01.05.2022 № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 2022. № 18, ст. 3021.

⁹ В известном деле ООО «В Контакте» против ООО «Дабл» подобные действия были признаны нарушением исключительных прав владельца базы данных, при этом комплексная оценка «парсинга» с позиции Закона о персональных данных не приводилась. См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2021 по делу № А40-18827/17 // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 30.09.2022).

сональных данных с 2021 года может выступать только письменное согласие субъекта на такое распространение, что требует получения такого согласия на каждый случай публикации личной информации (абсурд, но даже – для публикации программы мероприятий). Дифференциации для данных нет, хотя многие ученые предлагают ее вводить через режим открытых данных [6, с. 130–137]. В целом подобная строгость де-факто не способствует усилению защищенности пользовательских данных, которые по-прежнему распространяются в больших объемах свободно, а случаи утечек данных пользователей кратно растут. При этом институт ответственности за утечки не развит: в условиях отсутствия оборотных штрафов за утечки, слабых традиций гражданско-правовой защиты прав пользователей, пострадавших от утечек, практики отказа в возбуждении уголовных дел по фактам утечек ответственность компаний, как правило, ограничивается очень скромными штрафами¹⁰. Новый институт уведомления Роскомнадзора об инцидентах с персональными данными по состоянию на конец 2022 года пока не апробирован на практике.

Таким образом, как видим, правомочие контроля объема и судьбы обрабатываемых личных данных является ключевой составляющей современной концепции права на неприкосновенность частной жизни и приватности. Создание инструментов, возможностей и институтов, упрощающих и развивающих такой контроль, – ключевая задача как государства в целом, так и операторов цифровых платформ, которым важно действовать в этой части на основе единых принципов и стандартов. Последними могли бы стать требования к проектированию защиты персональных данных на этапе разработки платформ, гарантированные процедуры обеспечения конфиденциальности по умолчанию и перенесения данных. При этом текущее правовое регулирование персональных данных нуждается в пересмотре в части менее строгих требований к распространению данных и более строгих – к фактам утечек, понятие и санкции в отношении которых должны быть предусмотрены законодательно.

Ссылки

1. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 86–94. DOI 10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094.

---

¹⁰ См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 281 района Вешняки города Москвы от 08.07.2022 № 5-564/2022 // Портал единого информационного пространства мировых судей города Москвы. URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 30.09.2022).

---

2. Щербович А. А. Конфликты прав в регулировании онлайн-платформ в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6. С. 106-122. DOI 10.21128/1812-7126-2021-6-106-122.

3. Петров А. В. Сетевые эффекты и недобросовестная конкуренция на рынках цифровых платформ: дело Avito против Auto.ru // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 43–50.

4. Шадрин С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 208-217. DOI 10.17803/1994-1471.2018.94.9.208-217.

5. Салихов Д. Р. Пандемия и персональные данные: как распространение новой коронавирусной инфекции бросает новые вызовы персональным данным // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 46-50. DOI 10.18572/1812-3767-2021-3-46-50.

6. Гонтарь Л. О. Защита персональных данных в условиях развития интернет-компаний: международно-правовое регулирование vs саморегулирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. № 1–2. С. 116–140.

"Surrogate paternity" as voluntary or involuntary blackmail of the judicial system

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-650-657

Research article
Full text in Russian

The article, based on a general assessment of the institution of surrogate motherhood, discusses the issue of participation in its programs of a man who is not married ("single man"). The legal ways of his paternity outside of the official marriage are analyzed. Cases of using the practice of illegal "surrogate paternity", contrary to the purpose of the aforementioned institution, are stated. The practice of forced legalization of the parenthood of this man by the judicial system is stated: the courts satisfy complaints about the refusal of the registry office to register the paternity of children born by a surrogate mother on his "order", guided by the best interests of the child. At the same time, there is no proper reaction to the «deviance» of the situation - neither in the framework of its legal assessment at the level of law enforcement, nor in a «passionate» manner, that is, in the context of the exercise of the right of higher courts to legislative initiative.

Keywords: surrogate motherhood; single father; ban on participation in the program; violation of the ban; jurisprudence; justification of the law; changing the law

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID: 0000-0001-8827-5532
	ResearcherID: S-3971-2016
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015).

«Суррогатное отцовство» как вольный или невольный шантаж судебной системы

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-650-657
УДК 342.722

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье, на основе общей оценки института суррогатного материнства, рассматривается вопрос об участии в его программах мужчины, не состоящего в браке («одинокое мужчины»). Анализируются законные способы его отцовства за пределами официального супружества. Констатируются случаи использования практики незаконного «суррогатного отцовства», противоречащей цели означенного института. Констатируется практика вынужденной легализации родительства данного мужчины со стороны судебной системы: суды удовлетворяют жалобы об отказе органов ЗАГС в регистрации отцовства детей, рожденных суррогатной матерью по его «заказу», руководствуясь наилучшими интересами ребенка. При этом не наблюдается надлежащей реакции на «девиантность» ситуации ни в рамках ее правовой оценки на уровне правоприменения, ни в «пассионарном» ключе, то есть в контексте реализации права высших судов на законодательную инициативу.

Ключевые слова: суррогатное материнство; одинокий отец; запрет участия в программе; нарушение запрета; судебная практика; оправдание закона; изменение закона

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID: 0000-0001-8827-5532

ResearcherID: S-3971-2016

Кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой социального и семейного
законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-015).

Две общеизвестных присказки «строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» и «нельзя, но если очень хочется, то можно» – весьма емко иллюстрируют сложившуюся практику нарушения положения ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ст. 55 ФЗ), исключающей участие в программе суррогатного материнства «одиноких отцов»¹, которые, однако, «тихой сапой» в означенную программу проникают, соучаствуя в нарушении закона с соответствующей медицинской организацией, осуществляющей операции по имплантации генетического материала данных мужчин избранными ими «инкубаторам»².

Следует заметить, что в рамках действующего российского законодательства стать отцом можно не только посредством заключения брачного союза (действия, видимо, совершенно не приемлемого для особых категорий мужского сообщества, – классических «женоненавистников», «убежденных холостяков», мужчин, уже «обжегшихся» в неудачном супружестве³, а также для представителей ЛГБТ⁴). Например, вполне распространено внебрачное родительство – через его узаконение в административном (добровольном) или судебном порядке (ст. 48–49 Семейного кодекса РФ; далее – СК РФ), допускается «соучастие» мужчины и женщины, не состоящих в браке, и в программе суррогатного материнства (ч. 3 ст. 55 ФЗ). Другое дело, что данные варианты предполагают, дабы в разумных условиях реализовать права отца, достижение соглашения между родителями (в форме этического обыкновения или надлежащим образом задокументированного) по вопросу совместной заботы

---

¹ Как мы неоднократно отмечали в своих трудах, законодатель, представленный в большинстве своем «мускулинными» субъектами, не использует, наряду с терминологической конструкцией «одинокая женщина», понятие «одинокий мужчина», что вызывает вопросы не только в контексте гендерного равенства, но и в этических аспектах юридической филологии [1–2].

² Мы употребляем столь уничижительный термин ситуативно: во-первых, потому что именно с его помощью можно квалифицировать стремление некоторых мужчин «приобрести» ребенка за пределами закона, этики и российской традиции; во-вторых, мы разделяем позицию тех политиков, ученых и общественных деятелей, которые являются противниками рассматриваемой программы, полагая ее разновидностью торговли людьми. Одновременно понимаем, что очередной «ящик Пандоры» открыт и в настоящее время можно лишь ограничить к нему доступ (например, по субъектам – для иностранцев, для «одиноких мужчин», а также по основаниям участия и правилам возмездности) [3].

³ Ярким образцом заявленного вида *homo sapiens* является «наше все» в сфере поп-музыки – певец Ф. Киркоров, правда, формально российский закон не нарушивший, так как «заказал» своих детей суррогатной матери в штате Калифорния, где ограничения минимальны, заодно приобретя тем самым для них американское гражданство.

⁴ Последний вариант увеличивает ряды «однополых родителей», появляющихся в семейном пространстве вследствие смены пола в браке, – без адекватной реакции законодателя и правоприменителя [4].

о ребенке, что, во-первых, не всегда оказывается возможным, во-вторых, не исключает отказа суррогатной матери дать согласие на запись о генетическом родительстве и передачу ребенка «заказчикам», в-третьих, не в полной мере удовлетворяет потребности в отцовстве, так как, при отсутствии упомянутого соглашения, вектор судебной защиты, как правило, ориентирован в сторону матери, а не отца⁵ (да и «делить радости родительства» с женщиной некоторые мужчины не готовы в принципе).

При этом заслуживает критического осмысления позиция законодателя о таком специфическом «групповом участнике», как «мужчина и женщина». Во-первых, подобный вариант безусловным образом коллидирует с СК РФ, в котором речь идет только о супругах (в этом смысле наблюдается коллизия и относительно допуска к программе «одиноким женщины» – ч. 4 ст. 51 СК РФ). Во-вторых, он демонстрирует как бы сущностное противостояние законодателя с самим собой: с одной стороны, он (а также большинство представителей доктрины и общественности) категорически не приемлет идею правового узаконения (хотя бы частичного) фактического брака [6–7], с другой – разрешает неким мужчине и женщине стать родителями общего ребенка. Надо полагать, что в реальной жизни таковыми как раз и будут, по общему правилу, фактические супруги, то есть лица, находящиеся между собой в семейной общности. Как версия: станут таковыми после рождения общего ребенка... Разумеется, не исключен и вариант условной совместной опеки (при официальном опекунстве одного из них) – по типу «пинг-понга», однако далеко не уверены, что законодатель имел в виду именно такое разворачивание событий...

Очевидно, что продемонстрированный разброс впечатлений и толкований нормы ч. 4 ст. 51 (в системе с нормами ст. 55 ФЗ) не приемлем. Неопределенность нормативистики, конечно, в семейно-правовой сфере является объективно неизбежной [8, с. 256–258; 9], однако все же в разумных пределах, которые в приведенной ситуации явно избыточны.

Та или иная версия из перечисленных обстоятельств (кроме последней) и подвигает некоторых мужчин к незаконному участию в программе суррогатного материнства, а затем – к вольному или невольному «шан-

---

⁵ Правоприменительная презумпция преимущественного права матери на оставление с ней малолетнего ребенка не только не преодолена, но и не будет преодолена – в той мере, коя желательна для отца. Соображения ряда авторов о лишь рекомендательном характере Декларации прав ребенка 1959 года, зафиксировавшей обсуждаемое положение [5], дезавуируются очевидным постулатом: тонкая и неразрывная связь грудного ребенка с матерью устанавливается еще в утробе и продолжается после рождения (случаи девиантного поведения женщины оставляем внутри скобок, ибо они не составляют правила). Что касается соображений тех же авторов о том, что в настоящее время материнская забота о малолетнем ребенке может быть легко восполнена современными возможностями организации семейного быта (бытовая техника, детское питание, услуги няни и т.п.), то мы даже не считаем нужным их комментировать...

тажу» судебной системы. Как показывает административная и судебная практика, органы ЗАГС отказывают в осуществлении записи об отцовстве ребенка, рожденного с помощью означенной репродуктивной технологии (как незаконно примененной), а суды удовлетворяют заявления об отцовстве – в интересах (наилучших интересах – с опорой на Конвенцию о правах ребенка 1989 года) малыша [10], вынужденно следуя в кильватере нарушения медицинского и семейного законодательства. (Впрочем, как известно, подобное «антиправотворчество» не составляет исключения. В частности, оно с очевидностью усматривается именно в сфере правоотношений суррогатного материнства: Верховным судом РФ рекомендовано удовлетворять иски генетических родителей против суррогатной матери, отказывающейся дать согласие на запись истцов в качестве матери/отца рожденного ею ребенка, в том числе по основаниям, сущностно противоречащим смыслу нормы ч. 4 ст. 51 СК РФ и в известной степени – коллидирующим с правовой позицией Конституционного Суда РФ [4, с. 142–143]⁶.)

Высшие российские суды, наблюдая означенное неблагоприятное положение в сфере обеспечения принципа законности, не реагируют, однако, в русле предоставленных им полномочий как по признанию факта «девиантности» судебной практики по рассматриваемой категории дел, так и по преодолению коллизий между семейным и медицинским законодательством. Если Конституционный Суд РФ и/или Верховный суд РФ полагают законодательные варианты (ч. 4 ст. 51 СК РФ, ч. 3 ст. 55 ФЗ) несправедливыми, мы вправе ожидать от них соответствующей законодательной инициативы. В противном случае данные судебные инстанции потворствуют незаконной судебной практике (см. особое мнение судьи Конституционного Суда А. Н. Кокотова⁷).

Между тем, при всем нашем неприятии института суррогатного материнства, заметим (коль скоро он в России наличествует), что данная технология изначально и стратегически нацелена на преодоление бесплодия.

---

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

См.: определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 г. № 880–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта четыре статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» (с приложением к нему особых мнений судей Г. А. Гаджиева и С. Д. Князева) // СПС «КонсультантПлюс».

См. также особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова в связи с принятием Конституционным Судом РФ определения от 27.09.2018 г. № 2318–О. Выражаем ему искреннюю признательность за яркую и убедительную позицию // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ В связи с этим очередной раз констатируем сожаление о «распубликовании» института особого мнения судьи Конституционного Суда РФ...

И в этом смысле по основаниям применения – далеко не универсальна (по крайней мере, в российской версии). Помним и о том, что этот институт отнюдь не универсален и в территориальном контексте: значительное число стран вообще исключает данное «социальное инкубаторство» либо существенно его ограничивает [11]. Поэтому соображения о гендерной нейтрализации его норм в целях достижения формально-юридического принципа равенства женщин и мужчин страдают, по нашему мнению, односторонностью. Тем более что оное равенство объективно невозможно: гендерное пространство, несмотря на внедрение конструкции «лица с семейными обязанностями», наполнено образцами дифференциации правовых статусов (и даже узаконенной дискриминации, например, в вопросе права женщины на занятие определенными видами профессиональной деятельности [12, с. 17; 13]). Следует также заметить, что идея гендерного равенства (в ее западной трактовке) выводит нас далеко за границы конституционно-правового смысла традиционных семейных ценностей [14; 15], на который наконец-то обратили внимание российские законодатели в своих проектных предложениях по корректировке института родительства и детства (предложениях, весьма тяжело проходящих процедуру обсуждения и согласования). При этом рассматриваемый нами «частный» компонент данного института весьма ярко демонстрирует турбулентное состояние семейной нормативистики, ее толкование и применение.

По следам размышлений о «непротавлении злу» со стороны высших судебных инстанций особо следует отметить «внутренний» диалог Конституционного Суда РФ в тексте (и как бы на полях текста) постановления от 29.06.2021 г. № 30–П «О проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области»⁸, в котором при общем подтверждении права «одинокго отца» двоих детей, рожденных по программе суррогатного материнства (с последующим созданием семьи на основе брака), на получение материнского (семейного) капитала сделана вполне многозначительная ремарка по поводу оснований данного родительства: конституционно-правовая оценка возникших семейных правоотношений может быть дана только на основе системного истолкования норм, регулирующих применение вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатного материнства), однако таковая оценка явилась бы выходом за пределы предмета рассмотрения, заявленного в запросе (п. 1. 3). В результате не слишком трудоемкого анализа данной части постановления,

---

⁸ Российская газета. 2021. 16 июля, № 159 (8510). С. 15.

во-первых, напрашиваются аналогии с представленными ранее судебными актами и особыми мнениями судей, во-вторых, формируются ожидания «пассионарных» действий Суда, его правовой оценки (не данной нам, но абстрактно обещанной) практики применения указанных нами норм, включая их нарушение, и на этой основе – реализации права законодательной инициативы.

Немаловажным, хотя и опосредованным, способом выявления недостатков законодательства и его применения (в нашем случае – норм ст. 51 СК РФ и ст. 55 ФЗ) явились бы доктринальные позиции членов Конституционного Суда РФ (коль скоро их особые мнения стали недоступны), в том числе по вопросам как превышения допустимых значений, так и «дезактивации» судебного активизма в рассматриваемой области юриспруденции. Однако не наблюдается ни того ни другого. Как, впрочем, недостаточны объем и содержание (не только точечного, но и мировоззренческого типа) по обсуждаемому «частному» вопросу и проблеме суррогатного материнства в целом (специфической части института родительства и детства) доктринальных текстов цивилистики.

Ссылки

1. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 115–122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115.
2. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. Т. 26, № 7. С. 68–84. DOI 10.12737/jrl.2022.073.
3. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 5. С. 52–62. DOI 10.17803/1729-5920.2021.174.5.052-062.
4. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). Т. 75, № 1. С. 131–146. DOI 10.17803/1729-5920.2022.182.1.131-146.
5. Зыков С. В. Российское отцовство: «поражение в правах» // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 9. С. 47–60. DOI 10.12737/jrl.2021.110.
6. Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120.
7. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 8. С. 119–129. DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.
8. Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 254–273.

9. Ильина О. Ю. Оценочные категории в Семейном кодексе Российской Федерации // Социально-юридическая тетрадь. 2022. № 12. С. 108–116.
10. Ильина О. Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 38–45.
11. Институт суррогатного материнства: опыт зарубежного нормативного регулирования / А. А. Бакаев, Р. Е. Петрова, Т. В. Радченко [и др.] // Профилактическая медицина. 2021. Т. 24. № 7. С. 77–82. DOI 10.17116/profmed20212407177.
12. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 8–21.
13. Тарусина Н. Н. О правах человека в контексте семейных ценностей: заметки на полях после 24 февраля 2022 года // Социально-юридическая тетрадь. 2022. № 12. С. 5–16.
14. Косова О. Ю. Детство: беглый взгляд в настоящее и будущее // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 26–39.
15. Ксенофонтова Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 11. С. 124–133. DOI 10.17803/1729-5920.2021.180.11.124-133.

Significance of the aim factor to qualification of offences against religious freedom (art. 148, 282 of Criminal Code of Russian Federation)

S. A. Silantev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-658-665

Research article
Full text in Russian

The article deals with the topic of using the aim factor to qualify offences. Based on the regulations of the criminal-law science, significance of the aim factor to qualification of offences against religious freedom regulated by art. 148 and art. 282 of Criminal Code of Russian Federation is demonstrated. The researcher expressed his opinion that the offence regulated by art. 148 of Criminal Code of Russian Federation targets not a religious movement or its separate members but religious values and beliefs, objects of worship and hallowed places of such a religious movement excluding the religious movement per se as a social group, meanwhile the offence regulated by art. 282 of Criminal Code of Russian Federation directs its malevolent influence at a social group or individuals that are members thereof. It was determined that under particular circumstances the aim of disrespect for people's religious feelings for psychological-law nature, is absorbed and incorporated into the chain 'stoking hatred or hostility, and equally humiliation', so it is the reason for qualification solely according to art. 282 of Criminal Code of Russian Federation omitting art. 148 of Criminal Code of Russian Federation. It was also proposed that the corpus delicti provided in part 1 art. 148 of Criminal Code of Russian Federation is excluded therefrom for inadequate public danger of the action provided by the law.

Keywords: religious crimes; disrespect for believer's feelings; religious extremism; purpose of the crime; offences qualification

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Silantev, Svyatoslav A. | E-mail: svyatoslav.silantev.97@mail.ru
| Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Значение признака цели для квалификации преступлений против религиозной свободы (ст. 148, 282 УК РФ)

С. А. Силантьев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-658-665
УДК 343.42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается тема использования признака цели при квалификации преступлений. На основе положений уголовно-правовой науки показано значение признака цели для разграничения преступлений, предусмотренных ст. 148 и 282 УК РФ. Автором высказано мнение, что преступление, предусмотренное ст. 148 УК РФ, направлено не против религиозного течения или его отдельных членов, а против религиозных ценностей и воззрений, объектов почитания и священных мест, не затрагивая само религиозное течение как социальную группу, в то время как преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, направляет свое негативное воздействие именно на социальную группу или отдельных людей как её представителей. Было установлено, что при определенных условиях цель оскорбления религиозных чувств верующих, ввиду близкой психолого-правовой природы, поглощается, встраивается в цель «возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения достоинства», что обуславливает квалификацию исключительно по ст. 282 УК РФ без совокупности со ст. 148 УК РФ. Выдвинуто предложение об исключении из Уголовного кодекса Российской Федерации состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, ввиду недостаточной общественной опасности предусмотренного им деяния.

Ключевые слова: религиозные преступления; оскорбление чувств верующих; религиозный экстремизм; цель преступления; квалификация преступлений

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Силантьев, Святослав Алексеевич | E-mail: svyatoslav.silantev.97@mail.ru
Аспирант

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

На сегодняшний день общепризнанным фактом является то, что для здорового общества духовные ценности, в том числе религиозные, обладают не меньшей важностью, чем ценности материальные, и потому государство должно осуществлять комплекс мер по охране духовной сферы от нежелательного воздействия. Однако специфика религиозной свободы обязывает проявлять деликатность в части её уголовно-правовой охраны. Религия и связанные с нею ценности характеризуются весьма двойственной сутью, являясь для людей как объединяющим, так и разделяющим началом, как общим достоянием, так и личным делом каждого. Поэтому законодатель должен быть весьма добропорядочен и внимателен, чтобы не допустить тенденциозности в своей правотворческой политике, избежать появления в числе запрещенных уголовным законом деяний, которые не представляют общественной опасности. При этом ответственность лежит и на правоприменителе, так как от правильной квалификации посягательств на религиозную свободу зависит, насколько уголовно-правовое воздействие будет справедливым. Вместе с тем в теории и практике нередко возникают вопросы, связанные с применением уголовно-правовых норм в указанной сфере.

Речь идет прежде всего о соотношении между нормами ст. 148 УК РФ об оскорблении религиозных чувств верующих и ч. 1 ст. 282 УК РФ, устанавливающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признаку принадлежности к определенной социальной группе (в том числе выделяемой по религиозному признаку). В публикациях отдельных авторов время от времени встречается утверждение, что данные нормы на практике неразличимы: например, Р. Б. Осокин пишет, что преступление, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, «практически полностью охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, установившей ответственность за унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии» [1, с. 189–190]. Иными словами, высказывается мнение о существовании дублирующих норм по одному и тому же предмету уголовно-правового регулирования.

Чтобы оценить справедливость подобных утверждений, необходимо определить, каковы области применения у ст. 148 и 282 УК РФ, находятся ли они в состоянии пересечения или, наоборот, в чем-то не совпадают.

Начать следует со ст. 148 УК РФ. Диспозиция части 1 данной статьи, которая в её нынешнем виде появилась в 2013 году, сформулирована следующим образом: «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Под её действие, согласно сложившейся позиции юридической науки и правоприменительной практики [2, с. 53–54], подпадают имеющие публичную форму различные оскорбительные тексты и высказывания, касающиеся содержания религиозного учения или феномена религиозного мировоззрения как такового, а также кощунственные акты по отношению

к объектам религиозного почитания (последние, по нашему мнению, не являются предметом применения ч. 1 ст. 148 УК РФ, а должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ [3, с. 146]). По ч. 2 (квалифицированный состав по отношению к закрепленному в ч. 1) оцениваются различные нарушения общественного порядка в культовых зданиях, а также осквернение таких зданий. Составы преступлений, регламентированные в ч. 3 и 4, на наш взгляд, не имеют сильного сходства со ст. 282 УК РФ, поэтому их содержания мы не касаемся.

Переходя к ст. 282 УК РФ, мы видим, что часть 1 данной статьи звучит следующим образом: «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». Как мы можем наблюдать, в данный уголовно-правовой запрет интегрирована административная преюдиция, поэтому стоит отметить, что при рассмотрении вопросов соотношения ст. 282 и 148 УК РФ и построении для этого умозрительных примеров мы будем исходить из того, что гипотетический преступник, осуществляющий деяние из ч. 1 ст. 282 УК РФ, уже подвергнут административному наказанию.

В разъяснениях, данных Верховным судом РФ, в качестве примеров вышеуказанных действий называются «высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии» [4]. В более абстрактной форме объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, излагается в юридической литературе. Так, среди действий, возбуждающих ненависть и вражду, выделяются:

А) ложная идентификация (формирование и подкрепление негативного образа религиозного течения, например, путем приписывания всем его представителям стремления следовать традициям и верованиям, негативно оцениваемым в современном обществе, или утверждения о врожденном или историческом превосходстве одних религиозных течений и неполноценности других);

Б) ложная атрибуция – приписывание враждебных действий и опасных намерений по отношению к другим какому-либо религиозному течению (например, объяснение каких-либо бедствий действиями религиозного течения либо утверждение о наличии у него тайных планов против других);

В) мнимая оборона – побуждение к действиям против какого-либо религиозного течения (оправдание геноцида его адептов, требование вытеснить их из отдельных сфер общественной жизни, ограничить объем их прав и свобод) [5, с. 70–71].

Унижение же достоинства лица по религиозному признаку – это унижение чести и достоинства конкретного потерпевшего, при котором виновный, оскорбляя его, заостряет внимание на принадлежности лица к конкретной религии, основывает своё поведение именно на такой самоидентификации потерпевшего. Унижение достоинства группы лиц – аналогичные вышеназванным действия, но в отношении нескольких потерпевших либо негативная, враждебная характеристика всего религиозного течения.

В рамках ст. 282 УК РФ основное различие между действиями, возбуждающими ненависть, и действиями, унижающими достоинство лица или группы лиц по религиозному признаку, состоит в адресате, до которого виновное лицо хочет донести свою позицию: у первых это граждане, рассматриваемые виновным как равных ему, как потенциальных союзников (т. е. это члены одной с ним социальной группы, либо того сообщества, к которому виновный не испытывает неприязнь); у вторых – сами потерпевшие и члены одного с ними религиозного течения. Надо отметить и то, что потерпевшими по подобному преступлению могут быть не только верующие, но и атеисты.

Мы видим, что сходства между преступлениями, предусмотренными ч. 1, 2 ст. 148 (условно обозначим их как «оскорбление религиозных чувств верующих») и ст. 282 УК РФ («религиозный экстремизм»), можно свести к следующим основным моментам: у обоих вышеназванных видов преступлений имеется содержательная связь с религиозными ценностями и воззрениями и они характеризуются публичным способом совершения. Также стоит отметить, что одно из альтернативных действий ст. 282 УК РФ – «унижение достоинства лица или группы лиц» – созвучно с традиционным определением оскорбления в уголовном и административном праве, что может быть оценено как свидетельство тесного соприкосновения в данном аспекте «религиозного экстремизма» с «оскорблением религиозных чувств верующих».

При этом такое сходство не делает деяния совпадающими, у них имеются относительно самостоятельные области правового регулирования, и поэтому можно провести разграничение двух рассматриваемых преступлений. Критерий отграничения «оскорбления религиозных чувств верующих» от «религиозного экстремизма» сводится к **их разной целевой устремленности**: публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ), направлены не против религиозного течения или его отдельных членов, а против религиозных ценностей и воззрений, объектов почитания и священных мест такого религиозного течения, т.е. они непосредственно не затрагивают социальную группу и личности её участников, а выража-

ют негативное отношение исключительно к самой религии и её элементам, не переходя на её адептов. Религиозный экстремизм же состоит именно в дискриминационном отношении к определенной социальной группе; непочтительное, оскорбительное обращение с объектами почитания или религиозными ценностями не является его обязательным элементом. Поэтому если преступные намерения лица будут ограничены только глумлением над религиозными ценностями и объектами почитания определенной конфессии, не затрагивая при этом саму конфессию как социальную группу, его поведение невозможно будет квалифицировать по ч. 1 ст. 282 УК РФ. К аналогичному выводу приходят и некоторые другие исследователи [6, с. 201].

Однако следует разобрать ситуации, при которых в деянии одновременно обнаруживаются признаки обоих анализируемых нами преступлений: и ч. 1 (или 2) ст. 148 УК РФ, и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Например, виновный допустил в своем поведении как грубое издевательство над религиозными ценностями, так и враждебные, экстремистские высказывания в адрес соответствующей социальной группы. В связи с этим встает вопрос, необходима ли квалификация по совокупности ст. 148 и 282 УК РФ либо имеет место конкуренция норм, предполагающая выбор только одной из них.

Думается, что ответ на этот вопрос зависит от конкретных условий совершения деяний, а именно от того, насколько они были взаимообусловлены. Например, в ситуации, когда язычник-родновер публично (например, в сети «Интернет») допускает высказывания, оскорбительные для христианской религии, и при этом также, никак не связывая это с поруганием христианства, «проходится» по евреям как нации, негативно характеризуя их, мы видим, что его деяние было направлено в одной части против ценностей христианства, а в другой – против еврейской нации. Уничтожение христианства в приведенной ситуации никак не обуславливало, не подкрепляло экстремистский выпад в адрес еврейской нации. Получается, что виновное лицо своими общественно опасными действиями затронуло два самостоятельных объекта уголовно-правовой охраны (свободу совести и вероисповеданий и «общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения равенства граждан и состояния защищенности личности от угроз экстремистского характера» [7, с. 291]), при этом посягательство на них не имело общего субъективного основания. В таких условиях уголовно-правовая оценка только по ч. 1 ст. 282 или ч. 1 ст. 148 УК РФ будет необоснованной, требуется квалификация по совокупности преступлений.

Однако, на наш взгляд, возможен и вариант, при котором в условиях совпадения в поведении лица как оскорбительного обращения с религиозными ценностями, так и экстремистского посягательства на определенную социальную группу будет иметь место конкуренция норм и отсутствовать совокупность преступлений.

Возникновение такой ситуации обусловлено существующей организационной взаимосвязью цели «оскорбления религиозных чувств верующих»

и цели «возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам отношения к религии», при которой первая из упомянутых целей может стать одним из элементов механизма формирования и развития второй. Речь идет о тех случаях, когда **оскорбление религиозных чувств верующих определенного религиозного течения является только этапом в рамках экстремистского посяательства на само такое религиозное течение**. При подобном развитии событий цель оскорбить религиозные чувства верующих носит промежуточный характер (например, чтобы сделать более эффектными непосредственно сами экстремистские призывы), является лишь частью замысла преступника по достижению действительного итога его противоправной деятельности, которым как раз выступает экстремистская цель. Фактически происходит утрата целью «оскорбления религиозных чувств верующих» своего самостоятельного правоприменительного значения как признака преступления, она поглощается экстремистской целью, в связи с чем соответствующее деяние будет охватываться нормой ч. 1 ст. 282 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 148 УК РФ не потребует.

Итак, мы установили отличительные черты норм ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ, описали особенности их взаимодействия. Между тем определенные нами сходства в правовой природе оскорбления религиозных чувств верующих и религиозного экстремизма также представляют большую ценность, так как на них можно опереться при оценке обоснованности криминализации деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Речь идет о том, что в 2018 г. в ч. 1 ст. 282 УК РФ была внедрена административная преюдиция, приведшая к тому, что соответствующее деяние было частично декриминализовано. При этом, как мы отмечали, «религиозный экстремизм» и «оскорбление религиозных чувств верующих» имеют такие сходства, что их можно охарактеризовать как родственные. Однако частично декриминализованное деяние из ч. 1 ст. 282 УК РФ, несомненно, имеет большую общественную опасность, так как направлено не против относительно отвлеченных от человека религиозных ценностей и объектов почитания, а напрямую против социальных групп и их членов. Но законодатель все равно посчитал и, как нам представляется, правильно, что впервые совершенное соответствующее деяние, если оно не сопровождается квалифицирующими обстоятельствами из ч. 2 ст. 282 УК РФ, не должно влечь уголовную ответственность. В связи с этим и возникает вопрос: почему однородное, но менее общественно опасное деяние из ч. 1 ст. 148 УК РФ создает основание для уголовной ответственности и в случае его совершения впервые? Думается, причина в том, что законодатель изначально при введении в УК РФ ответственности за «оскорбление религиозных чувств верующих» отступил от основания криминализации деяния – наличия общественной опасности. Поэтому, на наш взгляд, правильным шагом было бы отказаться от размещения в уголовном законе состава преступления, предусмотренно-

го ч. 1 ст. 148 УК РФ как запрещающего деяния с недостаточной для признания преступления общественной опасностью.

Таким образом, мы видим, что признак цели является разграничительным для составов преступлений, предусмотренных ст. 148 и 282 УК РФ, а потому решение вопроса о целевой направленности деяния (на религиозные ценности и объекты почитания либо же на само религиозное течение как социальную группу) позволяет дать ему правильную уголовно-правовую оценку. Вместе с тем правоприменитель должен иметь в виду близкую психолого-правовую природу цели «оскорбления религиозных чувств верующих» и «экстремистской» цели, которая может порождать ситуации, когда цель оскорбления религиозных чувств верующих будет для преступника промежуточной задачей, выполнение которой облегчает достижение конечной экстремистской цели, связанной с дискриминацией, унижением определенного религиозного течения. В таких случаях цель «оскорбления религиозных чувств верующих», ввиду отсутствия самостоятельной ценности для виновного, полностью охватывается признаком «экстремистской» цели, закрепленным в ч. 1 ст. 282 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 1 или 2 ст. 148 УК РФ не требует.

Ссылки

1. Осокин Р. Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности: монография. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. 284 с.

2. Новиков В. А., Шиян В. И. Оскорбление религиозных чувств верующих: состояние и актуальные вопросы квалификации преступления и административного правонарушения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 52–56.

3. Силантьев С. А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // Евразийское научное объединение. 2020. № 1–2. С. 143–147.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

5. Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации: вопросы квалификации и судебная практика: монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Проспект, 2018. 192 с.

6. Иванова Т. Е. Соотношение публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих, с преступлениями экстремистской направленности // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 198–202.

7. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография / руководитель авт. кол. П. В. Агапов. М.: Проспект, 2017. 432 с.

Psychological restrictions in labor law: problem statement

L. G. Dzhidzhavadze¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-666-671

Research article
Full text in Russian

The article raises the problem of ensuring the psychological health of the employee and the employer with the help of the tool of labor restrictions. Attention is drawn to the shortcomings of the Russian model of regulation of the labor law mechanism for the implementation of psychological restrictions in order to prevent mobbing, sexual harassment and other manifestations of moral persecution. Analyzing foreign legislation, as well as doctrine and judicial practice, the author offers a reception of the positive experience of French and Austrian labor legislation in order to improve the Russian model of labor relations regulation.

Keywords: restrictions in labor law; psychological restrictions; mobbing; employee; employer; psychological security

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dzhidzhavadze, Levan G. | E-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3745-5397
Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Психологические ограничения в трудовом праве: постановка проблемы

Л. Г. Джиджавадзе¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-666-671
УДК 349.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье поднимается проблема обеспечения психологического здоровья работника и работодателя с помощью инструмента трудовправовых ограничений. Обращается внимание на недостатки российской модели регламентации трудовправового механизма реализации психологических ограничений с целью пресечения моббинга, сексуального домогательства и других проявлений морального преследования. Анализируя зарубежное законодательство, а также доктрину и судебную практику, автор предлагает рецепцию положительного опыта французского и австрийского трудового законодательства с целью совершенствования российской модели регулирования трудовых отношений.

Ключевые слова: ограничения в трудовом праве; психологические ограничения; моббинг; работник; работодатель; психологическая безопасность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джиджавадзе, Леван Гияевич

E-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3745-5397

Аспирант кафедры трудового и финансового права, ассистент кафедры теории и истории государства и права,

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

Одной из тенденций развития трудовых прав в XXI веке является «признание общецивилизационной значимости трудовых и смещение ценностных приоритетов в содержании трудовых прав в сферу обеспечения всестороннего развития личности» [1, с. 12]. Одним из направлений данной тенденции является переориентировка законодателя на обеспечение не только физического, но и психологического здоровья работника, сопро-

© Джиджавадзе Л. Г., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

вождающаяся усилением роли личных прав работника (право на защиту достоинства в период трудовой деятельности, защиту от моббинга и др.).

Важным механизмом обеспечения реализации данных функций выступают ограничения в трудовом праве. Под ограничениями в праве в рамках данной статьи будет пониматься «специальный технико-юридический прием, представляющий собой закрепленные в законах или иных источниках права пределы, границы поведения, влекущие сужение правомочий субъекта» [2; 3; 4]. Под психологическими ограничениями в рамках данной статьи будут пониматься правовые ограничения, 1) направленные на обеспечение психологического здоровья сторон трудовых отношений, 2) преследующие цель психологического воздействия на работника или работодателя.

Сначала проанализируем первую группу психологических ограничений. В п. 18 ч. 1 ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) закрепляется следующий принцип регулирования трудовых отношений – «обеспечение права работника на защиту своего достоинства». При этом в ТК РФ не закрепляются ограничения, направленные на реализацию данного принципа. Ввиду этого суды вынуждены применять по аналогии нормы Гражданского кодекса Российской Федерации [5, с. 52]. Ограничения в рамках охраны труда должны быть направлены на обеспечение не только технологической безопасности труда, но и психологической. Данный аспект в отечественном законодательстве и в доктрине, к сожалению, малоразвит [6, с. 953].

Ряд ученых объясняют это сокрытием фактов моббинга жертвой ввиду опасности огласки [7, с. 146]. При этом в судебной практике количество дел о моббинге и ином моральном преследовании постепенно растет. В судебных делах фигурируют новые и разнообразные формы морального угнетения: лишение свободы на рабочем месте [8], распространение слухов, кража и искажение документов [9], намеренное ухудшение условий труда [10]. В ТК РФ закрепляется лишь ограничение для работодателя в части оборудования помещений по определенным санитарно-эпидемиологическим требованиям для психологической разгрузки работников (ст. 216.3 ТК РФ). В странах Запада в нормативно-правовых актах уделяется большое внимание вопросам обеспечения психологического микроклимата посредством закрепления ограничений в рамках охраны труда.

Рассмотрим законодательство Франции с точки зрения исследуемого нами вопроса:

а) в ст. L1152-1 Трудового кодекса Франции [11] закрепляются ограничения в форме императивной нормы о запрете осуществления морального давления на работника с целью ухудшения его условий труда, причинения вреда профессиональной карьере, нарушения его психологического здоровья;

б) психологическое преследование и акт сексуального насилия закрепляется в качестве основания привлечения к дисциплинарной ответственности (ст. L1152-5, L1153-6) (в данном случае механизм «ограничение-гарантия» обеспечивает защиту от морального преследования со стороны сотрудника);

в) действия, совершенные под воздействием морального преследования, недействительны (ст. L1152-3);

г) запрет осуществления сексуального домогательства (при этом в Трудовом кодексе Франции дается дефиниция данному понятию, в том числе путем перечисления ситуаций, подпадающих под него (ст. L1153-1));

д) в доктрине выделяется еще группа ограничений, направленная на применение специальных мер по гуманизации и облагораживанию производственной среды [12, с. 173; 13].

В Австрии вопросы моббинга регламентируются в Beamten-Dienstrechtsgesetz 1979 [14] (далее – Закон о государственной службе 1979 г.). Сфера применения данного закона, как подчеркивается в правоприменительной практике австрийских юрисдикционных органов, распространяется и на отношения, связанные с наемным трудом (Европейский идентификатор прецедентного права (ECLI:AT:PVAB:2017:A.6.PVAB.17)) [15]. В параграфе 43а Закона о государственной службе 1979 г. закрепляется ограничение в виде взаимной обязанности работника и работодателя уважительно относиться друг к другу и способствовать нормальному функционированию официального сотрудничества. Под уважительным отношением закон понимает воздержание от поведения и от создания условий труда, оскорбляющих человеческое достоинство или носящих дискриминационный характер.

К ограничениям, преследующим цель психологического воздействия на работника (2-я группа), относятся прежде всего меры дисциплинарной ответственности. Выговор и замечание рассчитаны именно на моральное воздействие путем вызова у лица чувства вины, стыда и т. д. Однако их эффективность ставится под сомнение. Фактически единственным опасением для работника является угроза увольнения при повторном привлечении к дисциплинарной ответственности. Во Франции словесное замечание вовсе не относится к мерам дисциплинарной ответственности (ст. L1331-1 Трудового кодекса Франции).

Если же говорить о психологическом воздействии на сознание работодателя с помощью ограничений, то в пример можно привести последствия так называемой организационной трудовоправовой ответственности (например, при забастовке).

Итак, проанализировав доктрину, нормативно-правовые акты и судебную практику, можно сделать следующие выводы:

1) В российском трудовом праве недостаточное внимание уделяется психологическим ограничениям. В ТК РФ содержатся лишь считанные нормы, посвященные данному аспекту. Ряд из них не получает трудово-правового механизма реализации (например, отсутствие норм, конкретизирующих защиту трудовой чести работника).

2) Еще одним недостатком является однонаправленность закрепленных норм (защита психологического состояния исключительно работника).

3) Низкий уровень развития антимоббингового законодательства, в том числе его дефинитивной составляющей.

В целях совершенствования российского законодательства по данным направлениям необходимо рецепировать положительный опыт Франции в части закрепления ограничений по вопросам обеспечения психологической безопасности на работе. Требуется также совершенствование дефинитивной составляющей ТК РФ по вопросам морального преследования и сексуального домогательства (например, необходимо закрепить понятие моббинга). Рецепция же такого способа защиты от психологического преследования, как признание недействительности юридических действий, требует дополнительного анализа. Российское трудовое право не знает понятия недействительности трудового договора и недействительности каких-либо совершенных юридических действий. Но, с другой стороны, усложнение межотраслевых связей и развитие нетипичных трудовых отношений не исключает в будущем формирования хоть и в ограниченном виде института недействительности в трудовом праве. Рецепция положений австрийского законодательства окажет положительное влияние на развитие российского трудового права: во-первых, будет закреплена не односторонняя, а взаимная обязанность сторон трудовых отношений уважительно относиться друг к другу, во-вторых, будет дана дефиниция уважительного отношения.

Ссылки

1. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2015. 272 с.

2. Лушникова М. В., Джиджавадзе Л. Г. Ограничения в трудовом праве: теория вопроса и практика применения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 4 (58). С. 542–551.

3. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 8–21.

4. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109.

5. Лушникова М. В. Межотраслевые связи трудового права: теория и практика // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 50–53.
6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М.: Статут, 2009. 1151 с.
7. Калмыков И. С. Моббинг. Проблемы изучения и возможности внедрения европейского опыта противодействия психологическому террору на рабочем месте // СТЭЖ. 2016. №1 (22). С. 143–147.
8. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска № 2-2316/2018 2-2316/2018 ~ М-1904/2018 М-1904/2018 от 19 июня 2018 г. по делу № 2-2316/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wgNjvCjRHeQN/> (дата обращения: 15.10.2022).
9. Решение Сургутского городского суда Югры № 2-5019/2019 2-5019/2019-М-3772/2019 М-3772/2019 от 9 июля 2019 г. по делу № 2-5019/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jpc15KNNQeoZ/> (дата обращения: 15.10.2022).
10. Решение Советского районного суда г. Омска № 2-1397/2020 2-1397/2020-М-1211/2020 М-1211/2020 от 10 июля 2020 г. по делу № 2-1397/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TOj8NrSdIQxJ/> (дата обращения: 15.10.2022).
11. Code du travail – Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006160706/#LEGISCTA000006160706 (дата обращения: 15.10.2022).
12. Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право: учебник для вузов. М.: Дело, 1999. 725 с.
13. Ваниорек Л., Ваниорек А. Моббинг: когда работа становится адом: пер. с нем. М.: Интерэксперт: Нолидж / Knowledge, 1996. 165 с.
14. Beamten-Dienstrechtsgesetz 1979 [Электронный ресурс RECHTSINFORMATIONSYSTEM DES BUNDES]. URL: <https://clck.ru/32Nmih> (дата обращения: 16.10.2022).
15. Решение Органа по надзору за представительством персонала (до 2014 г.: PVAК) ECLI:AT:PVAB:2017:A.6.PVAB.17 [Электронный ресурс RECHTSINFORMATIONSYSTEM DES BUNDES]. URL: <https://clck.ru/32Nmnx> (дата обращения: 16.10.2022).

The relationship between separation anxiety and the picture of the world in adolescence

L. G. Zhedunova¹, T. S. Schwartz¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-672-681

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problem of separation anxiety in adolescence. The data of the study are presented, the purpose of which was to study the relationship between the individual picture of the world, psychological separation and separation anxiety among 1–2-year students. Differences in the actualization of anxiety in boys and girls are analyzed depending on the completeness/incompletion of psychological separation from the paternal and maternal figures.

Keywords: psychological separation; separation anxiety; conflict independence; picture of the world; psychological boundaries

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhedunova, Lyudmila G. | E-mail: lzhedunova@mail.ru
Doc. Sc. (Psychology)

Schwartz, Tatiana S. | E-mail: tanya.shvarts.98@mail.ru

Взаимосвязь сепарационной тревоги и картины мира в юношеском возрасте

Л. Г. Жедунова¹, Т. С. Шварц¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-672-681
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблеме сепарационной тревоги в юношеском возрасте. Приводятся данные исследования, целью которого было изучение взаимосвязи индивидуальной картины мира, психологической сепарации и сепарационной тревоги у студентов 1–2 курсов. Анализируются различия в актуализации тревоги у юношей и девушек в зависимости от завершенности/незавершенности психологической сепарации от отцовской и материнской фигур.

Ключевые слова: психологическая сепарация; сепарационная тревога; конфликтная независимость; картина мира; психологические границы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жедунова, Людмила Григорьевна | E-mail: lzhedunova@mail.ru
Доктор психологических наук, профессор
кафедры общей и социальной психологии

Шварц, Татьяна Сергеевна | E-mail: tanya.shvarts.98@mail.ru

Если рассматривать сепарационные процессы (психологическую сепарацию и сопутствующую ей сепарационную тревогу) в контексте социально-психологической адаптации личности и в целом ее психологического благополучия, то с необходимостью встает вопрос о роли картины мира в степени конструктивности/деструктивности этих процессов. В самом деле, базисные убеждения личности относительно доброжелательности/враждебности, справедливости/несправедливости, контролируемости/случайности, опасности/безопасности мира формируются в детском возрасте при непосредственном участии родителей. Это позволяет предполагать взаимную обусловленность параметров психологической сепарации и содержания и направленности индивидуальной картины мира.

© Жедунова Л. Г., Шварц Т. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Традиционно психологическая сепарация и сепарационная тревога исследовались преимущественно в детском (А. Бергман, Дж. Боулби, М. Малер, С. Н. Нартова-Бочавер, Ф. Пайн) и подростковом возрасте (Дж. Говерн, Ф. Лопес, Дж. Маттана, А. К. Рубченко, D. A. Cole, D. Lapsley, J. Hoffman, B. A. Weiss, K. G. Rice, C. E. Watkins).

Следует отметить, что распространенность тревожного расстройства разлуки среди взрослых по результатам зарубежных эпидемиологических исследований составляет 6,6 %, в то время как в детском возрасте частота возникновения данного вида тревожности – 4,1% (К. Шир, Р. Джин, А. М. Рушио, Э. Э. Уолтерс, Р. Кесслер, 2006) [1; 2, с.1074]. При этом большинство классифицированных случаев у взрослых (77,5 %) впервые появились у респондентов после совершеннолетия (К. Шир и др., Д. С. Болдуин, Р. Гордон, М. Абелли, С. Пини, М. А Шиле, К. Домшке) [2, с. 1074; 3 с. 289; 1 с. 426]. На наш взгляд, этот феномен может быть объяснен тем, что сепарационная тревога отражает не столько переживание разлуки, сколько необходимость проверки устойчивости и адекватности собственной картины мира.

С целью проверки этого предположения нами было проведено специальное исследование, в котором приняли участие студенты. Выбор студентов в качестве участников исследования обусловлен двумя обстоятельствами. С одной стороны, начало самостоятельной жизни, с другой – апробация собственной картины мира. Наряду с тем что процесс сепарации является одной из главных задач развития в юношеском возрасте, взаимная сепарация детей и родителей в этот период составляет содержание нормативного семейного кризиса [4–5].

Психологическую сепарацию мы рассматриваем как процесс формирования границ психологического пространства личности, частью которого является субъективная картина мира. В более узком смысле сепарация-индивидуация – процесс, в ходе которого личность постепенно формирует внутриспсихическую репрезентацию самого себя, отличную и отдельную от репрезентации родителей [6–7].

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи сепарационной тревоги и компонентов психологической сепарации с субъективной картиной мира в юношеском возрасте. В исследовании приняли участие студенты 1–2 курсов вуза. Общий объем выборки – 108 человек, из которых юношей – 41 и девушек – 67.

Для изучения уровня сепарационной тревоги использовался тест сепарационной тревоги взрослых ASA-27 (Adult Separation Anxiety Questionnaire) в адаптации А. А. Дитюк [8], выраженность компонентов психологической сепарации исследовалась с помощью опросника «Psychological Separation Inventory» (PSI) Дж. Хоффмана в адаптации Т. Ю. Садовниковой, В. Н. Дзукоевой [9], определение аспектов картины мира проводилось с помощью семантического дифференциала «Образ жизни» – операциональный аналог содержания картины мира [10].

Исследование проводилось с учетом требований, предъявляемых к психологической диагностике.

Анализ и интерпретация результатов

Статистический анализ результатов с использованием U критерия Манна – Уитни выявил значимые различия в уровне **сепарационной тревоги** ($p \leq 0,05$, $p = 0,000197$) и в таких компонентах психологической сепарации, как **конфликтологическая независимость от матери** ($p \leq 0,05$, $p = 0,008$), **эмоциональная независимость от матери** ($p \leq 0,05$, $p = 0,003$), **эмоциональная независимость от отца** ($p \leq 0,05$, $p = 0,001$), **функциональная независимость от матери** ($p \leq 0,05$, $p = 0,016$), а также **функциональная независимость от отца** ($p \leq 0,05$, $p = 0,02$).

Полученные результаты говорят о том, что в юношеском возрасте высокий уровень сепарационной тревоги чаще встречается среди девушек, они более склонны тревожиться и переживать вследствие разлуки с родными. Независимость от родителей выше у юношей, ситуацию разлуки с родителями юноши переживают легче. Им в меньшей степени свойственно переживание чувства вины, гнева, тревоги или недоверия в отношениях с матерью, они реже чувствуют потребность в одобрении и поддержке со стороны родителей, а также более самостоятельны в принятии решений и действиях.

Обнаружены значимые различия в некоторых аспектах образа жизни. Такие аспекты, как «**Статичность – Динамичность**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,045$, средний ранг в группе девушек = 49,86, в группе юношей = 62,09), «**Неуверенность – Уверенность**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,011$, средний ранг в группе девушек = 48,65, в группе юношей = 64,06), «**Трусливость – Смелость**» ($p \leq 0,007$, $p = 0,045$, средний ранг в группе девушек = 48,36, в группе юношей = 64,54), по среднему рангу значимо выше у юношей.

В то время как «**Независимость – Зависимость**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,007$, средний ранг в группе девушек = 60,8, в группе юношей = 44,21), «**Целостность – Разрозненность**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,011$, средний ранг в группе девушек = 60,35, в группе юношей = 44,94), «**Безнравственность – Нравственность**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,017$, средний ранг в группе девушек = 59,93, в группе юношей = 45,62), «**Согласованность – Противоречивость**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,015$, средний ранг в группе девушек = 60,14, в группе юношей = 45,28), «**Опасность – Безопасность**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,023$, средний ранг в группе девушек = 59,64, в группе юношей = 46,1), «**Веселье – Грусть**» ($p \leq 0,05$, $p = 0,033$, средний ранг в группе девушек = 59,4, в группе юношей = 46,49), значимо **выше у девушек**.

Таким образом, полученные результаты позволяют обозначить картину мира юношей как более динамичную, уверенную и смелую, у девушек – как зависимую, разрозненную, нравственную, противоречивую, но при этом безопасную.

**Взаимосвязь сепарационной тревоги,
компонентов психологической сепарации и аспектов картины мира у юношей¹**

Факторы	Статистические показатели	СТ	КНМ	КНО	АНМ	АНО	ЭНМ	ЭНО	ФНМ	ФНО
СТ	Коэффициент корреляции		-0,484	-0,527						
	Знч. (2-сторон)		0,001	0,001						
Д-К	Коэффициент корреляции	-0,376		0,378	-0,475		-0,334			
	Знч. (2-сторон)	0,016		0,015	0,002		0,033			
Н-У	Коэффициент корреляции	-0,354	0,475		-0,36				0,505	
	Знч. (2-сторон)	0,023	0,003		0,021				0,001	
Н-С	Коэффициент корреляции	-0,411					-0,469			
	Знч. (2-сторон)	0,008					0,002			
Д-Н	Коэффициент корреляции	0,526	-0,342						-0,32	
	Знч. (2-сторон)	0,001	0,029						0,041	
С-П	Коэффициент корреляции	0,47							-0,413	
	Знч. (2-сторон)	0,002							0,007	
Н-Н	Коэффициент корреляции	0,346							-0,426	0,392
	Знч. (2-сторон)	0,029							0,006	0,028
Т-Р	Коэффициент корреляции	0,477				0,536		0,315	-0,423	0,373
	Знч. (2-сторон)	0,002				0,001		0,045	0,006	0,011
Ц-Р	Коэффициент корреляции	0,34				0,529		0,354		0,419
	Знч. (2-сторон)	0,03				0,001		0,023		0,016
О-Н	Коэффициент корреляции	0,33				0,533		0,382		0,36
	Знч. (2-сторон)	0,035				0,001		0,014		0,035
П-Н	Коэффициент корреляции	0,51				0,38		0,324		
	Знч. (2-сторон)	0,001				0,014		0,039		

¹ Обозначения: Д-К- – дискомфорт-комфорт, Н-У – неуверенность-уверенность, Н-С – несчастье-счастье, Д-Н – достоинство-недостойность, С-П – согласованность-противоречивость, Н-Н – насыщенность-ненасыщенность, Т-Р – творчество-рутина, Ц-Р – целостность-разрозненность, О-Н – оправданность – неоправданность, П-Н – привлекательность-непривлекательность.

У юношей уровень сепарационной тревоги непосредственно зависит от конфликтности отношений с родителями. Чем реже юноша испытывает чувство вины, тревоги, гнева в отношениях с отцом и матерью, тем ниже уровень сепарационной тревоги. Обратная опосредованная связь прослеживается между уровнем сепарационной тревоги и независимостью в принятии решений юношей от мнения матери через творчество, насыщенность, согласованность и достоинство картины мира. Подобная независимость от матери позволяет юноше меньше тревожиться и чувствовать себя самостоятельным. Непосредственно напрямую, через комфортность и счастье жизни, уровень сепарационной тревоги определяется независимостью юноши от установок и поддержки матери. Кроме того, непосредственно через творчество, оправданность, целостность и привлекательность картины мира уровень сепарационной тревоги напрямую обуславливается независимостью в принятии решений от установок, поддержки отца.

Наиболее значимые взаимосвязи сепарационной тревоги, компонентов психологической сепарации и аспектов картины мира у девушек, полученные в результате корреляционного анализа, представлены в табл. 2 и на рис.2.

Таблица 2

Взаимосвязь сепарационной тревоги, компонентов психологической сепарации и аспектов картины мира у девушек²

Факторы	Статистические показатели	СТ	КНМ	АНМ	АНО	ЭНМ	ФНМ
СТ	Коэффициент корреляции					-0,399	-0,343
	Знч. (2-сторон)					0,001	0,005
Б-Н	Коэффициент корреляции	-0,258	0,244				
	Знч. (2-сторон)	0,035	0,047				
У-Н	Коэффициент корреляции	0,245				-0,243	
	Знч. (2-сторон)	0,045				0,048	
Б-С	Коэффициент корреляции	-0,245	0,260	-0,272			
	Знч. (2-сторон)	0,045	0,034	0,026			
О-Н	Коэффициент корреляции	0,258	-0,296				
	Знч. (2-сторон)	0,035	0,015				
Р-И	Коэффициент корреляции	0,278		0,284	0,415		
	Знч. (2-сторон)	0,022		0,02	0,001		

² Обозначения: Б-Н – безнравственность – нравственность, У-Н – уважительность – неуважительность, Б-С – беспокойство-спокойствие, О-Н – оправданность-неоправданность, Р-И – рациональность-иррациональность.

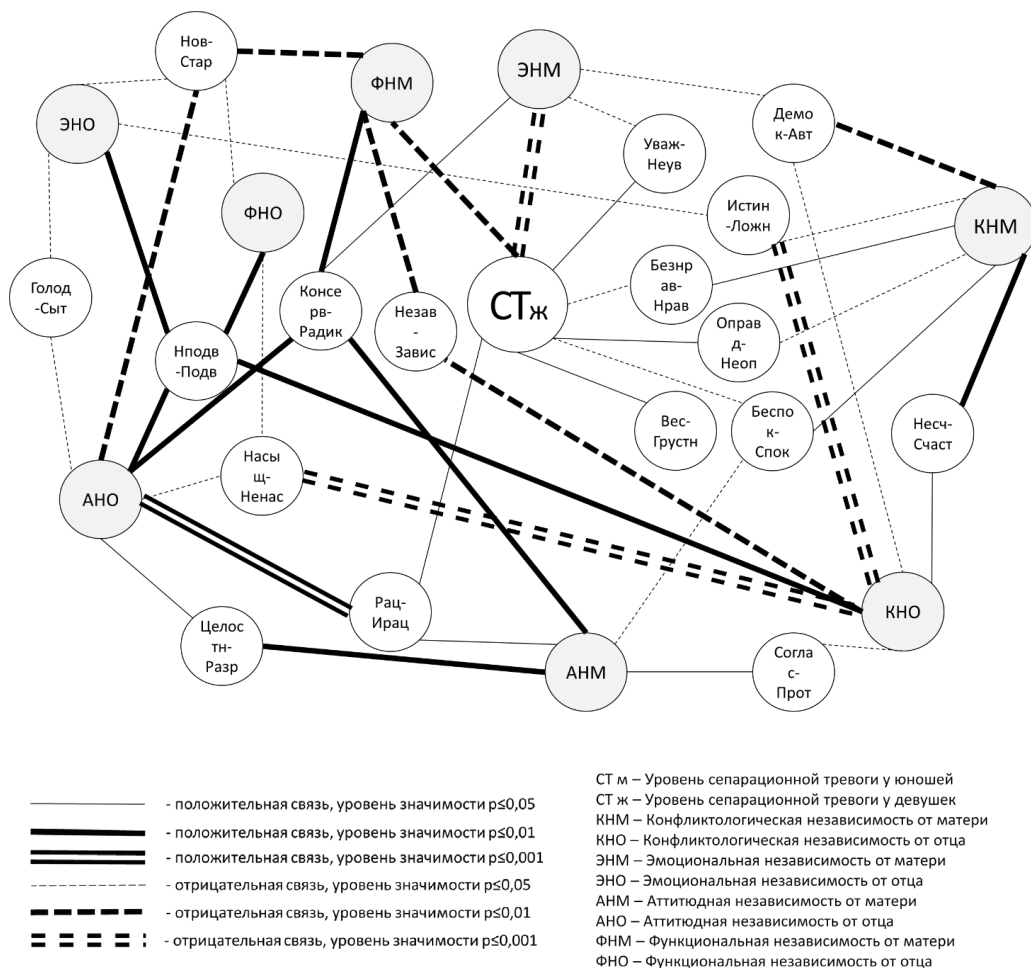

Рис. 2. Структурограмма взаимосвязи сепарационной тревоги, компонентов психологической сепарации и аспектов картины мира у девушек

Корреляционный анализ сепарационной тревоги, аспектов картины мира и аспектов психологической сепарации у девушек юношеского возраста позволяет выделить значимость функциональной и эмоциональной независимости от матери в определении уровня сепарационной тревоги. Независимость в принятии решений без желания получить поддержку и одобрение со стороны матери свойственен девушкам с более низким уровнем сепарационной тревоги. В то же время чувство недоверия, гнева

и вины в отношениях с матерью свойственен девушкам с более нравственной, оправданной, спокойной картиной мира и более высоким уровнем сепарационной тревоги. А в случае независимости установок девушек от родительской позиции сепарационная тревога повышается через восприятие картины мира как более иррациональной.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сепарационная тревога не связана с изменением места жительства и, соответственно, разлукой с семьей, то есть не является в полном смысле тревогой разлуки. Уровень тревоги зависит от незавершенности процесса психологической сепарации. Субъективная картина мира связана со спецификой психологической сепарации от родителей, что в совокупности обуславливает уровень сепарационной тревоги. У **юношей** прямые зависимости сепарационной тревоги – от чувства вины, гнева, недоверия в отношениях **и с матерью и с отцом**, в то время как у **девушек** сепарационная тревога напрямую связана с одобрением и поддержкой, а также самостоятельностью в принятии решений только в отношениях **с матерью**. **Независимость установок** юношей и девушек от убеждений родителей через показатели картины мира **повышают уровень сепарационной тревоги**. Все это подтверждает наше предположение, что субъективная картина мира взаимосвязана с сепарационными процессами, в частности с психологической сепарацией и сепарационной тревогой.

Ссылки

1. Prevalence and correlates of estimated DSM-IV child and adult separation anxiety disorder in the National Comorbidity Survey Replication / K. Shear, R. Jin, A. M. Ruscio [et al] // The American journal of psychiatry. 2006. Vol. 6. P. 1074–1083. DOI 10.1176/ajp.2006.163.6.1074
2. Schiele M. A, Domschke K. Trennungsangststörung [Separation anxiety disorder]. Nervenarzt. German, 2021. P. 426-432.
3. The separation of adult separation anxiety disorder / D. S. Baldwin, R. Gordon, M. Abelli, S. Pini // CNS Spector. 2016. Vol. 21, No. 4. P. 289–294. DOI 10.1017/S1092852916000080
4. Дубинская В. В. О чувствах в психотерапии. Сепарация: учебно-методическое пособие по практике психологического консультирования. М., 2011. 280с.
5. Дзукаева В. П. Психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте: эволюция теоретических представлений и примеры современных исследований // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2015. № 2. С. 71-76.

6. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400с.
7. Васильева Н. Л., Молин А. Г. Особенности субъективной картины мира у взрослых с зависимостью от ПАВ // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 173-184. DOI 10.17759/exppsy.2015080315.
8. Дзукаева В. П., Садовникова Т. Ю. Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями // Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал. 2014. № 3. С. 3–20.
9. Дитюк А. А. Адаптация теста сепарационной тревоги взрослых ASA-27 (Adult Separation Anxiety Questionnaire) на российской выборке // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 6.
10. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов М.: ПЧЕЛА, 2008. 382 с.

Primary diagnosis of personality traits in athletes of team sports

V. B. Tokareva¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-682-687

Short Survey

Full text in Russian

The article presents methods for diagnosing the personal characteristics of an athlete in a team sport, aimed at identifying the strength and weakness of the nervous system, at establishing the state of exhaustion of an athlete, at the attitude of an athlete to the situation.

Keywords: personal characteristics of the athlete; diagnosis; performance; attitude to the situation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tokareva, Valentina B. | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
Cand. Sc. (Pedagogics)

Первичная диагностика личностных особенностей у спортсменов командных видов спорта

В. Б. Токарева¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-682-687
УДК 77.03.09

Краткое сообщение
Полный текст на русском языке

В статье представлены методы диагностики личностных особенностей спортсмена командного вида спорта, направленные на выявление силы и слабости нервной системы, на установление состояния истощения спортсмена, на отношение спортсмена к ситуации.

Ключевые слова: личностные особенности спортсмена; диагностика; работоспособность; отношение к ситуации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Токарева, Валентина Борисовна | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
Кандидат педагогических наук, старший преподаватель

Одним из видов деятельности по формированию и развитию личности выступает спорт. Спортивная деятельность способствуют воспитанию у занимающихся ряда ценных физических качеств: быстроты, ловкости, силы, выносливости, гибкости, а также вырабатывает такие необходимые для современного человека свойства личности, как смелость, решительность, мужество, чувства сопричастности, дисциплинированности, выдержки и самообладания.

Виды спортивной подготовки развиваются быстрыми темпами, постоянно повышаются требования физической, технической, тактической и психологической подготовленности игроков. Всё это требует поиска

наиболее эффективных средств диагностики и методов тренировки, восстановления, рационального комплексного планирования труда и отдыха, совершенствования форм и методов воспитательной работы. Подготовка юных спортсменов является сложным, многогранным и длительным процессом по формированию личности в целом.

Современные психологи понимают под личностью не человека вообще, а конкретного индивида, включенного в определенное общество, находящегося в сложных взаимоотношениях с другими людьми. При таком понимании личности подход к изучению спортсмена должен быть сугубо конкретным, отражающим своеобразие жизни атлета.

В настоящее время развитие психологической науки неразрывно связано с новыми задачами общества, с теми особенностями, которые происходят в связи с его социокультурной трансформацией. Необходимо глубже изучить жизнь начинающего атлета, его поведение, реакции такими, каковы они есть в действительности. Иными словами, надо максимально конкретизировать изучение личности спортсмена, учитывая то, что накопление материала относительно ментальности современного молодого поколения еще только началось.

Не отрицая изучения личности спортсмена тестовыми методиками, в данной работе мы делаем акцент на проективных диагностических методах, отражающих направленность атлета на определенные взаимодействия, настроение и функциональное состояние.

Значение направленного интенсивного изучения разных сторон индивидуальности спортсмена выходит за рамки только психологии. Оно оказывается еще более существенным для социологии, педагогики и совершенствования систем знаний, обеспечивающих гармоничное воспитание атлета.

Всесторонний подход к изучению развития личности вынуждает исследователей обратить внимание, по крайней мере, на несколько аспектов: содержание признаков личности, обусловленных биологическими особенностями организма человека и особенностями влияния окружающей его общественной социальной действительности; содержание и качество признаков личности, определяемых индивидуальными особенностями психики человека, приобретаемых в ходе обращения индивидуального опыта в онтогенезе.

Психодиагностика в спорте — это специальная ориентация и использование методов психологии для оценки тех психических явлений (качеств) спортсменов или спортивных групп, от которых зависит успех спортивной деятельности. «Диагностикос» по-гречески обозначает «способный распознавать». В данном случае имеется в виду использование ме-

тодов психологии для распознавания возможностей спортсмена при занятии видом спорта (проблема отбора), в конкретном тренировочном цикле, занятии или соревнованиях [1].

Одним из первичных инструментов диагностики для спортивного психолога может стать Теппинг-тест Е. П. Ильина. Данный тест определяет силу и слабость нервной системы, а следовательно, может помочь спортивному психологу определить работоспособность и оптимальную нагрузку спортсмена на этапе подготовки к соревнованиям и на самих соревнованиях, а также возможность смены амплуа спортсмена.

Само понятие «сила» И. П. Павлов трактовал как работоспособность нервной клетки: «Клетки имеют два основных свойства: лабильности, то есть лёгкость возникновения реакции на раздражение, и работоспособность. По работоспособности типы нервной системы делятся на сильные и слабые» [2, 89]. И. П. Павлов, раскрывая силу и слабость нервных процессов, определяет силу как адекватную реакцию на сильный раздражитель, вместе с этим чем сильнее раздражитель, тем сильнее ответная реакция. При слабой нервной системе – наоборот: слабое раздражение вызывает сильную реакцию, сильное раздражение может вызвать торможение или даже срыв нормальной нервной деятельности, то есть патологическую реакцию. Иначе говоря, при слабой нервной системе устанавливается инадекватное отношение с окружающим миром [2].

Говоря о слабости нервной системы, И. П. Павлов подчеркивает важность влияния социальных условий. При выявлении слабости нервной системы у спортсмена не обязательно связывать это явление с врождёнными, стойкими особенностями, а можно говорить, что такие состояния могут быть и результатом того, что нервная система атлета ослаблена под воздействием тех или других неблагоприятных факторов в период детства [3].

Исходя из этого можно сделать вывод, что своевременное распределение психологических ресурсов может способствовать развитию таких качеств личности спортсмена, как выносливость, выдержка, самообладание в сложной ситуации, а отсутствие рационализации режима тренировок, нагрузок и отдыха может привести спортсмена к неспособности совершать даже простые операции, связанные с игровой деятельностью.

Для диагностики энергетического баланса организма спортсмена спортивному психологу можно применить методику «Домики» О. А. Ореховой. Эта методика может быть проведена с целью вычисления вегетативного коэффициента у спортсмена, который дает возможность выявить наличие у атлета хронического переутомления, истощения, компенсируемого состоянием усталости, оптимальной работоспособности, перевозбуждения.

Применение данной диагностической методики позволяет установить энергетический показатель спортсмена и необходимость оптимизации режима тренировочного процесса и отдыха, периодическое снижение активности, а также нормализацию темпа деятельности.

Коэффициент методики «Домики» О. А. Ореховой может соотноситься с показателями Теппинг-теста. Например, когда спортсмен находится в состоянии истощения, мы можем предположить, что график «работоспособности» у спортсмена находится на сниженном уровне.

Проективный тест «Нарисуй слона» предназначен для выявления отношения спортсмена к задаваемой ситуации, может быть использована на практических занятиях в группах, в тренингах – при знакомстве с новыми игроками, а также для понимания того, как спортсмен способен регулировать сложившуюся спортивную ситуацию. Методика позволяет определить тех спортсменов, которые являются «хозяином» ситуации, легко адаптируют спортивную ситуацию к себе. С помощью проективного теста «Нарисуй слона» также можно выявить зависимость от ситуации тех спортсменов, которые приспосабливаются к обстоятельствам и могут быть угнетены или подавлены.

Также одной из диагностических методик, способствующих первичному знакомству с командой, по нашему мнению, является проективный тест «Лица». Методика позволяет выявить эмоциональные реакции в проявлении таких чувств, как радость, грусть, обида, гнев. Например, в состоянии злости спортсмен рисует маленькие глаза, что может говорить об отсутствии готовности получать информацию, а отсутствие ушей на рисунке может говорить о нежелании воспринимать факты или сведения.

Непродуманность методики тренировки команды, неправильная дозировка нагрузок, отсутствие последовательности будут иметь негативные последствия [4]. Наличие проективного инструментария у специалиста при работе со спортсменами позволит за небольшое количество времени предоставить тренеру результаты, позволяющие не только определить нагрузки у спортсмена, но и прогнозировать дальнейшую тренировочную ситуацию.

Наряду с распределением нагрузки спортсмену, исходя из полученных результатов диагностики, можно предложить определенные формы саморегулирования, которые направлены на поддержание в себе необходимого жизненного тонуса, бодрого настроения, несмотря на возникающие трудности, препятствие.

Диагностика личности спортсмена с помощью проективных методик по функциональному состоянию, овладению собой позволит спортивному психологу, тренеру с новой стороны взглянуть на личность атлета,

дать расширенную характеристику индивидуальности спортсмена, которая способствует более грамотному взаимодействию специалистов по коррекции состояния начинающих атлетов.

Ссылки

1. Горбунов Г. Д. Психопедагогика спорта: учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советский спорт, 2012. 312 с.
2. Павлов И.П. Мозг и психика. МПСИ, МОДЭК, 2008. 360 с.
3. Давиденкова С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии / Государственный Институт усовершенствования врачей имени С. М. Кирова. Л., 1947. 342 с.
4. Иванов-Смоленский А. Г. Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. М.: Изд-во и тип. Медгиза, 1949. 268 с.

Employee value orientations as regulators of organizational climate assessment

E. V. Markova¹, T. B. Kolyshkina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 12a Cooperative Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-688-697

Research article
Full text in Russian

Organizational behavior of the company's employees is the object of constant attention of organizational psychologists. One of the most important aspects of the study of organizational behavior is the identification of its determinants. Value orientations are hypothetically the reason for the specifics of individual or group organizational behavior. Empirical studies are needed to prove that there is a connection between the system of value regulators of a personality and its organizational behavior, attitude to organizational culture, and the content of attitudes to various organizational aspects.

Keywords: organizational behavior; values; value orientations; organizational culture; organizational climate; attitude

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Markova, Elena V. | E-mail: mark_ev@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Kolyshkina, Tatiana B. | E-mail: ktb-10@mail.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Ценностные ориентации сотрудников как регуляторы оценки организационного климата

Е. В. Маркова¹, Т. Б. Кольшкіна²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ул. Кооперативная, 12а, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-688-697
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Организационное поведение сотрудников предприятия – объект постоянного внимания организационных психологов. Одним из важнейших аспектов исследования организационного поведения является выявление его детерминант. Ценностные ориентации гипотетически являются причиной специфики индивидуального или группового организационного поведения. Необходимы эмпирические исследования, которые позволят доказать, что существует связь между системой ценностных регуляторов личности и ее организационным поведением, отношением к организационной культуре, содержанием установок к различным организационным аспектам.

Ключевые слова: организационное поведение; ценности; ценностные ориентации; организационная культура; организационный климат; аттитюд

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова, Елена Владимировна | E-mail: mark_ev@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Кольшкіна, Татьяна Борисовна | E-mail: ktb-10@mail.ru
Кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский филиал Финуниверситета

Вопрос о механизмах регуляции социального поведения личности в последнее время привлекает к себе внимание представителей многих гуманитарных дисциплин, в частности психологии, социальной психологии, социологии. Очевидно, что следствием такого междисциплинарного подхода к проблеме является некоторое сближение понятийных аппаратов тех теорий, которые пытаются внести свой вклад в разрешение проблемы. Для организационной психологии исследование ценностных ориентаций и орга-

© Маркова Е. В., Кольшкіна Т. Б., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

низационного климата рабочей группы важно потому, что оба феномена находят свое проявление в эффективности трудовой деятельности.

Система ценностных ориентаций определяет направленность личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, другим людям, себе самой, основу мировоззрения, жизненных принципов и «философию жизни» [1].

Объектом исследования является субъективная оценка организационного климата сотрудниками.

Предмет исследования – ценностные ориентации, обуславливающие оценку организационного климата.

Целью исследования является выявление ценностных ориентаций, которые влияют на субъективную оценку организационного климата.

Гипотеза: особенности оценки организационного климата сотрудниками могут определяться уровнем выраженности ценностных ориентаций.

Для проведения исследования по изучаемой нами проблеме были использованы следующие методики:

1. *Методика по изучению ценностных регуляторов организационного поведения.* Методика «Ценностные регуляторы организационного поведения» (ЦРОП) разработана Т. С. Кабаченко на кафедре психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М. В. Ломоносова [2].

2. *«Экспресс-методика» по изучению климата в коллективе.* Методика разработана О. С. Михалюк и А. Ю. Шалыто на кафедре социальной психологии факультета психологии СПбГУ [3].

Обработка данных проводилась с помощью пакетов «STATISTICA» и Excel.

Основу выборки составил персонал двух крупных организаций г. Ярославля в возрасте от 26 до 49 лет с разным стажем работы в данных коллективах. Общее количество испытуемых составило 100 человек.

Обработка полученных результатов приводилась с помощью Н-критерий Крускала – Уоллиса. Группы были дифференцированы на основании уровня выраженности ценностных регуляторов организационного поведения. Для проведения анализа респонденты были распределены на три группы на основании баллов, набранных по каждому ценностному регулятору. В первую группу вошли сотрудники с низкими значениями, во вторую – со средними и в третью – с высокими. Результаты обработки представлены в таблице 1.

Уровень выраженности ценностной ориентации «власть» в общей иерархии ценностей достоверно различается при оценке эмоционального компонента (рис. 1).

Достоверность различий в субъективной оценке компонентов организационного климата при дифференциации сотрудников по выраженности ценностного регулятора

Ценностный регулятор организационного поведения	Компонент оценки организационного климата	H- критерий Крускала – Уоллеса	Уровень значимости, p
Власть	Эмоциональный	7,3	0,026
Поддержка неформальной группы	Эмоциональный	5,63	0,059
Причастность к власти	Эмоциональный	14,21	0,001
Причастность к власти	Когнитивный	7,78	0,028
Стабильность в организации	Когнитивный	9,84	0,007
Обязательства других	Когнитивный	5,89	0,052

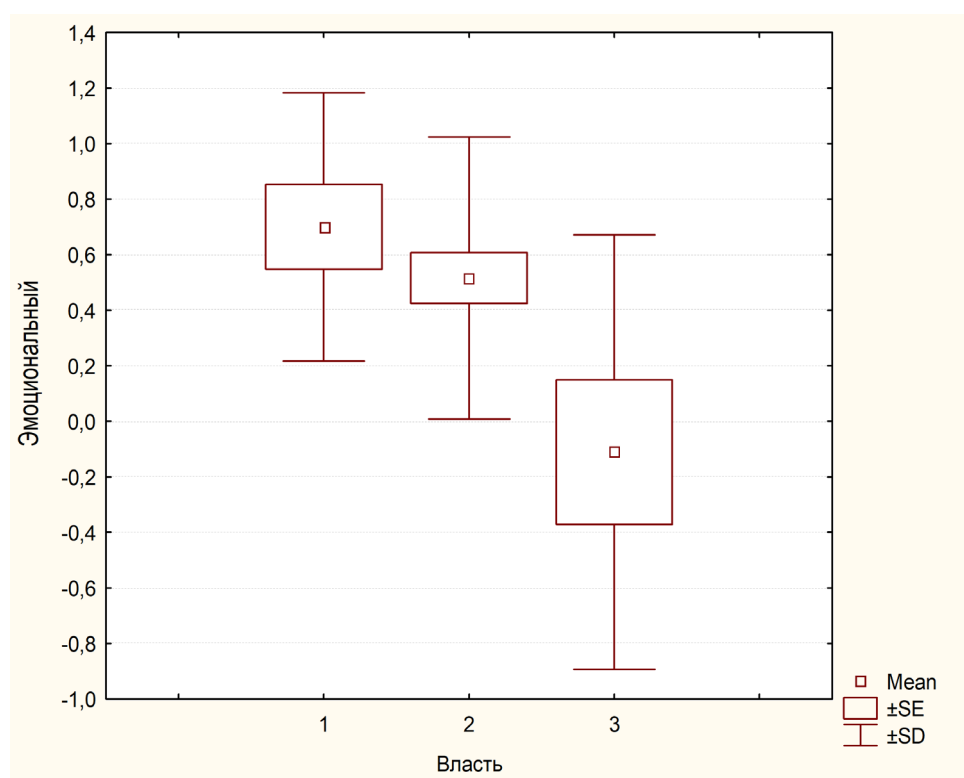

Рис. 1. Графическое отображение достоверности различий в оценке эмоционального компонента организационного климата в группах, дифференцированных по уровню выраженности ценностного регулятора «власть»: уровень выраженности ценностного регулятора: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий

Чем менее значима для сотрудника такая ценность, как «власть», тем он хуже оценивает эмоциональный компонент. Определяющим фактором степени привлекательности труда в данном коллективе, вероятно, является возможность влиять на ход событий и других людей.

Высокая значимость межличностных отношений в коллективе (эмоциональный компонент оценки организационного климата) свойственна сотрудникам, ориентированным на поддержку неформальной группы, к которой они принадлежат (рисунок 2). Ценность дружбы и взаимовыручки проявляется в том, что сотрудники, имеющие высокий ранг данной ценностной ориентации в иерархии, описывают свою организацию как более дружелюбную. И наоборот, когда меньше ранг данной ценности, тогда организация описывается сотрудником как «холодная», недружелюбная.

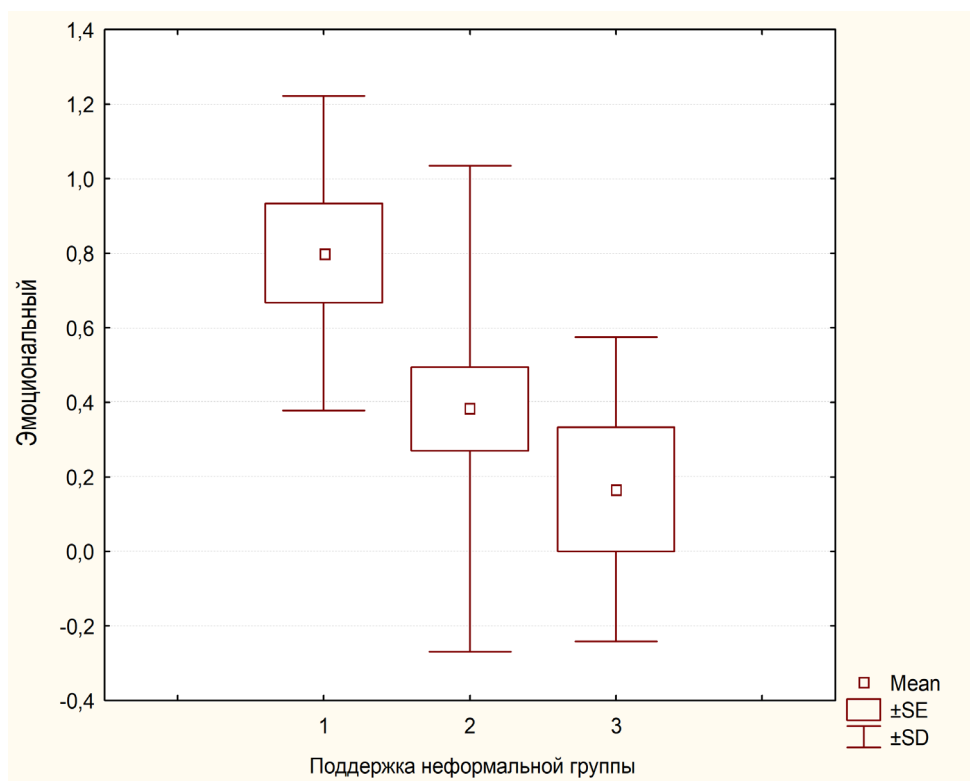

Рис. 2. Графическое отображение достоверности различий в оценке эмоционального компонента организационного климата в группах, дифференцированных по уровню выраженности ценностного регулятора «поддержка неформальной группы»: уровень выраженности ценностного регулятора: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий

Можно предположить, что поддержка неформальной группы (поддержка своих друзей) приводит к положительному оцениванию труда. Вероятно, такая оценка компонента связана с мотивационными возможно-

стями неформальных отношений внутри рабочей группы, с восприятием коллектива как социально безопасного места, среды, в которой можно получить поддержку, принятие, помощь [4].

При средних значениях выраженности ценности «причастность к власти» эмоциональный компонент организационного климата скорее оценивается как благоприятный (рисунок 3). Вероятно, что сотрудники больше удовлетворены трудом при нейтральной значимости регулятора. Работников больше устраивает нейтральная позиция между командой руководителя и трудовым коллективом. Они не стремятся быть причисленными к «ближнему кругу», могут принимать ситуацию подчинения или нет, принимать поставленную руководителем задачу в том виде, в котором она поставлена или переформулировать ее таким образом, чтобы ее выполнение соответствовало личным целям – и все зависит от того, какая будет ситуация. Члены коллектива не склонны принимать полностью ту или иную сторону.

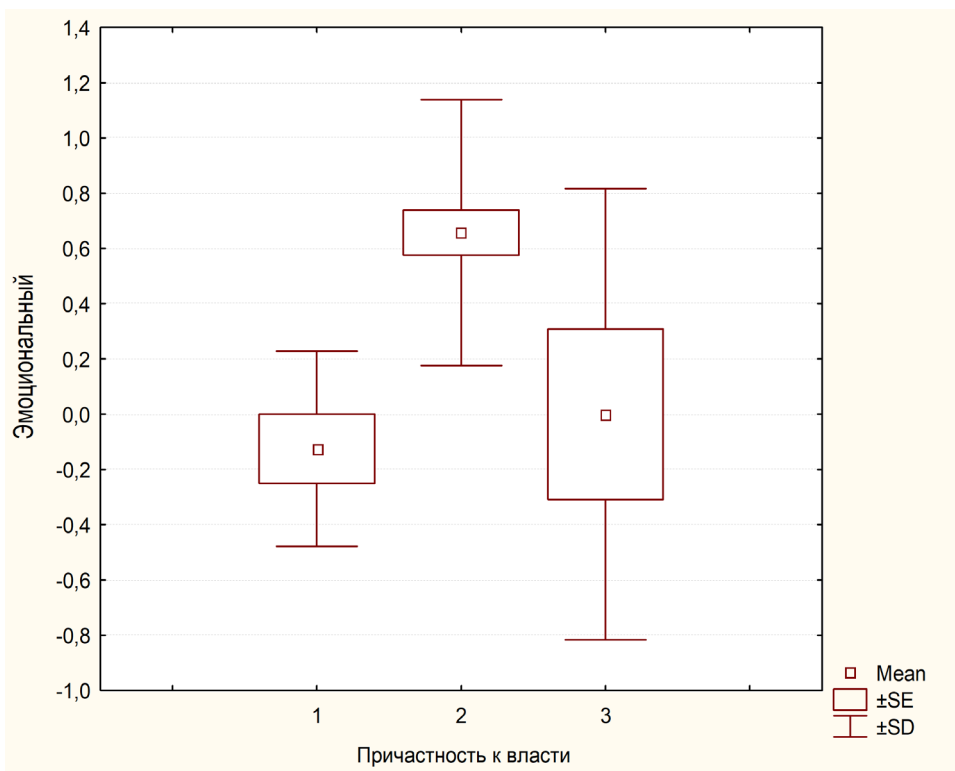

Рис. 3. Графическое отображение достоверности различий в оценке эмоционального компонента организационный климат в группах, дифференцированных по уровню выраженности ценностного регулятора «причастность к власти»: уровень выраженности ценностного регулятора: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий

Когнитивный компонент организационного климата выше оценивается при высоком значении выраженности ценности «причастность к власти» (рисунок 4). Таким образом, можно говорить о том, что чем более важно для сотрудника быть причастным к «ближнему кругу», быть в команде руководителя, тем менее он заинтересован в получении знаний об особенностях сотрудников своего коллектива, т. е. оценивает климат в группе как отрицательный. Возможно, это связано с концентрацией внимания на своих целях, задачах и способах их достижения.

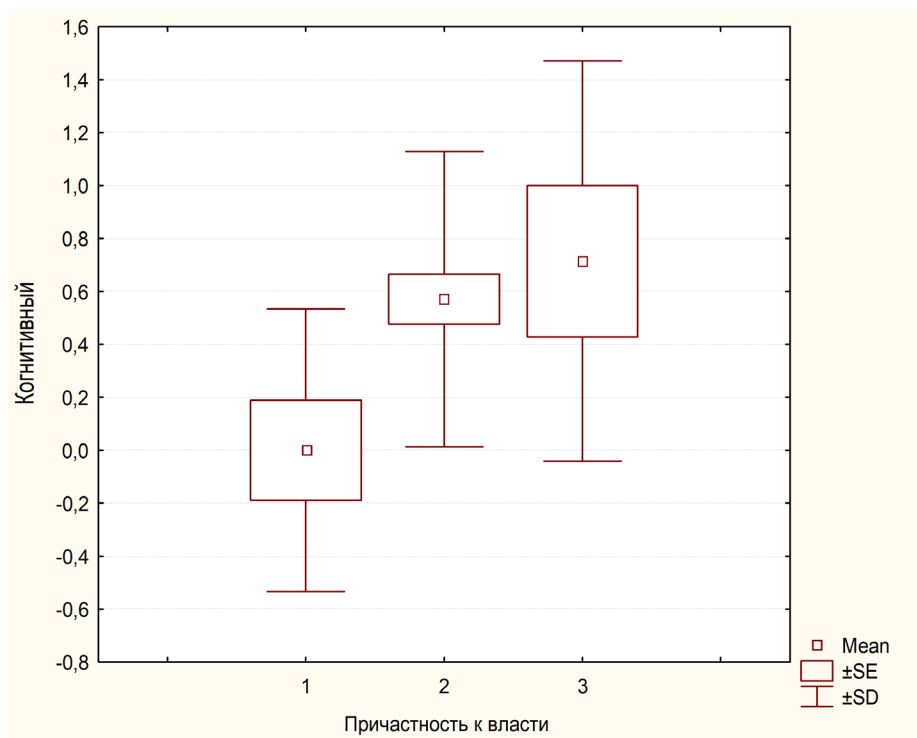

Рис. 4. Графическое отображение достоверности различий в оценке когнитивного компонента организационного климата в группах, дифференцированных по уровню выраженности ценностного регулятора «причастность к власти»: уровень выраженности ценностного регулятора: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий

Когнитивный компонент выше оценивается при высоком значении выраженности регулятора поведения «стабильность в организации» (рисунок 5). Чем более значим для сотрудника привычный порядок дел на предприятии, тем меньше он стремится узнавать о личностных особенностях тех людей, с которыми работает в одном коллективе. Это может объясняться некоторой продолжительностью совместной деятельности, на протяжении которой значимая информация о коллегах была уже получена.

Хуже когнитивный компонент оценивается при средних значениях выраженности ценности «обязательства других», регулирующей поведение (рисунок 6). И при низких, и при высоких значениях регулятора компонент оцени-

вается в среднем как положительный. Следовательно, чем меньше сотрудник проявляет внимания к тому, как исполняют свои обязанности другие, тем больше у него интерес к приобретению знания об их личностных особенностях.

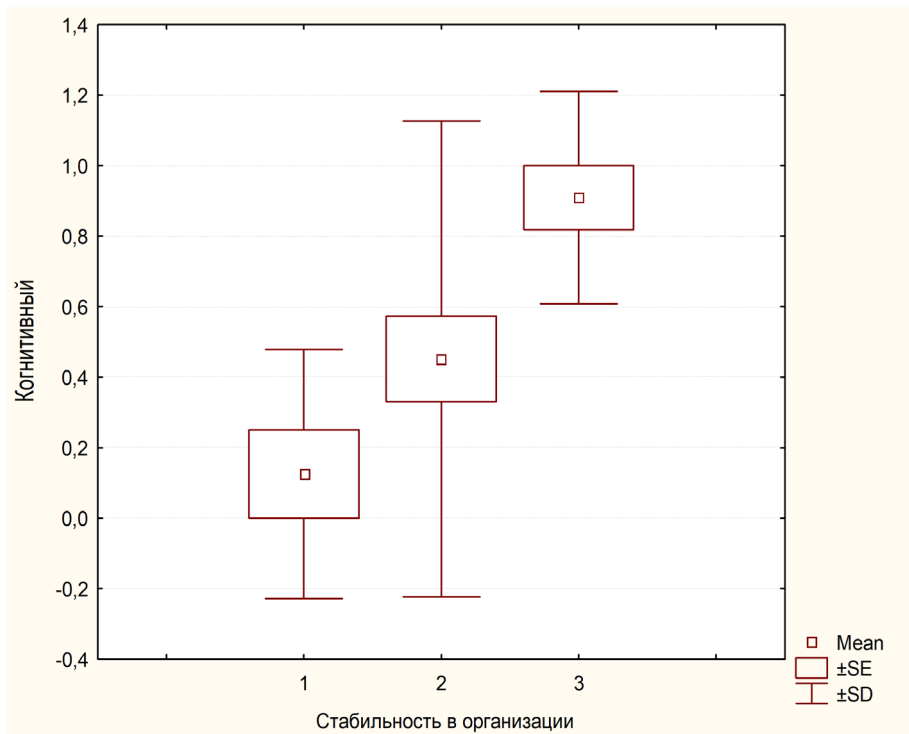

Рис. 5. Графическое отображение достоверности различий в оценке когнитивного компонента организационного климата в группах, дифференцированных по уровню выраженности ценностного регулятора «стабильность в организации»: уровень выраженности ценностного регулятора: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий

Таким образом, при дифференциации сотрудников по уровню выраженности ценностных регуляторов организационного поведения на три группы обнаружено, что существуют различия в оценке отдельных компонентов организационного климата.

Для дальнейшего анализа использовался η -критерий Пирсона (корреляционное отношение). Корреляционное отношение говорит о том, что ценностный регулятор не просто связан с оценкой организационного климата, но и непосредственно влияет на эту оценку.

Хуже когнитивный компонент оценивается при средних значениях выраженности ценности «обязательства других», регулирующей поведение (рисунок 6). И при низких, и при высоких значениях регулятора компонент оценивается в среднем как положительный. Следовательно, чем меньше сотрудник проявляет внимания к тому, как исполняют свои обязанности другие, тем больше у него интерес к приобретению знания об их личностных особенностях.

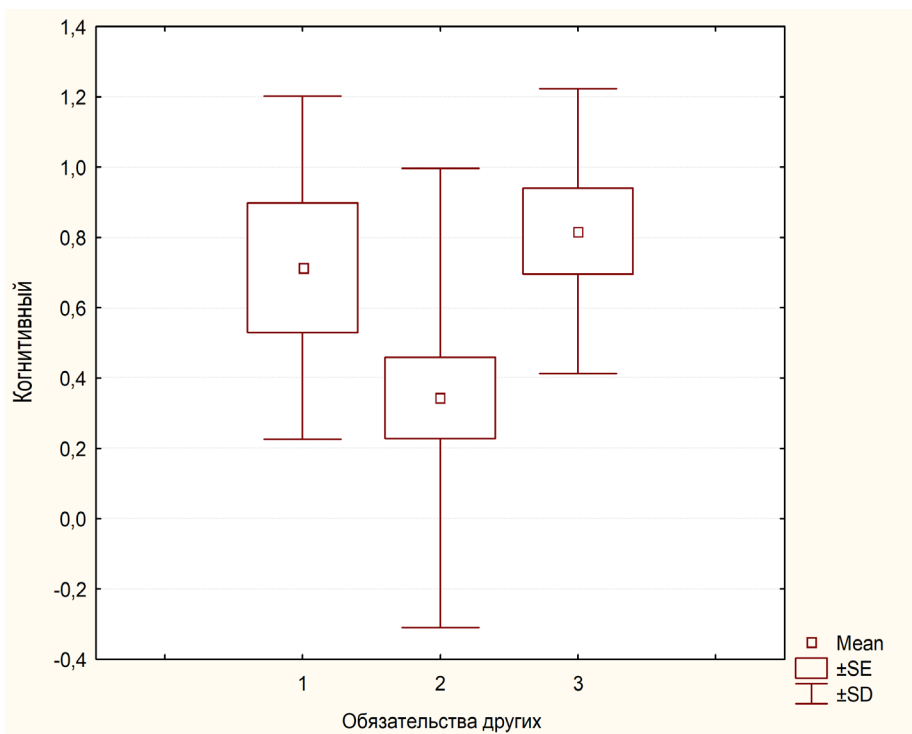

Рис. 6. Графическое отображение достоверности различий в оценке когнитивного компонента организационного климата в группах, дифференцированных по уровню выраженности ценностного регулятора «обязательства других»: уровень выраженности ценностного регулятора: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий

Таким образом, при дифференциации сотрудников по уровню выраженности ценностных регуляторов организационного поведения на три группы обнаружено, что существуют различия в оценке отдельных компонентов организационного климата.

Для дальнейшего анализа использовался η -критерий Пирсона (корреляционное отношение). Корреляционное отношение говорит о том, что ценностный регулятор не просто связан с оценкой организационного климата, но и непосредственно влияет на эту оценку.

Величина корреляционного отношения (η -критерий Пирсона) изменяется в пределах от 0 до 1. Близость ее к нулю говорит об отсутствии связи, близость к единице – о наличии тесной связи.

На основании полученных результатов (табл. 2) можно сделать следующие выводы:

- На оценку эмоционального компонента организационного климата в достаточной степени влияет выраженность ценностного регулятора поведения «власть». Чем важнее для субъекта деятельности власть, тем выше оценивается эмоциональный компонент.

- При регуляции поведения сотрудника стремлением поддерживать свою неформальную группу можно говорить о его желании больше узнать о членах своего коллектива, получить больше информации о тех, с кем он работает.
- Ориентация сотрудника на такую ценность, как «стабильность в организации», отражается в том, что он стремится собрать больше информации о месте, в котором работает, стремится самыми разнообразными способами увеличить свою осведомлённость об актуальном положении дел и о будущем организации.

Таблица 2

Корреляционные отношения между ценностными регуляторами и компонентами организационного климата

Ценностные регуляторы	Компоненты организационного климата	η- критерий Пирсона	Уровень значимости р
Власть	эмоциональный	0,48	0,05
Безопасность общности	когнитивный	0,54	0,05
Стабильность в организации	когнитивный	0,48	0,05

Таким образом, ценностные регуляторы поведения сотрудников в организации (власть, поддержка неформальной группы, стабильность в организации) в определенной степени оказывают влияние на высокую или низкую оценку организационного климата на рабочем месте.

На основании проведенного эмпирического исследования можно сделать выводы:

1. В качестве факторов оценки организационного климата могут выступать ценностные регуляторы организационного поведения;
2. При меньшей регуляции организационного поведения такими ценностями, как «власть», «поддержка неформальной группы», социально-психологический климат оценивается как благоприятный;

В значительной степени на оценку организационного климата влияют такие ценностные регуляторы поведения, как «власть», «безопасность общности» и «стабильность в организации».

Ссылки

1. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2002. 298 с.
2. Кабаченко Т. С. Психология управления. М.: Педагогическое общество России, 2000. 384 с.
3. Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь. 2004. 176 с.
4. Филиппова Ю. В., Канжин А. В. Современные исследования по психологии общения // Психология и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 50–52.

Comparative analysis of self-perception of adolescents in a situation of remarriage of parents and adolescents from families of the first marriage

M. V. Borovkova¹

¹Territorial Social Service Center "Bibirevo", 12, building 2 Prishvina Str., Moscow, 127549, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-698-706

Research article
Full text in Russian

The article reveals the concept of self-perception, in the concept of self-conscious theory, its components are highlighted. Methods of diagnostics, self-perception are presented. The results obtained in the course of a comparative analysis of self-perception of adolescents in a situation of remarriage of parents and adolescents from families of the first marriage are described.

Keywords: self-perception; teenagers; family; remarriage; remarriage family; self-awareness

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Borovkova, Maria V. | E-mail: mariaborovkova13@gmail.com
Psychologist

Сравнительный анализ самовосприятия подростков в ситуации повторного брака родителей и подростков из семей первого брака

М. В. Боровкова¹

¹ Территориальный центр социального обслуживания «Бибирево», ул. Пришвина, 12, кор. 2, Москва, 127549, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-698-706
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье раскрыто понятие самовосприятия в концепции теории самосознания, выделены его компоненты. Представлены методы диагностики самовосприятия. Описаны результаты, полученные в ходе сравнительного анализа самовосприятия подростков в ситуации повторного брака родителей и подростков из семей первого брака.

Ключевые слова: самовосприятие; подростки; семья; повторный брак; семья повторного брака; самосознание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боровкова, Мария Васильевна | E-mail: mariaborovkova13@gmail.com
Психолог

Современная семья и ее проблемы служат объектом исследования ряда наук: психологии, педагогики, социологии, демографии, экономики.

Специалисты изучают динамику эмоциональных отношений в браке, причины одиночества в семье и ее распада, стили семейного воспитания, влияние родительского отношения на развитие и формирование личности ребенка (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкий, А. И. Захарова, А. Я. Варга, В. М. Целуйко, Д. А. Райгородский, В. Сатир, Е. Т. Соколова, Л. Б. Шнейдер и др.).

Традиционно семья считается главным институтом воспитания: в ней закладываются основы личности ребенка. Семейные условия, род занятий, материальный и образовательный уровень родителей являются определяющими для его жизненного пути [1].

Распад семьи представляет собой острую социальную и психологическую проблему современного общества.

Противники повторных браков утверждают, что в связи с устоявшимися паттернами поведения, которые вносятся в новую семью из прошлого опыта семейной жизни, отрицательно сказываются на особенностях лич-

© Боровкова М. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ностного развития ребенка, его эмоциональном самочувствии, самооценке, отношении к окружающим людям [2]. Сторонники повторных браков говорят, что они желательны как для мужчин, так и для женщин, поскольку человек не должен оставаться одиноким, а сопротивление ребенка, перенесшего травму развода родителей, сменится благосклонностью, если в семье вновь воцарится радость и спокойствие [3–5].

Однако вопрос, являются ли для ребенка временными негативные последствия развода родителей и образование новой семьи, или они сохраняются и продолжают сказываться на его личностном развитии и во взрослости, все еще остается открытым.

В настоящее время происходит увеличение числа детей, воспитывающихся в семьях повторного брака. В среднем наблюдается от 5 до 20 % таких детей в классах начальной и средней школы, и преимущественно это подростки [6]. Однако влияние ситуации повторного брака родителей на формирование личности подростка явилось объектом специального исследования лишь немногих авторов. Ф. Райс в своей работе рассматривает индивидуацию и автономию как составляющие развития личности в подростковом возрасте, А. И. Татищева исследует реакцию подростков на развод родителей.

Проблема влияния детско-родительских отношений на формирование личности ребенка в семьях повторного брака встречается в работах Д. Боулби, О. В. Плешаковой, Д. А. Райгородского, А. И. Захаровой, Л. Б. Шнейдер, В. М. Целуйко и др., но объектом данных исследований не являются особенности самовосприятия подростков.

Анализ научной литературы по вопросам влияния на детей и подростков ситуации повторного брака родителей показывает существующие в исследованиях противоречия:

- между потребностью в изучении влияния повторного брака на самовосприятие подростка, с одной стороны, и недостаточностью разработанности этой проблемы – с другой;

- между практической необходимостью в оказании психологической помощи семьям повторного брака в вопросах воспитания подростков, с одной стороны, и отсутствием достаточной информации о внутриличностных детерминантах подростка – с другой.

Таким образом, недостаточная теоретическая и практическая разработанность проблемы, ее большая значимость в условиях современного общества обуславливает актуальность исследования особенностей самовосприятия подростков в ситуации повторного брака родителей.

Цель исследования: изучить особенности самовосприятия подростков в ситуации повторного брака родителей.

Объектом нашего исследования выступают подростки, находящиеся в ситуации повторного брака родителей.

Предмет исследования: самовосприятие подростков, находящихся в ситуации повторного брака родителей.

Задачи исследования:

1. Изучить теоретические подходы к рассмотрению феномена самовосприятия как объекта психолого-педагогических исследований в отечественной и зарубежной литературе.
2. Выявить особенности самовосприятия подростков.
3. Изучить влияние семьи на формирование личности подростка.
4. Провести сравнительный анализ самовосприятия подростков в семьях первого брака и в ситуации повторного брака родителей.

Гипотеза: мы предполагаем, что самовосприятие подростков семей повторного брака имеет отличительные черты от самовосприятия подростков, проживающих с родными родителями, а именно: более реалистичное восприятие жизненной ситуации, повышенный уровень тревожности, склонность к самокопанию.

Теоретико-методологической основой исследования являются основополагающие теории самосознания, в которых самовосприятие рассматривается как триединство сторон процессуальной составляющей самосознания: познавательной, эмоционально-ценностной и действенно-волевой, или регулятивной (В. В. Столин, И. И. Чеснокова, Е. В. Шорохова, С. Л. Рубинштейн и др.), процесс формирования самовосприятия и его особенностей в подростковом возрасте (Э. Эриксон, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, И. С. Кон и др.), влияние семьи на формирование личности ребенка (Э. Г. Эйдемиллер, А. А. Реан, В. М. Целуйко) [7–9].

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы использовался комплекс взаимодополняющих друг друга методов:

- 1) анализ литературы по проблеме исследования;
- 2) психодиагностические методики: методика «Кто Я?» М. Куна и Т. Мак-Партланда; шкала «Я-концепции» Теннесси; методика исследования самооотношения С. Р. Пантелеева (МИС);
- 3) Математико-статистический метод обработки U – критерий Манна – Уитни.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в работе школьных практических психологов, в индивидуальном или семейном консультировании для профилактики отклоняющегося поведения подростков, гармонизации внутрисемейных отношений и профилактики межличностных конфликтов.

Анализ психологических источников по изучению самовосприятия позволяет сделать вывод, что самовосприятие — это довольно сложный процесс, который является ориентировкой человека в собственном внутреннем мире (особенностях характера, ценностях, взаимоотношениях) в результате самопознания и сравнения себя с другими людьми [10].

Формирование адекватного самовосприятия начинается с формирования правильной самооценки и адекватного уровня притязаний. Конечным продуктом самовосприятия является Я-концепция, входящая в когнитивный

компонент самосознания, включающая в себя устойчивые Я- образы и активную деятельность человека в процессе взаимодействия с окружающим миром [11–12].

Опираясь на мнения отечественных авторов (В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.), в своем исследовании мы будем рассматривать самовосприятие как триединство сторон процессуальной составляющей самосознания: познавательной (представление о себе), эмоционально-ценностной (самооценка) и действенно-волевой, или регулятивной (реализация действия).

Эмпирическое исследование проводилось в городе Екатеринбурге на базе МАОУ СОШ № 140 с углубленным изучением отдельных предметов.

В исследовании приняли участие 64 учащихся 9–10 классов (30 девочек и 34 мальчика), средний возраст которых составил 14–15 лет.

Исследуемые учащиеся были разделены на две группы. В первую группу (экспериментальную) вошли дети, проживающие в семьях повторного брака, – 14 девочек и 18 мальчиков. Во вторую группу (контрольную) вошли дети, живущие с родными родителями, – 16 девочек и 16 мальчиков.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе изучалась литература по проблеме самовосприятия подростков, изучались методы психологических исследований самовосприятия и подбирались диагностический материал для нашего исследования.

На втором этапе осуществлялся подбор контингента исследуемых, проводилась диагностика особенностей самовосприятия подростков.

Третий этап был посвящен обработке полученных данных, сравнению результатов исследования обеих групп, формулированию выводов.

Для решения поставленных задач нами использовались следующие диагностические методики: методика «Кто Я?» (модификация Т. В. Румянцевой), направленная на диагностику познавательного компонента сознания; Шкала «Я-концепции» Теннеси – для исследования динамики развития самооценки у подростков, эмоционально-ценностного компонента самосознания; *Методика исследования самоотношения С. Р. Пантелеева (МИС)* применялась с целью диагностики действенно-волевого компонента самосознания [13].

Количественные и качественные данные, полученные по результатам методики «Кто Я?» направленной на диагностику познавательного компонента сознания, были обработаны с использованием метода контент-анализа.

С учетом динамично формирующегося у подростков образа «Я» за основу мы взяли классификацию образов модальности образа «Я», разработанную И. С. Конном [14]. Данная модификация контент-анализа позволяет выявить когнитивные, ценностно-мотивационные и поведенческие аспекты идентичности подростков. Нами были выделены следующие категории идентичности испытуемых:

- 1) физические самохарактеристики;
- 2) социальные идентичности: характеристики своих действий и поступков (помогаю людям, хорошо учусь, хорошо рисую); характери-

стики своих социальных статусов и ролей («дочь /сын», «брат/сестра», «ученик»);

3) личностные диспозиции: самохарактеристики через характеристики других («надежный друг», «лучшая подруга»); характеристики своих предпочтений и желаний («люблю животных», «люблю модно одеваться», меломан, «часто зависаю в соцсетях»); характеристики своих собственных личностных качеств («милая», «вредный», «добрая»).

Для сравнительного анализа самовосприятия подростков в семьях повторного брака и подростков из семей с родными родителями, мы использовали U критерий Манна – Уитни [15].

1. Методика «Кто Я»

Для обработки результатов методики с помощью критерия Манна – Уитни на основе контент-анализа нами были выделены наиболее часто встречаемые ответы подростков контрольной и экспериментальной групп.

Обработка ответов респондентов экспериментальной и контрольной групп с помощью U-критерия Манна-Уитни подтвердила достоверность различий между группами по трем выделенным нами категориям ответов: характеристикам своих действий и поступков; самохарактеристикам через характеристики других; характеристикам своих предпочтений и желаний.

Вывод: Подростки из семей повторного брака в большей степени склонны копаться в себе, анализировать и оценивать свои действия и поступки. Они отделяют себя от окружающих, и все свои успехи и неудачи рассматривают как свои личностные особенности.

Подростки контрольной группы более открыты миру, что делает их уязвимыми и зависимыми от мнения окружающих. Их мнение о себе складывается преимущественно от результатов внутриличностного общения. В своих неудачах они склонны винить не только себя, но и окружающих.

2. Шкала «Я-концепции» Теннесси

Сравнительный анализ результатов, полученных при помощи шкалы «Я-концепции» Теннесси, проводился по девяти шкалам, входящим в методику:

- 1) поведение;
- 2) интеллект, положение в школе;
- 3) ситуация в школе;
- 4) внешность, физическая привлекательность;
- 5) тревожность;
- 6) общение, популярность среди сверстников;
- 7) счастье и удовлетворенность;
- 8) положение в семье;
- 9) уверенность в себе.

Мы получили подтверждение о достоверности различия ответов респондентов экспериментальной и контрольной групп по трем шкалам диагности-

---

ческой методики: поведение; тревожность; удовлетворенность жизненной ситуацией.

Вывод: Подростки из семей повторного брака в большей степени рассматривают свое поведение как не соответствующее требованиям взрослых, что также является показателем их склонности к самокопанию и оценки своих действий и поступков. Реалистичное восприятие жизненной ситуации является причиной снижения уровня удовлетворенности жизнью и проявлением повышенной тревожности.

Подростки из семей первого брака, наоборот, в большей степени оценивают свое поведение как соответствующее требованиям взрослых, удовлетворены жизненной ситуацией и имеют низкий (адаптивный) уровень тревожности.

3. Методика исследования самооотношения С. Р. Пантелеева (МИС)

Сравнительный анализ результатов, полученных с помощью методики исследования самооотношения С. Р. Пантелеева, проводился по 9 шкалам:

- 1) закрытость;
- 2) самоуверенность;
- 3) саморуководство;
- 4) отраженное самооотношение;
- 5) самоценность;
- 6) самопринятие;
- 7) самопривязанность;
- 8) внутренняя конфликтность;
- 9) самообвинение.

Подтверждение о достоверности различий экспериментальной и контрольной групп мы получили по трем шкалам методики: самоуверенность, саморуководство, самообвинение.

Вывод: Регулятором достижения успехов и основным источником развития своей личности подростки из семей повторного брака считают себя. Ответственность за свои поступки и неудачи они склонны брать на себя, что является причиной снижения уровня их самоуверенности, но, несмотря на это, они проявляют стойкость к внешним влияниям и стихийным событиям, в большей степени контролируют свои эмоциональные реакции и переживания по поводу себя.

Для подростков, живущих с родными родителями, напротив, характерна выраженная самоуверенность, ощущение силы собственного «Я», смелость в общении. Их отношение к своему «Я» в большей степени зависит от их адаптированности к ситуации, в непривычных условиях регуляционные возможности их «Я» ослабевают. Они склонны отрицать свою вину в конфликтных ситуациях, перекладывать с себя ответственность и обвинять в случившемся других.

Таким образом, сравнительный анализ самовосприятия подростков в семьях повторного брака и подростков из семей с родными родителями

с помощью U критерия Манна – Уитни позволил выделить ряд достоверных различий.

Подростки из семей повторного брака в большей степени склонны копаться в себе, анализировать и оценивать свои действия и поступки. Они отделяют себя от окружающих и все свои успехи и не удаchi рассматривают как свои личностные особенности, что приводит к снижению уровня самоуверенности. Они более критично относятся себе и чаще рассматривают свое поведение как не соответствующее требованиям взрослых. Для них характерно более реалистичное восприятие жизненной ситуации, что является причиной снижения уровня удовлетворенности жизнью и проявлением повышенной тревожности. Но, несмотря на это, они проявляют стойкость к внешним влияниям и стихийным событиям, в большей степени контролируют свои эмоциональные реакции и переживания по поводу себя.

Подростки из семей первого брака более открыты миру, что делает их уязвимыми и зависимыми от мнения окружающих. Их мнение о себе складывается преимущественно от результатов внутриличностного общения. В своих неудачах они склонны винить не только себя, но и окружающих. Они в большей степени оценивают свое поведение как соответствующее требованиям взрослых, удовлетворены жизненной ситуацией и имеют низкий (адаптивный) уровень тревожности. Им характерна выраженная самоуверенность, ощущение силы собственного «Я», смелость в общении. Их отношение к своему «Я» в большей степени зависит от адаптированности к ситуации, в непривычных условиях регуляционные возможности их «Я» ослабевают.

Таким образом, сравнительный анализ самовосприятия подростков в семьях повторного брака и подростков из семей первого брака с помощью U критерия Манна – Уитни позволил выделить ряд достоверных различий, что позволяет сделать вывод о том, что подростки из семей повторного брака в большей степени склонны копаться в себе, анализировать и оценивать свои действия и поступки. Они отделяют себя от окружающих и все свои успехи и не удаchi рассматривают, как свои личностные особенности, что приводит к снижению уровня самоуверенности. Они более критично относятся себе, и чаще рассматривают свое поведение как не соответствующие требованиям взрослых. Для них характерно более реалистичное восприятие жизненной ситуации, что является причиной снижения уровня удовлетворенности жизнью и проявлением повышенной тревожности. Но, не смотря на это, они проявляют стойкость к внешним влияниям и стихийным событиям, в большей степени контролируют свои эмоциональные реакции и переживания по поводу себя.

Подростки из семей первого брака более открыты миру, что делает их уязвимыми и зависимыми от мнения окружающих. Их мнение о себе складывается преимущественно от результатов внутриличностного общения. В своих неудачах они склонны винить не только себя, но и окружающих. Они в большей степени оценивают свое поведение как соответствующее тре-

бованиям взрослых, удовлетворены жизненной ситуацией и имеют низкий (адаптивный) уровень тревожности. Им характерна выраженная самоуверенность, ощущение силы собственного «Я», смелость в общении. Их отношение к своему «Я» большей степени зависит от адаптированности к ситуации, в непривычных условиях регуляционные возможности их «Я» ослабевают.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в работе школьных практических психологов, в индивидуальном или семейном консультировании и направлены на профилактику отклоняющегося поведения подростков, гармонизацию внутрисемейных отношений и профилактику межличностных конфликтов.

Ссылки

1. Аргентова Т. Е., Колотилина В. В. Особенности детско-родительских отношений в семьях повторного брака // Вестник КемГУ. 2013. Т. 1, № 4. С. 102–106.
2. Целуйко В. М. Психология современной семьи: Книга для педагогов и родителей. М.: Владос, 2004. 288 с.
3. Валлерштейн Дж. В., Келли Дж. В. Последствия развода родителей: переживания ребенка в период поздней латентности / пер. с англ. Е. Егоровой // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. 285 с.
4. Колотилина В. В. К проблеме адаптации ребенка в условиях повторного брака одного из родителей // Психология – наука будущего: материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 293–295.
5. Лофас Ж., Сова Д. Повторный брак: дети и родители. СПб.: Питер-Пресс, 2006. 320 с.
6. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 2005. 344 с.
7. Ананьев Б. Г. К постановке проблемы развития детского самосознания // Избр. психол. труды. М.: Владос, 2012. 347с. С. 103 – 128.
8. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 2009. 342 с.
9. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 656 с.
10. Психология самосознания // Хрестоматия / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. 672 с.
11. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Наука, 2006. 422 с.
12. Иващенко Н. В., Агапов В. С. Я-концепция личности в отечественной психологии. М.: ДРОФА, 2000. 198с
13. Столин В. В. Методики психодиагностики самосознания // Общая психодиагностика. СПб., 2004. 366 с.
14. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Ось, 2014. 367с
15. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 350 с.